

Олег Михеев

Заблудшие души. Старое поместье

Олег Михеев
Заблудшие души.
Старое поместье

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70551646
SelfPub; 2024*

Аннотация

В старом поместье, расположенном неподалеку от затерянной в английских лесах деревушки, пробуждается Зло. Местный священник пытается спасти свою паству от душ, которые так и не нашли покоя. Ему на помощь приходит старый друг, Тадеуш Моравский, профессор теологии и специалист по борьбе с демоническими созданиями.

Содержание

Глава 1. Лорд	4
Глава 2. Зверь	18
Глава 3. Отец Яков	31
Глава 4. Профессор Моравский	56
Глава 5. Арчи	87
Глава 6. Монти	106
Глава 7. Анна	135
Глава 8. Ночная охота	145
Глава 9. Лорд Даркфилд	163
Глава 10. Лаборатория	176
Эпилог	195

Олег Михеев

Заблудшие души.

Старое поместье

Глава 1. Лорд

Лорд сидел у окна, покачиваясь в старинном кресле. На коленях у него лежал теплый шерстяной плед в красно-коричневую полоску. И хотя в камине потрескивали дрова, а в комнате было тепло, Лорд продолжал кутаться в плед, крепко сжимая в руках тяжелое двуствольное ружье. Оружие походило на те, что можно увидеть только в антикварных лавках или музеях: изрядно потемневший приклад из красного дерева, инкрустированный золотыми вставками, бронзовый курок, выполненный в виде мифического морского змея, ствол, испещренный множеством щербин. Но, несмотря на почтенный возраст, ружье внушало чувство уважения, мощи и силы.

Лорд смотрел в окно, выходявшее в сад. Обширная зеленая лужайка была окружена невысокими аккуратно подстриженными кустарниками. От лужайки в противоположные стороны расходились дорожки, мощенные белым камнем. Но они давно утратили свою белизну, потемнели и кое-

где покрылись мхом. Дорожки были обрамлены каменным заборчиком, на котором стояли массивные гипсовые вазы, с растущими в них фиолетовыми цветами. Одна дорожка вела к домику садовника из красного кирпича. Крыша домика была покрыта серой черепицей. Постройка утопала в желтых розах, так и норовящих протиснуть свои стебли в окно.

Вторая дорожка вела к пруду овальной формы. В его водах отражалось тёмное небо. А в этом отражении, словно ожившие звезды, неспешно сновали оранжевые, красные и золотые рыбки. За водоёмом, немного южнее находился зеленый лабиринт высотой в два человеческих роста. Лабиринт тоже переживал трудные времена: ножницы садовника касались его слишком редко. Это было заметно по разросшимся веткам, которые, словно раскинутые в сторону звериные лапы, топорщились то тут, то там.

Внутри него находились, выкованные искусной рукой скамьи. Работа мастера, создавшего их, завораживала: изящные изгибы подлокотников, спинки, напоминающие лебединую шею, так и хотелось опуститься на одну из них и созерцать красоту вокруг. Красоту, которая уже начала тускнеть. Взор, охваченный первоначальным восторгом, начинал подмечать явственные следы запустения. Скамьи покрыты толстым слоем пыли, верхушка зеленого лабиринта бесконтрольно разрасталась, пруд с северной стороны начало затягивать ряской. А каменные дорожки то тут, то там уступали место высокой траве.

В центре лабиринта находился небольшой двухъярусный фонтан: в нём давно уже не плескалась вода. А на дне лежала лишь засохшие листья, да комки, невесть откуда взявшейся, земли.

Если бы кому-нибудь удалось преодолеть лабиринт и пройти его насквозь, то он вышел бы к фруктовому саду. Когда-то это было прелестное местечко: ровные ряды яблонь, груш, слив, вишни в одном углу, в другом – кустарники, манящие спелым цветом своих плодов. Крыжовник, черная и красная смородина, ежевика – все это сейчас поросло высокой травой и смешалось воедино. Некогда ухоженное место превращалось в дикий перелесок.

Но если бы кто-то, ведомый непонятной прихотью, сумел бы преодолеть и фруктовый, то, в конце концов, наткнулся бы на еще одну стену. Особняк был окружен высокой оградой – серьёзным препятствием для любого нарушителя спокойствия. Протиснуться между массивных прутьев частокола, напоминающих копыя, было просто невозможно. А перемахнуть без лестницы, не обладая обезьяньей ловкостью, крайне затруднительно.

Лорда красоты собственного поместья сейчас интересовали мало. Он не отводил глаз от фонарей, зажжённых слишком рано: солнце только начало спускаться к горизонту. Водил дулом от одного источника света к другому, словно пытаясь кого-то выследить. Однако на лужайке перед домом царил покой, ничто не нарушало безмятежной картины.

Незаметно для себя мужчина в кресле задремал. Может быть, сказался почтенный возраст, может быть – усталость от предыдущего ночного бдения. Так и не выпустив ружья из рук, опустил голову на грудь и тихо засопел.

Солнце ушло на покой, бросив последние лучи на изумрудную зелень лужайки. В домике садовника в окне загорелась свеча. Тусклое сияние фонарей озаряло фасад усадьбы.

Часы в гостиной пробили час пополуночи. Лорд вздрогнул, но не проснулся, лишь крепче обнял ружье. Резкий звук разбитого стекла и протяжный собачий вой сделали то, чего не добился бой часов. Мужчина резво вскочил, бросил беглый взгляд на сад, и кинулся к выходу. Промчавшись по длинному коридору, добрался до лестницы, спустился вниз, открыл входную дверь и выскочил наружу. Рванул в сторону разбитого потухшего фонаря, откуда раздавался жалобный собачий скулёж, и в ужасе замер...

Лорд разглядел что-то в тьме: какой-то силуэт. Направил на него ружье и выстрелил из обоих стволов. Собачий вой стих. Дрожащими руками мужчина переломил двустволку и перезарядил её. Затем со всех ног бросился к домику садовника. Подскочил к входной двери и затарабанил в неё сапогом.

– Монти! – заорал он, – Монти. Отопри мне!

– Хозяин, это вы? – раздался едва слышимый голос изнутри.

– Конечно, это я! Кто же еще? Может твоя покойная же-

нушка, черт тебя побори! Открывай, или я выстрелю в замок!

– У меня здесь засов, – отозвался садовник, – я недавно его приладил, так что вам это не поможет, стреляйте. Но кажется, это точно вы, милорд.

Дверь со скрипом отворилась: в проеме возник мужчина с взлохмаченными волосами и фонарём в руке.

– Скорее, милорд, скорее, заходите же, я запру дверь, – скороговоркой проговорил он.

Лорд проскользнул внутрь и тяжело дыша, плюхнулся на старенький стул, который издал жалобный звук.

Садовник поспешно затворил дверь, щелкнул замком, задвинул засов. Потом перекрестил её и насыпал дорожку соли перед входом. Мужчина с ружьём, наблюдающий за этими действиями, скептически покачал головой и произнёс:

– К чему всё это? Суеверия не спасут тебя от ублюдков снаружи. Ты видел их Монти? Видел, что они сделали с Арчи? Скоты, я поквитаюсь с ними и за это и за всё остальное.

– Господин, я много раз вам говорил: это поместье проклято, здесь обитает зло...

– Боже мой, Монти! Я не религиозен, не верю в эту чепуху, но ты своей ересью заставляешь меня упоминать имя Бога всуе. Ты видел что-нибудь?

– Я не выглядываю наружу в ночную пору.

– А зря! Это твоя обязанность...

– Следить за садом, господин, но никак не охранять его

от призраков. Я вам не раз говорил, милорд, пригласите священника, пусть окропит всё здесь водой божеской, да молитвы прочтет, глядишь, и лихо успокоится.

Монти подошел к окну, поправил занавеску и насыпал второй ряд соли на подоконник. Лорд поднялся и направился к выходу:

– Бери свой фонарь, пойдем, ещё раз посмотрим.

Садовник рванул к двери и, растопырив руки, загородил ее:

– Мой господин, я не выпущу вас и сам наружу не пойду. Хотите, стреляйте в меня. Но всё равно не выпущу.

– Ну и дурак же ты, Монти, – Лорд пожал плечами, вернулся на стул. Почти сразу встал с него и лёг на незаправленную кровать, не снимая сапог. Прислонил ружье к кровати, натянул одеяло до подбородка.

– Значит, будем ждать утра. Разбуди, если еще что-нибудь приключится – пробурчал он и, несмотря на всё случившееся, через некоторое время задремал.

Солнечные лучи заглянули внутрь домика с серой черепицей. Сначала осторожно с опаской, потом всё настойчивей. Они опустились на большую черную муху, которая с противнейшим жужжанием приземлилась на нос спящего Лорда. Тот бессознательным движением ударил её, и тем самым разбудил себя. Потянулся, сладко зевнул, а потом резво схватился за ружье. Осмотрел комнату: занавески отдернуты, на столе – чайник без крышки, над которым клубится пар. И

никакого следа Монти. Лорд еще раз потянулся, что-то про-
бормотал под нос, поднялся и вышел из домика.

– Монти, – негромко позвал он садовника, но ответа не дождался.

Проследовал по мощёной дорожке, внимательно смотря по сторонам. Снаружи никого не было. Вышел на лужайку перед особняком и замедлил шаг. Направился к разбитому фонарю, бросив взгляд на ворота, которые были распахнуты. Подошел ближе.

– Мой бедный Арчи, – сокрушенно качая головой, произнёс Лорд. – Что с тобой сделали эти негодяи... Чтобы меня запугать убили невинное животное. Друга сгубили... Ах, Арчи и зачем же ты вернулся...

Лорд услышал чей-то голос и повернул голову в сторону ворот: по грунтовой дороге к особняку приближались люди. Мужчина прищурил подслеповатые глаза, но не распознал чужаков. Держа ружьё наперевес, подошел к воротам и начал их закрывать, но был остановлен негромким окликом:

– Господин, подождите, не запирайте!

Лорд, наконец-то разглядел приближающуюся парочку: это был пропавший садовник и человек в чёрной сутане.

– Монти, зачем ты его привёл? Я же говорил, что не желаю его здесь видеть.

– Спокойно, мистер Карпентер. Я прибыл по приглашению вашего садовника. Он человек верующий и имеет полное право на мою помощь. Так же как и вы, впрочем.

– Вот и оказывайте её в своей церкви, а не в моих владениях, – буркнул Лорд и продолжил запирать ворота.

Священник хмыкнул, посмотрел на Монти, давая понять садовнику, что здесь он ничего поделывать не может. Тот мгновенно всё понял и, вцепившись в прутья возопил:

– Милорд, смилуйтесь! Вы же сами видите, что здесь творится: шорохи, силуэты, мертвые птицы, а теперь и ваш пёс. Эту проблему нельзя разрешить выстрелом из ружья. Только церковь способна победить это зло. Умоляю, позвольте отцу Якову осмотреть усадьбу и освятить хотя бы мой домик. Иначе, даю слово, милорд, я сюда больше не вернусь!

Вся эта скоропалительная тирада ничуть не повлияла на мнение Карпентера, который методично продолжал орудовать цепью, запирающей ворота. Однако последняя фраза вызвала у него неподдельное изумление.

– Что ты говоришь, Монти? Разве я был плохим хозяином? Разве я о тебе не забочусь? Разве мы не старые друзья, в конце концов? Без твоих рук сад совсем придёт в упадок, ты же знаешь. Я не могу этого допустить. Следить за помещением – наш долг.

– Тогда уступите моей просьбе. Это не займёт много времени. Не так ли, отец Яков?

– Ты прав Монти, я управлюсь до полудня.

Лорд, скрипя зубами и глядя исподлобья на человека в сутане, нехотя сделал приветственный жест рукой:

– Заходите, святой отец – процедил он сквозь зубы, – а я,

пожалуй, пока побуду в доме.

Солнце давно покинуло зенит, когда Карпентер вышел из особняка и направился к дому садовника. Подойдя к двери, мужчина собрался её толкнуть, но она, словно по волшебству, отворилась сама. На пороге стоял священник.

– А я как раз пришёл напомнить давно, что полдень уже миновал и вам пора покинуть усадьбу, отец Яков.

– Я уже ухожу, мистер Карпентер. Монти был настолько любезен, что не отпускал меня, пока не напоил этим невероятным чаем из лепестков суданской розы. Я закончил здесь. Думаю, что тьма больше не потревожит ни вас, ни вашего садовника.

– Монти человек неграмотный и необразованный, ему свойственно верить во всякую чепуху. Но мне всегда казалось, что вы умнее, отец Яков. Уж со мной-то могли бы быть и честны. Но если все эти камлания успокоят Монти, я буду вам благодарен – последние слова Лорд из себя просто выдал.

Священник как-то странно на него взглянул и произнёс:

– Надеюсь, когда-нибудь, вы поменяете свои взгляды. Мне пора. Монти, – отец Яков оглянулся, – не нужно меня провожать. Я думаю, мистер Карпентер с большим удовольствием и сам зайдёт за мной ворота.

– Хозяин, вы здесь? – за спиной отца Якова показалась растрепанная голова садовника.

– Священник прав, я сам его провожу. А ты, Монти, займись садом: те белые лилии, о которых я тебе говорил, нуждаются в уходе.

– Как прикажете, милорд.

Служитель Господа не проронил ни слова по дороге к выходу из поместья, и лишь когда Карпендер защелкнул замок на массивной цепи, повернулся и сказал:

– Присматривайте за Монти, мистер Карпендер. Он очень напуган. И да хранит вас всех Господь.

Лорд лишь хмыкнул в ответ и поспешил назад в дом: время обеда уже прошло, а он так и не перекусил, наблюдая из окна за действиями священника. Поэтому был очень голоден и зол. На отца Якова и на самого себя.

Разведя огонь в очаге, Карпендер спустился в погреб и принёс бекон. Бросил его на сковороду, на вторую – пару яиц. Дождался, пока бекон подрумянится, выложил его вместе с яйцами на тарелку. Достал из настенного шкафчика кусок хлеба и намазал его клубничным джемом. Заварил чай из лепестков роз, о котором так лестно отзывался священник, и приступил к обеду. Неспешно жуя незамысловатую пищу, он размышлял. И мысли его были наполнены грустью. После обеда ему полагалось вздремнуть и отдохнуть перед ночным бдением, но еще одно дело оставалось незаконченным. Нужно было похоронить Арчи.

Тяжело дыша, вытерев пот со лба тыльной стороной ладони, Лорд бросил мешок на землю. Огляделся по сторонам: вокруг никого не было. Да и кто мог быть здесь, кроме садовника, который, наверняка, сейчас занимался подстрижкой кустарников. Лорд решил похоронить собаку в самом углу в юго-западной части своих владений: неподалеку от пруда, почти вплотную к кованой ограде, за которой рос могучий дуб.

Вооружившись лопатой, он аккуратно вскрыл слой дёрна и начал вгрызаться в землю. Однако Лорд был немолод, и оттого копка могилы заняла немало времени. Когда яма была вырыта в четверть человеческого роста, солнце уже катилось к закату. Мужчина сел на край и попытался отдышаться.

– Бедный мой Арчи, ты достоин лучшего последнего пристанища... Но, что я могу? Прости, старый друг. Пожалуй, чтобы уважить тебя, выкопаю могилку поглубже.

Лорд со вздохом взял в руки лопату. Копнул раз, копнул два, с размаху вонзил острие в землю, наткнулся на что-то, и выругался. Наклонился, прищунив подслеповатые глаза, разгреб почву руками. И достал из-под земли пожелтевшую, полуистлевшую кость.

– Что за дрянь! – воскликнул он и вышвырнул находку за ограду. Кость с глухим стуком ударилась о ствол старого дуба и упала в заросли. – Эх, Арчи, у меня больше нет сил.

С этими словами, он схватил мешок с телом пса и стащил его на дно ямы. Кряхтя выбрался наружу и начал сталкивать

горку земли обратно. Небесное светило уже скрылось за горизонтом, когда Лорд вернул куски дерна на места, прихлопнув их инструментом. Опершись на него, постоял пару минут, прежде чем произнести:

– Прощай, Арчи.

Потом опираясь на лопату, как на костыль, побрел к дому. Нужно было умыться, поужинать и немного отдохнуть перед ночным дежурством. Лорд предчувствовал, что напавшие на собаку, ещё вернуться. Остановился на минуту, оглянулся, бросил взгляд на дуб, толстые ветви которого свисали над оградой. Сколько раз говорил Монти, что их нужно спилить, подумал он. Да и всё дерево целиком. А он выйдет наружу, постоит как истукан, посмотрит на дуб и ничего не делает. Может быть по этим ветвям смутьяны и пробираются в усадьбу.

Возвращаясь, он увидел, как садовник несёт лестницу, прилаживает её к фонарю и меняет разбитый плафон. Махнул ему рукой, и устало поплелся в дом.

Вымыв руки в ведре с водой, что стояло перед входом, Лорд вошел внутрь. Снял обувь, поднялся в свою спальню на втором этаже, достал чистые брюки и белую рубашку из бельевого шкафа, и спустился вниз. Направился в правое крыло своего особняка. Там на первом этаже находилась кухня, погреб и ванная комната. Мужчина потянул за ручку и вошел внутрь. Несколько масляных светильников ярко горели:

их света вполне хватало, чтобы увидеть, как над бронзовой ванной клубится пар.

Пол был устлан керамической плиткой коричневого цвета с древесным рисунком. На стенах были обои тёмно-бежевого цвета. Орнамент на них походил на тот, что был на полу. Создавалось впечатление, что от ванны отходят отростки, ползут по плитке, а потом перебираются на стены. Дрожащее пламя масляных ламп лишь усиливало это ощущение, отчего казалось, что узор шевелится. Карпентер находил такую композицию весьма странной, но таков был выбор прежнего лорда.

– Монти, ты хоть и дурак, но дурак безупречный, – пробормотал он, глядя на дымку над водой, и сбросил с себя грязную одежду. Снял домашние туфли и сделал шаг вперед. Положил чистое белье на небольшой шкафчик, стоящий в углу, направился к ванне и внезапно ощутил под ногой что-то мягкое. Наклонился, поднял это и поднёс к глазам, чтобы рассмотреть. В руках оказался кусок чёрной и жирной земли, в котором, кажется, копошился дождевой червь. Лорд безгласно отдернул руку от лица и бросил комок на пол.

– Монти, грязная ты свинья, – буркнул он, – никак не можешь приучить себя к чистоте и порядку. Чёртов невежа.

Поворчав еще пару минут, Лорд тщательно вытер ногу о лежащий на полу коврик и погрузился в горячую воду. Расслабился и на какое-то время забыл обо всех своих заботах. Вода дарило тепло, спокойствие и сладкое забвение. И муж-

чина задремал. Руки, державшие бортики ванной, расслабились, и он соскользнул вниз. Очнувшись, выскочил из воды как ошпаренный, мотая головой и одновременно с этим плюясь и ругаясь. Пятясь, подошел к одной из масляных ламп, взял её в руки и вышел наружу. Лорд, даже не обратил внимания на злополучный кусок земли, на который он снова наступил. Выглянул за дверь: там никого не было. Облегченно вздохнул, поставил лампу на место, облачился в чистое белье, погасил светильники и покинул комнату.

Часы пробили одиннадцать. Снаружи давно стемнело. Лорд со свечой в руке поднялся по лестнице в свою комнату. Свечой разжег сухие ольховые дрова и, наслаждаясь игрой огня в камине, уселся в свое излюбленное кресло-качалку. Переломил ружье, проверив, что оно заряжено и уставился на лужайку. Фонари горели ровным желтым светом. Почти таким же, что и окна в домике садовника.

Глава 2. Зверь

Лорд проснулся от настойчивого стука в дверь. Кто-то тарабанил руками и ногами, практически не прекращая. Мужчина бросил взгляд на часы: было пять минут десятого. Потянувшись и расправив затекшие суставы, которые издали характерный хруст, с ружьём наперевес направился к выходу.

– Да иду, иду, черт вас подери, – бубнил он, спускаясь вниз. – И кого же там дьявол принес? Я же ясно сказал Монти, никого не впускать.

– Хозяин, Хозяин, – раздался из-за двери радостный возглас, – я же говорил, я же говорил вам. Монти оказался прав, Монти не такой уж и глупец!

Лорд щелкнул замком, снял цепочку и, поставив ружье возле двери, произнёс:

– Ну чего ты стучишь, Монти? Что стряслось?

– Я же говорил, я же говорил, – садовник продолжал восклицать и приплясывать от радости на пороге, – отец Яков нам помог, церковь нам помогла, Господь Бог нам помог! Я же говорил.

– Успокойся, Монти. Ступай к себе, а я сейчас подойду, и ты мне всё расскажешь. И завари того мятного чая, что мне так нравится.

– Как скажете, Хозяин. Но ведь я же говорил, – продолжал

повторять Монти, бредя назад.

– Неугомонный, – проворчал ему вслед Лорд, захлопнул дверь и направился на кухню. Достал из шкафчика холстяной мешочек с галетами, посмотрел на ружье, секунду поколебался, но решил оставить его в особняке. Вышел наружу, прищурившись, взглянул на солнце, потом осмотрел округу, закрыл дверь на ключ и направился к домику из красного кирпича.

Садовник вынес два стула из дома и поставил их перед цветником. Затем вернулся за небольшим столиком. Лорд, усевшись на тот, что выглядел надёжнее, наблюдал за тем, как суетится его слуга. Наконец, тот вынес медный чайник и два блюдца, на которых стояли чашки. С поклоном наполнил хозяйскую, потом свою собственную. И сел на свободный стул. Лорд раскрыл мешочек и высыпал печенье на столик.

– Какая сегодня чудесная погода, Монти. И ночь спокойно прошла. И если б не мой бедный пёс и эти негодяи, что повадились к нам лазать, я бы мог сказать, что я счастлив. Так о чём ты мне хотел поведать?

Отпил душистого чая и продолжил:

– Причем так настойчиво, что чуть не сломал двери моего поместья?

– Отец Яков освятил усадьбу снаружи, а мой домик – изнутри, – жуя печенье, скороговоркой пробормотал садов-

ник, – и распяты мне из чистого серебра подарил. С таким никакая нечисть не страшна.

Лорд властным движением руки, прервал его:

– Не разговаривай с набитым ртом, Монти. Когда же ты научишься хорошим манерам? – вздохнул он.

Садовник поспешно проглотил лакомство, запил чаем и продолжил:

– Так вот я и говорю, помогло заступничество Божье, перестала она ночами под окнами ходить. Спал сегодня как младенец, никто меня не тревожил.

– Опять ты о духах и потусторонней силе, Монти, – Лорд покачал головой, – и не надоело тебе?

– Я не о духах, милорд. А о ней. Только о ней.

– О своей жене?

– Ну конечно, милорд, о ком как не о жене. Как сейчас помню: высокая, с полной грудью и длинной косой. А трудолюбивая была, никого работающее ее в округе не было. А смеялась звонко как колокольчик и так улыбалась, по-особенному. Боже, вы не поверите, милорд, как она мне улыбалась.

Лорд, держа правую руку на лбу, левой помешивал чай галетой. Он слышал эту историю уже тысячу раз, а может быть и больше. Она уже не раздражала его, скорее напоминала назойливое жужжание комара, от которого нельзя отмахнуться: только прогонишь, а он всё норовит вернуться назад. Наконец, устав слушать о достоинствах этой женщины, он перебил садовника:

– Да, да, она была замечательной, Монти, в этом я не сомневаюсь. Но, насколько я помню, она не была твоей женой. Или святоша вас тайно обвенчал? Так если меня память не подводит, его в ту пору в Олдвидже еще и не было.

– Обижаете, милорд. Конечно же, она была моей женой. Как не была? Все знали её, все завидовали мне и говорили: «Ах, какая баба ему досталась». Но я и сам тогда еще ого-го, какой был. Да, был. Ведь вы помните, милорд?

Лорд торопливо кивнул головой в знак согласия, отпил чай и устался на розовый куст, над которым жужжала пчела.

– Так вот, как я вам уже говорил: здесь ночами неладное творится, она являться ко мне стала.

– Да, да, ты рассказывал, я помню. Я даже покинул особняк из-за твоих дурацких небылиц и переночевал здесь. И никого не увидел, хотя ты клялся и божился, что призрак твоей «женушки» не дает тебе покоя.

– Дак, видно вы её спугнули. Наверное, простые люди и после смерти испытывают почтение к господам. Но я еще несколько раз её видел. Один раз тогда, когда в деревню за припасами ходил и задержался. Стемнело уже, ворота я заперал и чувствую, холодно стало как зимой. Обернулся я и вижу: идет она от пруда, протягивая ко мне руки. Бросил я мешок и помчался к домику, еле-еле успел дверь затворить, как в окно она заглянула. Но войти внутрь не посмела: у меня соль там насыпана, да распятие висит на стене. Всю

ночь не спал, слушал, как она бродит вокруг. Вы, небось, и не помните ту ночь, милорд?

– Помню, Монти, еще как помню. И разбитую крынку молока помню, и кусок телятины, что ты бросил у ворот помню. Его мыши погрызли или какие-то другие зверушки, да так, что кроме костей ничего и не осталось. Как такое забудешь.

Монти не обратил никакого внимания на эти слова и произнёс:

– И с тех пор всё чаще, она являться стала. Последнюю неделю, каждый день.

– Так значит, это она птиц убивает, фонари бьёт и собаку мою прикончила?

– Ну, а кто же еще? Конечно, она. Вы же сами неоднократно убеждались: ворота закрыты, просто так к нам не пробраться. И следов никаких. Это дело рук призрака. Ей-богу.

Лорд не ответил, допил чай и некоторое время сидел молча, глядя на желтую розу, которая распустилась этим утром. Ему казалось, что он улавливает её чудной аромат, но возможно это была игра воображения: вокруг было множество цветов, и каждый источал благоухание. Монти наполнил его чашечку и ждал, когда хозяин соизволит к нему обратиться. Тот вышел из задумчивости и промолвил:

– Допустим, я тебе поверил. Тогда возникают новые вопросы. Во-первых, как она здесь очутилась? Во-вторых, чего она хочет? Зачем разоряет поместье и творит зло?

– Да покуда б я знал, сразу бы и рассказал. Этих баб, по-

ди, разбери, что у них на уме. А моя-то еще и мёртвая. Не может покой найти на том свете, мне отец Яков, так и объяснил. Может быть, любила меня так сильно, что отпустить не смогла. А может быть из-за того, что умерла не по-христиански. Отец Яков так и сказал, мол, вероятнее всего.

Лорд с любопытством взглянул на Монти, словно увидел его впервые.

– А вот об этом, ты никогда не рассказывал. Это что-то новенькое. Как это случилось, что ты остался без своей возлюбленной жёнушки? И почему ты решился поведать это мне сегодня? Насколько я помню, она просто сбежала отсюда. Как и все остальные. Полагаю, она жива, здорова, давно нашла себе другого мужа, а о тебе и не вспоминает.

– Что вы, милорд! Да, она бы ни в жизнь! Она не такая! Она меня любила. А молчал, потому что боялся неосторожным словом разозлить призрака. А сейчас сердцем чую, ушла она, успокоилась и больше нас не потревожит. Лежало это грузом на душе, вот и решился рассказать. Самоубийца – она. Убила себя. Запрещено это и божьими, и людскими законами. Потому и бродила неприкаянная душа, не могла от бремени этого разрешиться. А сейчас святой отец упокоил её.

Лорд со звоном поставил пустую чашку на блюдце, о чем-то размышляя. Потом вздохнул и обратился к садовнику:

– Так как это случилось, Монти?

– Ну, теперь об этом можно рассказать, теперь не страш-

но, её прогневать, пожалуй. Повесилась она, милорд. Удавила себя, моя бедная женушка. Не по-людски ушла из жизни, ох не по-людски. Я как увидел её, синюю, с глазами навывкат, в испачканном белом платье, так и на землю упал от горя. А она как будто бы смотрит на меня так укоризненно и раскачивается туда-сюда. А сама вся синяя, целую ночь ведь провисела.

Лорд, который в это время запивал галету душистым напитком, брезгливо поморщился. Поставил чашку на столик и встал.

– Мне пора, Монти. Галеты оставь себе, это подарок. Приберись здесь, – он указал на столик, – а я пока сделаю обход, посмотрю всё ли в порядке. И больше не беспокой меня своими рассказнями о призраках, гоблинах, пикси и прочей чепухе.

Удалившись на полсотни футов и достигнув мощеной дорожки, Лорд обернулся и махнул садовнику рукой:

– Чуть не забыл, Монти, – строгим тоном произнёс он, – я же говорил тебе разуваться, когда заходишь в дом. В поместье должен быть идеальный порядок и чистота, а куски грязи на полу – это неприемлемо! Заруби себе это на носу и не заставляй меня напоминать об этом ещё раз!

Садовник удивился, озадаченно почесал косматую голову и развёл руками, в одной из которых находился чайник, а в другой – стул:

– Как прикажете хозяин, как прикажете.

Дни тянулись ровной неспешной чередой. В усадьбе воцарилось спокойствие: никаких мертвых животных и птиц, вырванных с корнями кустов, лужиц крови и других «знаков», как их называл Монти, не обнаруживалось. Успокоившись, Лорд стал чаще отпускать садовника в деревню: пополнить запасы провизии, да и просто узнать новости, если посчастливится.

Западный Хантершир – место, удаленное от цивилизованного мира: ничего кроме густых лесов, полей и разбросанных то тут, то там мелких деревушек. До ближайшего городка под названием Денсфорт 100 миль езды верхом по бездорожью и разжиться здесь даже прошлогодней газетой, не говоря уже о свежей прессе, практически невозможно. Мужчина скучал по тем временам, когда прежний лорд возвращался из своих поездок, привозя в особняк изысканные вина, заморские яства, а также особый дух, дух цивилизации, обязательным атрибутом которого являлись газеты.

Бродячие торговцы редко забредали в эти края, и если такое случалось, то это становилось настоящим событием и праздником для жителей Олдвиджа. И те торговцы, что знали о поместье и вкусах Лорда, старались привозить с собой печатные издания, зная, что такого рода товар найдёт спрос в этих местах. Обычно они сами приходили к воротам усадьбы, но прошло уже больше двух лет, как никто из них не появлялся в этих краях. Возможно, их отпугнули слухи, что

распустили неотесанные деревенщины. И может, сам Монти подлил масла в огонь, рассказав о своих бреднях в деревне. К чему-то серьёзному из его уст местные отнеслись бы скептически, а вот байки о призраках от юродивого, да, такое они любят. Но торговцев-то это не должно было спугнуть. В погоне за серебром такие люди готовы отправиться в ад, не то, что к моему порогу. Странно это. И неладно.

Минула ровно неделя с момента последнего происшествия, и тревога почти покинула мысли Лорда. Монти по-прежнему был назойлив и до чёртиков разговорчив, но сейчас это уже не казалось таким ужасным. Он продолжал ухаживать за садом, и тот откликался на его заботу с благодарностью: распускались новые цветы, на фруктовых деревьях появлялись завязи, в аккуратно постриженной траве стрекотали кузнечики, а в прудике весело плескались золотые рыбки, завезенные прежним хозяином. Душа Лорда во всём этом великолепии находила долгожданное спокойствие и умиротворение. На седьмой день, когда темнота окутала поместье, а светляки-фонари ярко сияя, разливали вокруг тёплый жёлтый свет, он наконец-то разрядил ружьё, повесил его на стену и покинул свой пост перед окном. Задвинул шторы, погасил масляную лампу, снял домашние тапочки и лёг в кровать. Укрылся одеялом и подумал: «Может быть, все-таки стоит поблагодарить отца Якова?»

Угольки в камине давно потемнели и лишь изредка на мгновение вспыхивали, а потом снова гасли. Где-то вдалеке ударила молния, и спустя минуту, до особняка долетел приглушенный раскат грома. Начался дождь: сначала несмело, потом всё сильнее и сильнее. Ливень стучал прозрачными пальцами в окна поместья. Но это ничуть не мешало сну его единственного обитателя.

Лорд мирно почивал в постели, и лишь Богу было известно, какие сны он видит. Часы в гостиной пробили одиннадцать, двенадцать, а затем час после полуночи. Мужчина издал звук похожий на что-то среднее между громким всхлипом и храпом и повернулся на другой бок. Буря набирала силу. Молния ударила совсем рядом, яркой белой вспышкой озарив всю округу. Раздался гром такой силы, что в усадьбе задребезжали окна. Лорд вздрогнул и проснулся: рефлексным движением потянулся за ружьем, но не нашел его. Придя в себя, облегченно вздохнул, вытер пот со лба и... услышал зловещий собачий вой, доносящийся снаружи.

От этого воя у мужчины застыла кровь в жилах: в нём было что-то загробное, потустороннее, словно сама смерть зовет из разрытой могилы. Снял оружие со стены, отдернул занавеску. На лужайке перед домом в облаке белой мглы стоял черный пёс с глазами, горящими ядовито-зеленым огнем. И хотя в комнате было полностью темно, и увидеть мужчину было просто невозможно, пёс повернул голову в его сторону, раскрыл пасть и снова завыл. А затем бросился вперед, пе-

рескакивая через ступеньки парадной лестницы. Лорд услышал звук мощного удара в дверь, от которого сотрясся весь дом.

Спускаясь вниз, в исподнем, не успев ничего набросить на плечи, он дрожащими руками зарядил ружье, уронив пару патронов на пол. Услышал, как зверь ходит перед дверью, скребёт камень когтями и рычит словно дьявол. Наведя ствол на вход, Лорд ждал. На мгновение всё успокоилось и только шум дождя, нарушал тишину. А затем очередной удар сотряс дом.

– Вот ведь, ублюдок! – рявкнул Лорд, взглянув на качающуюся люстру над головой, – эта бестия здесь все разнесёт!

Он подскочил к двери, открыл все замки, распахнул её, не ожидая от себя такой прыти, молниеносно вернулся назад, направив дуло ружья на выход.

– Ну же, тварь, иди сюда, приглашаю тебя в дом.

Пёс появился из облака белого тумана на лужайке: он брал разбег, жутко щелкая клыками, с которых стекал все тот же туман. Лорд, стиснув зубы, вышел навстречу и встал в дверном проёме: животное с невероятной скоростью преодолело лестницу и прыгнуло на человека.

Мужчина нажал на оба спусковых крючка, и ружейный залп разорвал темноту. Зверь, совершив кульбит назад, упал на лестничный пролёт, истекая чем-то вроде зеленоватой крови. Владелец поместья поспешно перезарядил оружие, намереваясь добить адское отродье. Однако этому было не

суждено свершиться: облако тумана поднялось выше до ступеней и окутало существо. Выстрелив наугад во мглу, Лорд поспешно вернулся в дом, и сам того не замечая, дрожащими руками перекрестился. Потом перезарядил ружье, сел на пол напротив входа, навел туда прицел и, не сводя глаз с дверного проема, продолжил ждать.

Когда первые лучи солнца коснулись вершины дуба, дверь в кирпичном домике приоткрылась и оттуда выглянула нечёсаная голова Монти. Садовник с опаской поглядел по сторонам, а затем вышел наружу и побрел к особняку. В руках он сжимал подаренное ему отцом Яковом распятие. Поднявшись по лестнице, осторожно заглянул в окно и увидел непривычную картину: Хозяин спал в кресле-качалке, стоящей напротив входа. Под пледом, которым он был укрыт, угадывались очертания ружья.

Монти тихонько постучал в окно. Но даже этого тихого звука хватило для того, чтобы Лорд подпрыгнул и наставил на него оружие. Осознав, что перед ним не призрак, а живой человек, подошел к двери, отпер её и пробормотал:

– Заходи, Монти, да побыстрее.

Поспешно закрыл дверь и вернулся на свое место. Внимательно посмотрел на садовника, который глядя на Хозяина, безмолвно шевелил губами, словно читая молитву.

– Ты видел «Это», Монти?

– Я не посмел выглянуть, мой господин. Но я всё слышал.

Простите меня! Я побоялся выйти после выстрелов и узнать, что с вами.

Монти упал на колени и, разрыдавшись, пополз к креслу, чтобы обнять ноги Лорда. Тот мягко поднял его с пола:

– Ну-ну, Монти, всё хорошо. Подобного испугался бы и самый бесстрашный человек, чего уж говорить о тебе. Ты знаешь, что Это было?

Садовник послушно закивал головой.

– И что же?

– Это была Смерть, милорд.

– Ты не так уж и далёк от истины, – задумчиво произнёс он. – У меня есть для тебя срочное поручение. Иди в деревню, и приведи сюда этого святошу. Скажи ему, что дело серьёзное, пусть захватит с собой из храма всё свои инструменты. Всё, что может помочь в борьбе со Злом. И скажи ещё, что Лорд сторицей оплатит за все его труды. Поспеши, Монти!

– Я бы не хотел оставлять вас одного, милорд.

– В поместье всегда должен кто-то находиться. Тем более, днём мне ничто не угрожает. Поспеши!

Садовник засеменил к воротам, Лорд последовал за ним. Проводил его взглядом до тех пор, пока он не скрылся из виду и лишь тогда защелкнул цепь на воротах. А затем по своему обычаю отправился обозревать свои владения. Как делал это каждый день.

Глава 3. Отец Яков

Часы в гостиной отбили пять ударов, когда на проселочной дороге между рядами деревьев, кто-то показался. Хозяин усадьбы своими подслеповатыми глазами не смог рассмотреть кто эти приближающиеся люди. Но он точно знал, что это Монти и священник. И не ошибся. Спустившись с лестницы, чтобы встретить гостей, увидел, как садовник катит перед собой тележку, прикрытую сверху мешковиной. О её содержимом он мог только догадываться. Позади шёл отец Яков. И если Монти не выглядел как человек прошедший без остановки с пару миль, то священник был похож на загнанную лошадь.

– Добро пожаловать, святой отец. Я рад, что вы откликнулись на мою просьбу, – выдавил из себя Лорд.

Тяжело дыша, служитель Господа, схватился обеими руками за железные прутья ворот, перевел дыхание и промолвил:

– Скорее на просьбу Монти. Он был очень настойчив. Со мной вы можете вести себя совершенно открыто, мистер Карпентер. Лицемерие нам ни к чему. Я выполню свою работу, потому что это угодно Богу и моему сердцу. Но не ради вас, а ради Монти и жителей деревни.

Карпентер недовольно поморщился и жестом указал на усадьбу:

– Если так, идёмте в дом, скоро стемнеет. Нам не стоит в эту пору находиться снаружи. Монти, ты тоже. С этого дня ночуешь внутри, в комнате для слуг. Так будет безопаснее. Для всех.

Садовник перенёс вещи священника в дом, в комнату для гостей. Та находилась на первом этаже левого крыла поместья как раз под библиотекой. Владелец усадьбы запер все замки, проверил все двери, но шторы закрывать не стал: так легче было следить за происходящим на лужайке. Зажёг на кухне свечи и масляные светильники. Потом достал чистую белую скатерть, устлал ею стол на кухне. Поставил на него блюдо с дымящейся вареной картошкой, запеченную курицу и два бокала. Спустился в винный погребок и принёс оттуда пыльную бутылку темно-зеленого стекла. Ладонью протёр этикетку. Château Margaux 1787 года, настоящая драгоценность, подумал он. Благородные пэры из самого Лондона не побрезговали бы таким. А я сейчас собираюсь угощать им. ... Обреченно махнул рукой, но за другим вином не пошёл. Наполнил бокалы и, не выходя из кухни, позвал садовника:

– Монти, сообщи гостю, что стол накрыт. Пусть присоединяется к ужину. И ты тоже.

Садовник в это время находился в гостиной и разглядывал картину, висящую на стене. На ней был изображен молодой человек лет 27-30, с неестественно бледной кожей, длинными каштановыми волосами до плеч и тёмными глазами.

Он был в черном костюме расшитом серебром. Одной рукой мужчина опирался на трость с набалдашником в виде черепа, а другой гладил собаку – золотистого ретривера.

– Минуту, милорд, – отозвался он, услышав хозяина, и прошествовал к комнате для гостей. Негромко постучал, потом ещё раз и еще. Наконец, дверь отворилась, и перед взором садовника предстал священник.

– Что случилось, Монти? Я устал с дороги и хотел бы отдохнуть, перед тем как понадобятся мои услуги.

– Простите, святой отец. Хозяин зовёт вас на ужин.

– Хм, скажи ему, что я сейчас приду.

Когда отец Яков вошел в кухню, то увидел Карпентера, сидящего за столом. Тот, не вставая, властным жестом указал на стоящий на другом конце стола стул. Священник кивнул и уселся. Перед ним оказалась тарелка с куриными ножками и картофелем, щедро присыпанными зеленью, а также бокал вина.

– Монти, принеси стул из гостиной и садись рядом с отцом Яковым. Это твое блюдо, – указал Лорд пальцем.

– Да разве можно? За хозяйский стол? Это же непочтительно, милорд.

– Это не хозяйский стол. Здесь раньше обедали слуги, когда в поместье еще были слуги, – вздохнул он. – Посему, прошу прощения за скудный ужин, святой отец. Кухарки у меня нет, приходится справляться самому.

– Ничего, ничего, мистер Карпентер, у меня тоже нет слуг, а к скромной пище я приучен с детства. Только вот не вижу на столе хлеба.

– Если вы не прихватили его с собой, то боюсь, в усадьбе нет ни крошки.

– Прискорбно.

– Надеюсь, всё остальное вам понравится, святой отец, особенно вино. Оно достойно самого короля.

Вернулся Монти, с неприятным режущим слух звуком, подвинул стул, и хотел было приступить к трапезе, но священник остановил его.

– Сначала поблагодарим Господа за его щедрость.

Отец Яков читал молитву, Монти послушно ждал, нервно сглатывая слюну. Хозяин поместья скептически смотрел на этой действие, но прервать не решался: сейчас он нуждался в священнике больше, чем когда-либо.

Наконец, услышав заветное «аминь», садовник накинудся на еду как голодный волк. Он разрывал куриное мясо руками и отправлял себе в рот. Те же самые манипуляции он проделывал с картофелем, вот только запихивал его целиком, запивая водой. Лорд не удосужился налить слуге вина.

Наблюдая за этим, владелец особняка недовольно поморщился, но промолчал. Также молча взял в руки столовые приборы и приступил к еде. Священник последовал его примеру. На некоторое время воцарилась тишина, прерываемая стуком вилок о фарфор и чавканьем садовника. Насытив-

шись, Карпентер откинулся на спинку стула и посмотрел на священника. Тот неторопливо отпил вина и, бросив взгляд на противоположную сторону стола, промолвил:

– Отменный напиток.

– Это правда. Полагаю, во всем Западном Хантершире кроме нас никто никогда его не вкушал, да уже и не вкусит.

– Такая честь для меня! Но довольно любезностей, мистер Карпентер. Зачем я здесь? Как рассказал мне староста, Монти до жути напуганный прибежал в деревню в поисках меня. Я в это время был в Ривервуде, провожал в последний путь старика Джона, он вчера умер около полуночи или чуть позже. Кажется от разрыва сердца, но у нас здесь нет доктора, чтобы это подтвердить.

И ваш слуга часами ходил вокруг капеллы, дожидаясь моего возвращения. Мне достаточно было посмотреть в его глаза, чтобы понять, что случилось что-то ужасное. Я сразу же отправился с ним сюда. Хотя Монти так и не смог ничего толком объяснить. Лишь бормотал о каком-то звере или призраке, но ведь вы в них не верите, мистер Карпентер? Как и в Бога нашего и его сына Иисуса Христа?

– Это правда, Отец Яков. Я во многое не верю. Особенно в то, что нельзя увидеть, услышать, или ощутить каким-то иным способом...

– Господь всегда в душах и сердцах истинно верующих. И мы каждое мгновение ощущаем прикосновение его милостивой длани, – перебил его священник.

– Может быть, может быть, – нервно откликнулся Карпентер, – но я не верующий, и видимо его длань никогда меня не коснётся. Но вчера ночью, я видел и ощущал такое, что не вызывало сомнений в реальности происходящего. Выслушайте меня, святой отец...

Когда Лорд закончил свой рассказ часы в гостиной пробили десять ударов. Священник, все это время не отводивший от него взгляда, опустил глаза к бокалу с вином. Сделал один большой глоток и произнёс:

– Необычная история. В такое и правда, трудно поверить. Но я как слугитель Божий прекрасно знаю, что Дьявол может принимать различные формы и обличия. И у меня найдётся, что противопоставить слугам Тьмы. Сейчас мы освятим весь особняк, и призрак не посмеет проникнуть внутрь, а затем повторим ритуал снаружи.

– В первый раз это не помогло, – заметил Лорд.

– Но это сдерживало призрака какое-то время, – парировал отец Яков, – мы же не знаем, что это за демон и какой силой он обладает. К тому же, в прошлый раз в особняк вы меня не пустили. Я не буду лгать: у меня нет опыта борьбы с подобным, я впервые сталкиваюсь с таким явным проявлением демонических сил. У вас есть выбор, мистер Карпентер, принять мою помощь и содействовать моим усилиям. Либо продолжать сомневаться и высмеивать их. А сомнения – излюбленная лазейка Дьявола. Через них Князь Лжи про-

никает в души и обретает над ними власть, – закончил он.

– Хорошо. Вы правы, святой отец. Это в моих же интересах. Прошу меня простить, если я чем-то задел вас. Приступим же к делу, прежде чем наступит полночь, и это существо вернётся.

Священник кивнул, согласившись с его словами:

– Приготовьте мне масляные светильники, мистер Карпентер, нам понадобится много света. Добавим в них священное масло, оно нам поможет. Отсюда и начнём.

Отец Яков сходил в комнату для гостей и вышел из неё с двумя мешочками в руках: один маленький – в нём что-то позвякивало, оставил себе, второй – большой, издававший дребезжание, отдал садовнику:

– Святая вода, осторожнее, не разбей. Следуй за мной.

Читая молитву на латыни, отец Яков осенил крестным знаменем кухню, достал бутылёк из мешка, который ему услужливо подал Монти и окропил стены святой водой. Также в виде креста.

– Мистер Карпентер, мне нужна миска, плошка, тарелка или ваза, в общем, любая емкость, способная удерживать воду.

Мужчина хотел было задать вопрос, но священник так зыркнул на него глазами, что он передумал. Достал из шкафчика фарфоровую тарелку и молча передал её. Тот вылил остатки жидкости из пузырька и достал из маленького холстяного мешка крестик. Прикоснулся к нему губами и бе-

режно опустил в святую воду.

– Эти нательные серебряные кресты освящены самим епископом Годескальком. Они имеют особую силу. Я привёз их в эти места в качестве дара тем прихожанам, кто особенно рьяно служит Богу. К слову, таких здесь не много. Нечистый не сможет вступить в комнату, где есть хотя бы один такой крестик. Вы тоже должны будете постоянно его носить, мистер Карпентер. Вы и ваш садовник. С помощью таких крестов даже обычный человек может освятить воду: достаточно просто опустить в нее реликвию и прочитать молитву «Отче наш».

– Не думаю, что это поможет, я ведь не верю в Бога, – абсолютно спокойно и даже смиренно ответил Лорд.

– А я неоднократно говорил, моему господину, что это большой грех, отказаться в Бога. Большой грех, большой грех, – затараторил садовник.

– А я и не отказывался, Монти. Просто никогда не верил.

– Вы крещеный, мистер Карпентер? – вмешался в диалог священник.

– Как и все. Матушка покрестила меня при рождении, однако, набожностью я никогда не отличался. Даже в детстве.

– Тем не менее, это лучше, чем, если бы вы совсем не имели никакого отношения к церкви. Господь милостив: он простит любые прегрешения, если человек искренне раскаивается в содеянном. Впустите Творца в душу. Это поможет изгнать то Зло, что затаилось снаружи.

Карпентер тяжело вздохнул и пробурчал:

– Я постараюсь.

– Монти, достань из мешка бутылку зеленого стекла. Да-да, именно её.

– Тяжёлая, – пробубнил садовник.

Отец Яков осторожно забрал у него ёмкость, откупорил крышку: в воздухе запахло ладаном, цитрусом и чем-то еще. Чем-то знакомым и в тоже время неуловимым.

– Священное масло из самого Иерусалима, – пояснил он, – нужно добавить несколько капель в каждый светильник. И повторять это действие каждую ночь в течение недели. Позже мы развесим такие светильники и в саду. Это надежная защита от злых духов: ни один демон не посмеет показаться в свете такой лампы. А теперь идёмте в подвал, нам нужно спешить. До полуночи осталось совсем мало времени.

Служитель Господа освятил все комнаты на первом этаже, включая винный погребок. Лишь на мгновение задержался в гостиной, бросив пристальный взгляд на висящую над камином картину. Потом поднялся в правое крыло, где находилось несколько комнат, в том числе и спальня Карпентера. Владелец поместья с неохотой впустил отца Якова внутрь, оставив Монти за дверью.

Массивная кровать черного дерева, застеленная пуховыми перинами, соседствовала с огромным платяным шкафом, один только резные ручки которого стоили целое состояние. Хрустальная люстра, похожая на ту, что висела в гостиной,

но меньшего размера, свисала с потолка. Трюмо с зеркалом в полный человеческий рост, персидский ковер с узорами религиозного толка, шторы, вышитые золотой нитью – священник с любопытством осмотрел обстановку. Заметил, что на одной из стен как будто не хватает картины – в этом месте поверхность была чуть светлее.

Всё это не укрылось от взора Карпентера:

– Время не ждёт, отец Яков – нетерпеливо буркнул он.

Священник кивнул головой, провёл обряд и покинул спальню. Затем втроем последовали в левое крыло особняка. Здесь всюду были видны следы запустения: толстый слой пыли на выцветших ковровых дорожках, которые прежде имели яркий красный цвет; изъеденные молью занавески на окнах; позеленевшие бронзовые дверные ручки. Всё это из темноты выхватывал тусклый свет лампы, что нёс садовник.

– У меня не хватает сил, чтобы поддерживать здесь порядок, – удрученно вздохнул Карпентер, заметив недоумевающий взгляд священника, – время берёт своё.

– А что здесь раньше было? – поинтересовался тот.

– Кабинеты лорда Даркфилда. Он был увлечённым человеком, постигал науки, читал, изучал языки. Вот здесь библиотека, – Карпентер с большим трудом отомкнул замок, отворил дверь, – он проводил здесь много времени.

Посреди комнаты стоял массивный письменный стол черного дерева. Отец Яков подошёл ближе: на столе лежали истлевшие желтые бумаги, исписанные мелким почерком. Под-

нёс лампу и удивился:

– Хм, кажется, латынь! Но какая-то необычная! Не могу разобрать, – священник поднял кипу желтых листков и в то же мгновение они обратились в пыль.

– Лорд Элиот интересовался медициной, – деловито ответил Карпентер, – латынью владел в совершенстве. Книги были его стихией.

Священник кивнул владельцу дома и начал читать молитву. Тот всё понял без слов: добавил несколько капель священного масла в лампу и оставил её на столе. Пламя заиграло разноцветными оттенками: зеленым, голубым, багровым. Священник, читая молитву, замахнулся бутылком со святой водой, чтобы окропить полки, но Карпентер опередил его. Он выскочил вперёд и, раскинув руки закричал:

– Нельзя! Хоз... Лорд Даркфилд запрещал прикасаться к книгам и тем более поливать их водой! – затем продолжил более спокойным тоном, – окно, стол, стены, потолок, что угодно, только не книги. Это память о нём, прошу их не трогать.

Отец Яков согласно с этим решением, хотя его брови поползли вверх при виде такой реакции. Окончив ритуал, он опустил крестик в пузырек с остатками святой воды и оставил его на столе.

Следующая комната оказалась складом старинных вещей: многочисленные коробки, сундуки, статуэтки из керамики, мельхиора и фарфора, бронзовые безделушки, подсвечники,

песочные и водяные часы, древние книги, украшения, оружие, доспехи и предметы давно ушедших и забытых цивилизаций, о предназначении которых священник мог лишь догадываться – чего здесь только не было.

– Лорд Элиот много путешествовал и привозил из своих странствий эти... всё это. А у меня так и не хватило времени разобраться с вещами.

– Любопытно. Весьма любопытно.

Священник провел ритуал и, покинув импровизированный склад, вышел в коридор. Указал рукой в его дальний конец:

– Там, кажется, еще одна комната.

– К сожалению, у меня нет от неё ключа, – пожал плечами Карпентер, – мы не сможем попасть внутрь.

– А у кого же он?

– Остался у прежнего владельца особняка.

– А что там внутри? – поинтересовался отец Яков.

– Я ни разу там не был. Лорд Даркфилд никому не позволял туда входить.

– Но вы хоть знаете, чем он там занимался?

– Конечно. Это не было секретом. За той дверью лаборатория. Реактивы, кислоты, щелочи, инструменты – лорд Элиот заботился о том, чтобы никто случайно не пострадал. Поэтому были приняты меры предосторожности.

Священник молча проследовал к двери: черный металл, на поверхности какие-то узоры и надписи. В неверном свете

лампы сложно было разобрать, но отец Яков был почти уверен, что это та же самая латынь, что он увидел на листках бумаги в библиотеке. Ни ручки, ни замочной скважины он также не обнаружил.

– Нужно освятить все помещения особняка, иначе Дьявол найдёт брешь в нашей защите, – упрямо повторил он.

– Я ничего не могу сделать, святой отец. Это угловая комната, в ней нет окон. Не думаю, что через неё существо проникнет внутрь. К тому же здесь эта дверь.

– Вы как наивное дитя! – не выдержал священник, – рассказываете о таких вещах, говорите, что видели призрака своими глазами и считаете, что его удержит какой-то кусок металла? Лишь сила Господа способна остановить его! А для этого мне нужен доступ к каждой комнате!

– Освятите дверь, освятите коридор, отец Яков, – спокойно ответил Карпентер, – попасть внутрь мы всё равно не сможем.

Бросив недовольный взгляд на мужчину, священник пожал плечами, как бы говоря «так тому и быть», и приступил к делу. Монти, который всё время молчал, дрожащей рукой подал ему очередную ёмкость со святой водой. Садовник явно нервничал, находясь в заброшенном крыле дома.

Служитель церкви осенил дверь крестным знаменем и только с его губ сорвались первые слова молитвы, как снаружи раздался вой. Вой проникал внутрь, словно в особняке не было окон: струей, что холодила кровь, он разливался по

комнатам и этажам, заставляя дребезжать стеклянные предметы. Садовник от неожиданности выронил мешок с бутылками: раздался звон битого стекла. Священник укоризненно взглянул на него, но ничего не сказал, продолжив читать молитву.

Карпентер вцепился ему в локоть и быстро проговорил:

– Он здесь, святой отец, скорее идёмте вниз.

Священник недовольно зыркнул на него, стряхнул с руки, словно надоедливое насекомое:

– Я должен завершить обряд, не мешайте мне, Карпентер.

Тот побежал по коридору, Монти последовал за ним. Отец Яков дочитал молитву. Лампу, оставленную хозяином дома, придвинул к двери, капнув в неё пару капель масла. Затем направился к лестнице. Вой уже стих. В этот момент часы в гостиной пробили час после полуночи.

Священник застал Карпентера, стоящего перед входом: тот целился из ружья в дверь. Монти стоял за его спиной и, стуча зубами, дрожал от страха.

Приблизился к ним и протянул ладонь: на ней поблескивали два нательных крестика на веревочках:

– Наденьте и никогда не снимайте, – властным тоном произнёс отец Яков. – Я закончил свою работу. Что у вас?

– Он там, за дверью, – тихо ответил Карпентер, – притаился и поджидает. Слышите его?

Священник медленно подошел к окну, выглянул наружу и попятился назад: запнувшись о полу своей сутаны, он упал

навзничь. В окне возник Зверь: пылающие красные глаза, казалось, насквозь прожигают души людей внутри; с оскаленных белых клыков стекала ядовито-зеленая слюна. Он поднял голову и снова завыл неестественным загробным воем. Так должно быть воеет сама Смерть, подумал священник, когда кому-то удаётся избежать объятий её костлявых рук.

– Монти, помоги святому отцу подняться, – распорядился Карпентер. – А ты, ублюдок, – обратился он к Зверю, – давай! Попробуй войти внутрь, и я снова угощу тебя свинцом!

Призрак зарычал, забил хвостом из стороны в сторону, приготовился к прыжку, но внезапно изменил свои намерения и скрылся в облаке тумана, что заполонил лужайку. Это отец Яков шагнул к окну, сжимая в руках огромный серебряный крест и читая молитву. Когда он произнёс «аминь», повернулся к Карпентеру и промолвил:

– Он отступил, что доказывает демоническую природу создания. Мне приходилось слышать легенды и сказки о призраках... но чтобы увидеть такое самому... Да спасёт наши души всемилостивый Господь...

Лорд проснулся, сидя на ступеньках лестницы. Неподалеку спал Монти в настолько неудобной позе, что сложно было представить, что человек вообще может так спать. Карпентер начал судорожно шарить руками вокруг в поисках ружья. И тут заметил священника, стоящего у окна, а рядом с ним своё оружие.

– Убрал подальше, – пояснил тот, – чтобы вы никого спроне- сонья случайно не подстрелили. Зверь больше не появлялся, туман рассеялся с первыми лучами солнца. Я не смыкал глаз всю ночь, мистер Карпентер, мне нужно отдохнуть и восстано- вить силы. Разбудите меня в полдень, – отец Яков кивнул головой в сторону лужайки, – нам предстоит еще много ра- боты.

В дверь тихо постучали. Потом ещё раз и ещё, всё громче и настойчивее. Священник открыл глаза и поморщился от головной боли. Громкий стук лишь усиливал её.

– Я сейчас выйду, – выкрикнул он, и наступила тишина.

Интересно сколько я проспал, подумал он. И чем это так вкусно пахнет?

Лорд раскладывал яйца и бекон по тарелкам, когда отец Яков вошёл на кухню. От запахов у последнего потекли слюнки.

– А, святой отец! Значит, Монти всё-таки удалось вас разбудить. Часы давно пробили двенадцать. Завтракайте, а я пока пойду, обойду территорию.

– Один?

– Днём опасаться нечего. К тому же там где-то Монти: без его ухода кустарники сами себя не подстригут.

Было два часа пополудни, когда Карпентер вместе с Мон-

ти вернулись. Священник подждал их около парадной лестницы, в нетерпении расхаживая из стороны в сторону. Увидав их, он воскликнул:

– Идите за мной!

Недоумевая, владелец поместья и его слуга проследовали за ним в ванную комнату.

– Наполните её до краев, – распорядился отец Яков, указав на медную купель, – и нужно больше света. Почему здесь такая темнота?

– Если вы решили принять ванну, святой отец, то сейчас не самое подходящее для этого время, – выразил недовольство Лорд. – К тому же она не предназначена для гостей. Или вы хотите изгонять призрака лежа в горячей воде и попивая вино?

Священник удивленно взглянул на мужчину и спокойно ответил:

– Мне нужна святая вода, много святой воды взамен той, что разбил Монти.

Садовник сокрушенно закивал головой и плачущим голосом проговорил:

– Монти неосторожный, Монти неуклюжий...

– Всё хорошо, сын мой, – священник по-отечески обнял садовника. – Набери полную ванну воды, и я освящу её. Этого хватит на сад и еще останется про запас. Найдите мне подходящие сосуды: бутылки, ведра, какие-нибудь котелки. Мы же не потащим ванну наружу. И даже если бы нам удалось,

мне не хотелось бы её повредить – она выглядит как произведение искусства.

– Неудивительно. Лорд Даркфилд привёз её откуда-то с востока. Кажется, в качестве награды от тамошнего правителя.

– Да, интересный способ выразить благодарность.

– Лорд любил принимать ванну. Усмехался, говоря, что таким образом смывает с себя лабораторную грязь.

– Но нам сейчас не до смеха. Приступим к делу.

Священник прикрыл дверь, поставил лампу на комод для одежды, замешкался на секунду, размышляя о том, не стоит ли зажечь еще одну – ту, в которой находилось освященное масло, но решил не трогать его попусту. Из складок своего одеяния достал крест, которым прошлой ночью изгнал призрака и, закатав рукава сутаны, аккуратно опустил его в воду. Затем встал на колени перед медной ванной и, сложив ладони начал почти беззвучно молиться.

Приоткрылась дверь, и внутрь ворвался сквозняк, потушивший лампу. Следом за сквозняком ворвался Монти с довольной улыбкой на лице и двумя ведрами воды в руках.

– Святой отец, вода – проговорил он.

Служитель Господа тяжело вздохнул, поднялся с колен и ответил:

– Я же сказал не беспокоить меня, пока я не закончу. А еще я сказал, что воды уже достаточно. Поставь ведра сюда

и ради всего святого не тревожь меня больше. И, Монти, – бросил он вслед уходящему садовнику, чье лицо покинула улыбка, – зажги мне лампу.

Затем закрыл дверь изнутри, чтобы избежать повторения инцидента, снова встал на колени. Несколько минут собирался с мыслями и успокаивал душу, а затем начал читать молитву вслух.

Поднялся, трижды перекрестил воду в купели и произнёс «Аминь». В тоже мгновение невесть откуда взявшийся сквозняк снова потушил светильник. Священник еще раз вздохнул, засучил рукава и наклонился над ванной, чтобы извлечь оттуда крест. Однако не смог его нащупать.

– Что за ерунда, – сорвалось с его губ.

Склонился над водой, почти касаясь её лицом, провёл ладонью по дну ещё раз и наконец, нашёл пропажу. С крестом в руке, маленькими шажочками добрёл до двери, открыл её и вышел на свет. И вздрогнул, заметив, что навершие креста обвил червь. С отвращением сбросил его со святыни, вытер реликвию о подол сутаны и крикнул:

– Монти!!!

Солнце уже клонилось к закату, когда отец Яков закончил свой богоугодный труд. На этот раз по всему саду были расставлены импровизированные лампы: Монти развесил их на деревья, поставил на скамьи, каменный заборчик, разместил одну на фонтане в лабиринте и еще несколько штук

подвесил на кованые прутья ограды.

– Вечереет, можешь зажигать, – приказал ему Лорд, – только смотри не подпали усадьбу.

Священник достал из мешочка очередной крест, положил его на ладонь, прочитал над ним молитву. Заметил, что Лорд пристально на него смотрит.

– Это последний, – объяснил он и подошёл к пруду, в котором резвились рыбки, не обращая никакого внимания на людей и их заботы. Потом как бы нехотя и с грустью бросил крестик в воду.

Рыбки метнулись в разные стороны, по воде пошли круги, а со дна поднялся огромный пузырь, который лопнул с неприятным чавкающим звуком.

– Я сделал всё, что в моих силах, – устало промолвил он. – Если на то будет Его Воля, ужас, что терзает это место, вернётся туда, откуда он явился. В преисподнюю.

Лорд по-прежнему молчал, не отводя глаз от поверхности воды.

– Мистер Карпентер!

Тот вздрогнул, мотнул головой и поспешно проговорил:

– Да-да, вы правы. Я очень благодарен вам, отец Яков. Ваша помощь просто неоценима. Я хочу попросить прощение за своё прежнее поведение. Я просто... просто не верил во всё это.

– Так часто бывает, мистер Карпентер. Люди начинают верить в Бога, как только столкнутся с тем, что Ему противо-

стоит. Ибо Он один в силах нам помочь. А потом люди отрываются от Него, как только опасность миновала. Хм, кажется, Монти закончил, вернёмся в дом, пока совсем не стемнело. Не будем искушать судьбу.

Садовник грыз морковку, выращенную в небольшом огороде за его домом. Рядом с ним на ступеньках, ведущих на второй этаж, сидел священник и чистил варёное яйцо, складывая скорлупу в миску, и обмакивая свое угощение в соль. Чуть поодаль от них с бокалом вина в одной руке и ружьём в другой, стоял Лорд. Неспешно потягивая дорогой напиток, смотрел в окно: лужайку теперь освещали не только фонари, но и лампы. Добавленное в них масло придавало огню необычайные оттенки, делая вид снаружи непривычным и несколько магическим.

Троица, не стовариваясь, встретила перед входом, чтобы поужинать. Точнее там встретились Карпентер и священник, а Монти лишь присоединился к ним. В обычных условиях это было бы неприемлемо для Лорда, он привык к чёткому порядку, но условия были далеки от обычных. Сам он есть не хотел, у него было одно желание: напиться до беспомысленности и уснуть, забыв весь этот кошмар. А проснувшись утром, притвориться, что все последние недели были лишь дурным сном.

Поэтому он не скупился подливать себе вина, не предлагая его отцу Якову. Того это ничуть не смущало: окончив

ужин и, вытерев руки о висящее на перилах полотенце, отнёс миску на кухню. Вернувшись, положил руку на плечо Лорда, тот по-прежнему не отрывал взора от окна, словно пытаюсь угадать, откуда именно появится Зверь.

– Вам нужно отдохнуть, мистер Карпентер, – мягко произнёс священник. – Я возьму на себя ночное бдение. Не думаю, что что-нибудь пойдёт не так. В случае опасности я вас разбужу.

Лорд кивнул в знак благодарности, но вместо того, чтобы подняться по лестнице и направиться в свои покои, прошествовал в кухню. Через некоторое время он появился в дверном проеме с новой бутылкой в руках. Но едва шагнул на ступеньку, как был остановлен очередным прикосновением:

– Мистер Карпентер, позвольте, я заберу у вас ружьё.

– Неужели служителю Господа требуется такая примитивная защита, – ухмыльнулся тот.

– Господь не запрещает использовать любые доступные инструменты для того, чтобы уничтожить Зло. Георгий Победоносец сразил Змия копьем, а не голыми руками.

– Весьма практично с его стороны, – буркнул Карпентер в ответ, передал ружьё священнику и, пошатываясь, поплёлся наверх. – Надеюсь, вы умеете им пользоваться также хорошо как Георгий своим копьем.

Святой отец пропустил последнюю реплику мимо ушей и ничего не ответил. Вместо этого ловко переломил оружие, вынул патроны, осмотрел их со всех сторон и вернул на ме-

сто.

– Монти, принеси мне, пожалуйста, стул и тоже отправляйся спать. Я покараулю, все будет в порядке.

Садовник в нерешительности заколебался, не зная как поступить: пойти спать или не оставлять отца Якова одного.

– Ступай, – настойчиво повторил последний и Монти подчинился.

Было пять часов утра, когда Лорд застал отца Якова спящим на стуле: ружье лежало подле его ног.

– Того гляди, Зверь проберётся в дом и откусит нос нашему пастырю, – негромко пробормотал он, но этих звуков хватило, чтобы священник поднял голову.

– Я не сплю, мистер Карпентер. Всего лишь даю отдых уставшим глазам. Ничто не нарушало спокойствия ночи: можете быть уверены, пока горит священное масло, призрак не появится.

– Очень хорошо. Но что будет, когда оно закончится?

– Я не знаю, мистер Карпентер. Вам стоит уповать на Волю и милосердие Господа Бога. К сожалению, я больше не могу находиться здесь: верующие по всему Западному Хантерширу нуждаются во мне. Я вынужден вас покинуть. Но я оставляю вам надежду. В Лондоне живёт человек, который... как бы это сказать, специализируется на случаях вроде вашего. Я напишу ему письмо, подробно рассказав о том, что здесь увидел. И не сомневаюсь, что он немедля прибудет

сюда, чтобы вам помочь.

– Этот человек, он тоже священник?

– В некотором роде, – уклончиво ответил отец Яков, – вы сами увидите, когда он прибудет. А пока добавляйте в лампы по капле масла, не снимайте крест, и постарайтесь впустить Господа в своё сердце. Искренняя молитва способна творить чудеса, даруя надежную защиту от Зла. Мне пора, мистер Карпентер.

– Подождите, святой отец. Я сейчас приготовлю завтрак. Негоже отправляться в дорогу на пустой желудок.

– Не стоит беспокоиться обо мне. Признаться честно, с тех пор, как я прошел через ваши ворота, у меня неважный аппетит.

Лорд кивнул в знак согласия и ответил:

– Одну минуту, должен же я хоть как-то вас отблагодарить. А также обеспечить расходы на доставку письма, вам ведь понадобится гонец.

Карпентер поспешно поднялся наверх, а когда, запыхавшись, спустился вниз, у него в руках был увесистый мешочек, в котором что-то позвякивало.

– Примите это в знак благодарности, а также в качестве компенсации за ваши издержки. Вы оставили здесь немало серебра. Не хочу, чтобы Лорда из поместья Даркфилдов считали скрягой и сквалыгой.

Священник кивнул в знак согласия, принял мешочек и направился к выходу. Выйдя наружу, осенил крестным знаме-

нием особняк, промолвил «Да спасёт Господь ваши души» и направился к воротам. Карпентер последовал за ним. Простились молча, ни сказав друг другу, ни слова. Лорд проводил глазами священника, и когда тот скрылся за деревьями, отпустил прутья ограды и отправился по привычному для себя маршруту: в обход своих владений.

Глава 4. Профессор Моравский

«Дорогой друг, надеюсь, моё письмо застанет Вас в Лондоне в добром здравии. Обойдусь без любезностей: как Вы хорошо помните прямолинейность – та черта, что помешала мне продвинуться в церковной иерархии. И та причина, по которой мы сблизились. Мне же всегда нравилась Ваша любознательность, граничащая с одержимостью. Признаться, я никогда всерьез не верил в Ваши убеждения, за которые Вас лишили сана. Иронично: ведь Церковь сама проповедует своей пастве о Дьяволе и тех ужасных вещах, совершаемых его миньонами. А затем поступает так несправедливо со своими служителями, зашедшими в своем рвении дальше остальных.

Сейчас же я осознал, что исчадия Ада куда ближе к нам, чем мне казалось. Одно из них я узрел воочию, и мои сомнения по поводу Ваших слов улетучились как туманная дымка в ясный солнечный день. И ужас, который поселился в моей душе после увиденного, мешает мне спать по ночам. Уверен, обратись я за помощью в епархию, и меня тут же поднимут на смех: вероятно, еще и припомнят наше с Вами знакомство. И ответят, что я, в конце концов, проникся Вашими идеями, которые не доведут меня до добра.

Но перейдём непосредственно к делу. Из поместья, что находится в часе езды от деревушки под названием Ол-

двидж, где у меня приход, пришел садовник. Добрый малый, но весьма недалёкий: в деревне его прозвали Монти-Чудак. Он безобиден, болтлив, даже надоедлив: очень часто шепчет и повторяет одно и то же, и порой несет всякую чепуху. Но в этот раз он был так напуган, что я решил проверить, всё ли у него в порядке. Он поведал мне о призраке его усопшей жены, что является ему по ночам.

В том поместье проживает человек по фамилии Карпентер, неверующий наглый хам, который гордо величает себя Лордом. Зная, Ваше неизменное чувство юмора, полагаю, что вы улыбнетесь, прочитав эти строки. Он ведет замкнутую отшельническую жизнь, лишь изредка присылая своего садовника в Олдвидж за провизией.

Вместе с садовником я направился в усадьбу. Карпентер встретил меня крайне недружелюбно: хотел прогнать, но благодаря заступничеству Монти, меня пустили за ограду. Никаких следов демонической активности, я не обнаружил. И все же провёл обряд освящения сада и домика Монти. Владелец поместья, настроенный весьма скептически, не позволил мне переступить порог особняка. Я покинул место в полной уверенности в том, что призрак – это выдумки Монти. Который, скажу прямо, имеет слабые умственные способности.

Как же я был удивлён, когда, почти позабыв об этом случае, увидел на пороге храма Монти в еще худшем состоянии, чем прежде. Он упал на колени, умолял помочь и не успо-

каивался до тех пор, пока я не отправился вместе с ним. Я предусмотрительно захватил с собой серебряные кресты, дарованные мне епископом Годескальком, святую воду (знаю, что вы думаете по поводу церковных атрибутов), а также бутыл с тем маслом из Иерусалима, что Вы подарили мне на прощание.

Ожидая встретить рассерженного владельца усадьбы, я был встречен крайне дружелюбно, если это слово можно как-то соотнести с одиозной личностью Карпендера. Он позволил мне войти и рассказал о призраке адского пса, что явился к ним ночью после полуночи. Признаться, меня смутил и сбил с толку этот рассказ: садовник видит дух умершей жены, Карпендер – призрак некоего зверя. Было похоже, что обитатели особняка попросту свихнулись от одиночества. Но как слуга Божий, я обязан оказывать помощь любому страждущему.

Поэтому, я приступил к обряду освещения особняка и хочу заметить, что дом этот прелюбопытнейший и загадочный. Прежний владелец, кажется, был учёным, лингвистом и естествоиспытателем. И судя по всему, очень интересовался латынью: причём его работы написаны на диалекте, который мне не знаком. Знаю, знаю, Вас это заинтересует. Как и его обширная личная библиотека, которую, я, к сожалению, не успел полностью осмотреть. А также различные предметы, привезенные им из странствий. Я ничего не понимаю в этих безделушках, но Вы – другое дело.

И вот во время проведения обряда существо явилось. Я пишу эти строки и понимаю, что это звучит безумно, но это так. Из тумана, что в полночь окружил поместье, вышло Нечто. Адская гончая, в горящих глазах которой я узрел преисподнюю. Даже сейчас, склоняясь над письмом, я вижу эти рубиновые очи, что пытаются прожечь мою душу насквозь.

Я вышел навстречу Злу с молитвой на устах и Верой в своем сердце. Признаться, не знаю, что подействовало: Божья сила, святая вода, моя молитва или Ваше масло, которое я благоразумно добавил в светильники, но Зверь ушёл. Следующим утром я повторно освятил сад и не преминул воспользоваться Вашим даром. Фонари исправно разгоняли тьму, и демон больше не появлялся.

Я покинул поместье и первым делом написал Вам это письмо. Я прошу у Вас прощения за свои сомнения в Ваших словах и умоляю Вас посетить эти места, пока Зло не покинуло усадьбу и не стало терзать жителей близлежащих деревень. Если же, Вы не сможете или не захотите помочь лично, то хотя бы напишите ответное письмо. И снабдите его Вашими рекомендациями как мне одолеть призрака. И всё же я верю, что Вы не оставите меня в беде. Во имя нашей старой дружбы, профессор, приезжайте.

Отец Яков.

Священник сложил письмо в конверт, запечатал его расплавленным воском, дождался, когда он застынет, и размашистым почерком на обороте начертал: «Лондон, Глосестер

Стрит 122а, Профессору Тадеушу Моравскому. Срочно!»

Затем покинул капеллу и направился к дальнему концу деревни, к дому местного охотника Фаррана. Встречавшиеся по пути односельчане, те кто, не работал в поле или в садах, приветствовали священника, склоняя голову. Тот отвечал им улыбкой и добрым словом. По дороге заглянул в кухню, перебросившись парой слов с её владельцем – Этаном. Благословив его, продолжил свой путь.

Добравшись до старенького домика с покосившейся соломенной крышей, отец Яков нашёл того, кого искал. Охотник сидел на деревянной скамейке, представляющей собой доску, брошенную на два чурбана, и небольшим медным ершиком прочищал ствол своего ружья. Рядом стояла крохотная медная маслёнка.

– Отец Яков, никак кролика на ужин захотели? С радостью вам его подстрелю.

– В убийстве нет никакой радости, Фарран. Ты убиваешь, чтобы есть, чтобы выживать. Но не ради удовольствия. Надеюсь, со временем ты это осознаешь.

Охотник послушно мотнул головой: святой отец вряд ли когда-нибудь поймёт восторг от преследования жертвы и её убийства. Когда настагаешь, загоняешь в угол, вдыхаешь аромат страха и любишься кровью, которая вместе с жизнью покидает животное. Но не стал делиться с ним мыслями по этому поводу.

– Я здесь не ради кроликов. У меня есть поручение для те-

бя. Полагаю, ты не откажешь мне в небольшой услуге. Нужно передать это письмо в Денсфорт в отделение Королевской почты. Спросишь у местных, они подскажут, где её найти. Это здание красного кирпича, на котором будет изображена королевская корона. Отдашь письмо, заплатишь за отправку. Вот необходимая сумма, – священник разжал кулак и высыпал в руку охотнику горсть пенни, – этого хватит с лихвой. По возвращении получишь за свою работу столько же. Не подведи меня Фарран, это письмо очень важное.

– Я выполню вашу просьбу, отец Яков. Тем более за такую щедрую награду. Но как я доберусь до города? Это займёт немало времени.

– Зайди к кузнецу, он даст тебе свою лошадь: я уже попросил его об этом. Доставь письмо как можно скорее. При хорошем темпе, если погода не испортится, ты доберешься до Денсфорта за три дня. И столько же займёт обратная дорога. За неделю обернешься. Только не загони животное, ты же знаешь Этана, он горяч и скор на расправу. И очень любит свою Матильду. Не теряй времени, отправляйся немедленно.

Отец Яков развернулся, сделал пару шагов, остановился и хлопнул себя ладонью по лбу.

– Совсем забыл! Тебе же нужно будет где-то останавливаться на отдых. Вот держи, – святой отец отсыпал ему еще одну горсть медных монет. – Этого хватит, чтобы расплатиться за кров и пищу. И пусть Господь хранит тебя!

На следующий день в деревню пришёл Монти. Он с присущей ему эмоциональностью благодарил священника и рассыпался в восхвалениях. В особняке вновь спокойно, отцу Якову удалось изгнать злого духа, садовник чуть ли не приплясывал от радости. А ведь он, Монти, с самого начала говорил Лорду, что нужно обратиться за помощью к отцу Якову. Священник ответил, что его заслуги в этом нет и на всё воля Божья. Садовник покинул часовню и отправился к старосте, у которого обычно покупал провизию: хлеб, яйца, масло, картофель, курицу, молоко и колбасы – все те блага, которыми деревенские питались сами.

Дни тянулись долго и в то же время пролетали незаметно, как часто это бывает в сельской местности. Погода стояла хорошая и отец Яков, полагал, что Фарран скоро вернется. Священнику тоже скучать было некогда. Намедни из Санберли прибежал мальчонка, сын Дерека и сообщил, что мамаша Джина разродилась двойней. Значит, завтра нужно будет прибыть на крестины. Монти еще один раз посетил деревню, сообщив, что в усадьбе по-прежнему всё в порядке. Вот только заканчивается священное масло. Это, конечно, повод для беспокойства, но я ничего сделать не могу, взять его больше неоткуда. Уповайте на Господа и молитесь с искренней верой в сердцах, ответил ему святой отец и отправил домой.

Минула ровно неделя с отъезда охотника Фаррана. Отец Яков ранним утром покинул храм и пешком отправился в Санберли. Погода испортилась: сначала облака затянули небесную глазурь серым полотном, а потом заплакали. Святой отец, добравшись до деревушки, выполнил свой долг, окрестил ребенка и вернулся в Олдвидж около полуночи, на обратной дороге попав под настоящий ливень.

Отпер дверь капеллы, вошёл внутрь и закрылся на засов. Скинув сутану, с которой ручейками стекала вода, остался в исподнем, которое, было ничуть не в лучшем состоянии. Стараясь не испачкать пол, прошёл в дальний угол, где находилась его комнатка. Обстановка внутри была не просто скромной, а скудной: кровать с соломенным тюфяком, прикрытая белой простыней; деревянный столик с подсвечником на нём, стул, бельевой шкаф и одна единственная полка на стене, где находилась незамысловатая кухонная утварь.

Отец Яков вытер руки о полотенце, облачился в сухое белье. Только после этого, зажёл свечи в канделябре. Достал из ящичка в шкафу кусок черного хлеба, а из-под стола кувшин с водой. Прочитал молитву и приступил к своей нехитрой трапезе. Сделал глоток воды: одновременно с этим услышал стук в дверь. Пока священник добрёл до входа, стук повторился несколько раз.

– Кто блуждает в столь поздний час? – громко спросил он.

– Это я, Фарран, отец Яков. Только вот вернулся.

Священник убрал засов и впустил охотника. Тот напоминал водяного, только что выбравшегося из пруда. Вода, скопилась в многочисленных карманах его жакета и рекой лилась на пол капеллы. Отец Яков сочувственно и понимающе закивал головой.

– Нелегко тебе пришлось, Фарран.

– Это всего лишь вода, вреда от неё не будет. Я выполнил ваше поручение, святой отец, – предвосхитил он вопрос священника. – Письмо доставлено в Королевскую почту. Дорога была спокойная, без происшествий.

– Я благодарен тебе, сын мой, – отец Яков расплылся в улыбке. – Это добрая весть, очень добрая. Будем надеяться, что оно быстро отыщет своего адресата, – задумчиво проговорил он.

– Я приложил все усилия, – продолжил Фарран, – чтобы доставить его.

– Хорошо, хорошо. А теперь ступай домой и отдохни: высуши одежду и хорошенько погрейся перед очагом, не хватало еще, чтобы ты заболел.

– Я так и поступлю, – охотник замешкался, переступая с ноги на ноги, продолжая поливать деревянный пол каплями с одежды.

– Что-то еще, Фарран?

– Кхм, кхм, – закашлялся охотник, словно вода попала не только на его одежду, но и в его глотку. Кхм, вы что-то

говорили о награде, святой отец, – наконец, выдал он из себя.

– Ох, прости мою забывчивость, – спохватился тот, – сейчас, сейчас.

Священник сходил до своей кельи и, вернувшись, протянул руку Фаррану, опустил монету на его ладонь. Тот, приблизив её к глазам, удивленно воскликнул:

– Серебро! Целый флорин!

– Ты его заслужил, сын мой. А теперь ступай, я очень устал.

– Спасибо, святой отец, большое спасибо, – рассыпался в благодарностях Фарран и ошарашенный, забыв о дожде и усталости, мгновенно исчез.

Священник затворил дверь и сокрушенно покачал головой, увидев оставленные охотником мокрые следы на полу. Принёс тряпку, вытер пол насухо и вернулся в свою каморку. Вымыл руки в ведёрке, стоявшем в углу, и сел за стол. Протянул ко рту кусочек хлеба... и был остановлен громким стуком в дверь.

– Ну что еще? – вздохнул он. В дверь затарабанили еще настойчивее: так, словно пытались её вынести.

– Фарран! – недовольным голосом возопил он. – Не нужно ломать дверь, это святое место!

Стук не прекращался, а становился лишь сильнее. Священник поспешно просеменил к выходу, убрал засов, распахнул дверь настежь и застыл от ужаса: на пороге стоял

Монти. По обезображенному страшными порезами лицу, лилась кровь, смешиваясь с каплями дождя.

– Отче, – прохрипел он и упал без чувств на порог храма.

Отец Яков с трудом втащил Монти внутрь, успев заметить на разодранном жакете следы когтей. Там где они коснулись кожи, сочилась кровь. Снял одежду с садовника: тот лишь стонал, но в сознание не приходил. Бегло осмотрел лицо и спину и бросился в свою келью. Вернулся с ворохом бинтов и бутылью прозрачного стекла, запечатанной дубовой пробкой. Открыл её и по часовне поплыл резкий запах спирта.

Наклонился над несчастным и произнёс:

– Держись, сын мой.

Плеснул жидкость на спину: Монти громко застонал, но так и не пришел в себя. Обработал порезы на лице и туго забинтовал раны. Затем оттащил садовника в свою комнату и огромным усилием положил его на соломенный тюфяк. Сам же вымыл руки и, хотя был голоден, убрал свой недоеденный ужин. Затем зажёл ещё несколько свечей, встал на колени возле постели и, закрыв глаза, начал молиться.

Дождь, ливший всю ночь, размыл проселочную дорогу, превратив её в месиво из грязи и воды. Однако отца Якова это не смущало: он ловко перепрыгивал лужи, обходил по траве трясины и каким-то невероятным, магическим образом ухитрялся не запачкать свою сутану. И двигался впе-

рѣд очень быстро. Спустия около двух часов такого марафона, священник все-таки замедлился: сказывалась ночная усталость. Однако до цели оставалось совсем немного: все чаще стали попадаться деревья, обрамляющие дорогу с двух сторон. Через некоторое время он вступил в небольшой лесок, который окружал поместье. Здесь дорога была в куда лучшем состоянии: кроны деревьев защитили её от бешеных потоков ливня. Наконец, он увидел кованую ограду, с облегчением выдохнул и поспешил к воротам. Как всегда заперты на цепь, отметил про себя слугитель Господа. Что ж, попробую докричаться до него, если он еще... Отец Яков отмѣл дурные мысли и, вцепившись в ворота, потряс их, стараясь создать как можно больше шума, а после этого закричал во весь голос:

– Мистер Карпентер! Мистер Карпентер! Карпентееер!

Никто не откликнулся. Священник, всматриваясь в окна усадьбы, перевел взгляд на входную дверь, ожидая, что она вот-вот откроется и владелец появится живой и невредимый. Но этого не произошло. Случилось нечто иное – со стороны прудика раздался ворчащий голос:

– Кого там еще черти принесли?

Гость недовольно поморщился, но ответил спокойным голосом:

– Это я, отец Яков. Пришѣл убедиться, всё ли у вас в порядке.

Появившийся в поле зрения Карпентер, неспешно подо-

шел к воротам. Положив ружьё на плечо, также неспешно открыл замок и впустил священника. И лишь после этого, скользнув по нему глазами, ответил:

– Такая ужасная ночь. Ливень не прекращался ни на минуту: дождь шёл такой стеной, что не было видно света фонарей. Пруд вышел из берегов, того гляди рыбки, привезенные лордом Даркфилдом разбегутся по лужам. Собирай их потом. Вы не встретили по дороге моего садовника, святой отец?

Какое-то странное внутреннее чувство заставило отца Якова скрыть правду:

– Нет, не встретил. А что-то случилось?

– Мой слуга пропал. Перед тем как разразилась гроза, я отправил его зажечь фонари, но он не вернулся в дом.

– И вы не отправились его искать? – священник слегка прищурил глаза.

– Шёл ливень, – пожал плечами Карпентер. – Я подумал, что он укрылся у себя.

– А вы не думали, что на него мог напасть призрак? – отец Яков чуть повысил голос.

– Призрак исчез. Вам удалось изгнать его. Уже больше недели в поместье тихо. Уж если бы эта адская тварь вновь явилась, я бы точно услышал. Я проверил домик, но там заперто. Решил, что он ушёл в деревню за едой: у нас как раз закончились запасы провизии. Вы же знаете Монти: он хоть и чудак, но такой исполнительный. И порой выкидывает та-

кие фортели, что от него и не ожидаешь.

– А что он еще такого вытворял? – поинтересовался священник.

– Всякое бывало. Иногда бродил в полусне ночью. Это было еще до появления Зверя. Однажды меня мучила бессонница, и я вышел подышать воздухом. Прошелся вдоль ограды и заметил фигуру снаружи, там, где дуб, – Карпендер указал рукой в сторону, где росло могучее дерево. – Подошел ближе и увидел, что это мой слуга. Стоит, смотрит на дерево и раскачивается из стороны в сторону. Окликнул его, он проснулся или отошел от наваждения, уж не знаю, как там было, и вернулся к себе.

– Такое бывает, лунатизм, я слышал о подобных случаях, – согласно кивнул святой отец, – так значит, вы утверждаете, что у вас всё в порядке и ничего странного не происходило?

Лорд с удивлением на лице и раздражением в голосе ответил:

– Я же сказал, у нас всё спокойно. Почему вы так настойчиво об этом спрашиваете, отец Яков?

– Потому что опасность не миновала, мистер Карпендер! Я не встретил Монти по пути сюда, он сам заявился этой ночью, полуживой, изодранный когтями до мяса. Сейчас он у меня в храме, тётушка Агата ухаживает за ним. Я всю ночь молил Бога, чтобы Он сохранил ему жизнь. И вас буду умолять: покиньте это проклятое место, прежде чем Зверь до-

берется и до вас!

– А я вам отвечу, также как и прежде: это мой дом, мое поместье и никакой чёртов призрак меня не напугает и не выгонит отсюда, клянусь Господом Богом!

– Не богохульствуйте! Вы клянётесь именем Творца, в которого даже не верите!

– Прошу меня простить. Я лишь хочу сказать, что я останусь здесь и никуда не уйду, даже если все демоны преисподней соберутся на моей лужайке.

Упрямый осёл, подумал священник, пережить такое и цепляться за это место. Что он здесь нашёл? А вслух произнес:

– Вы рискуете своей жизнью. Ради чего? Вы желаете остаться запертым здесь со Злом, что бродит в округе? Когда-нибудь оно доберется до вас.

– Тьма ждёт любого из нас. Рано или поздно, – философски заметил Карпентер. – И я не боюсь ни её, ни того, что в ней скрывается.

– Дело ваше, дело ваше, мистер Карпентер, – сокрушенно покачал головой отец Яков. – Больше я не буду вас беспокоить или переубеждать. Но я не позволю погибнуть невинной душе. Монти сюда больше не вернётся, я найду ему место в деревне.

– Это не в вашей власти, святой отец, – улыбнулся в ответ хозяин поместья. – Здесь его дом, он сам сюда придёт. Вот увидите.

Священник ничего не ответил, развернулся и побрёл назад. Отойдя футов на сто, крикнул через плечо:

– Раз в неделю, в воскресенье в полдень я буду присылать к вам человека. Он принесёт еду. Будьте так добры, мистер Карпентер, не застрелите его.

– Благодарю за заботу, святой отец, но это не понадобится. Мой слуга скоро вернется и принесет всё необходимое.

Минуло две недели. Садовник шёл на поправку, раны затянулись, лихорадка, мучившая несчастного первую неделю, прошла. Монти, пришел в сознание, но замкнулся в себе и ни с кем не разговаривал. И все попытки узнать, что с ним произошло, терпели неудачу. Священника это тревожило, но он ничего не мог с этим поделать. Садовник и прежде не отличался ясным рассудком, а пережитое могло навредить ещё больше. Поэтому отец Яков отложил расспросы на будущее, передав больного на полное попечение тетушки Агаты. Сам же занялся насущными делами: в окрестных селениях постоянно случалось что-то, что требовало его вмешательства.

В деревушке Бинсби, юный Джек решил отправиться в Лондон, чтобы разбогатеть и не гнуть спину на полях. Матушка Джека обратилась с просьбой к отцу Якову, чтобы тот увещевал юношу и убедил остаться. Наша семья, испокон веков живёт здесь и негоже, если мой сын оторвётся от корней и отправится в этот богомерзкий развратный Лондон, говорила она. И священник почти во всём был с ней согласен.

В Кормуте крестьянин Пьер украл овцу у старосты Патлена: отцу Якову предстояло исполнить роль третейского судьи. И назначить справедливое наказание. В этой глуши, вдали от цивилизации приходилось брать на себя обязанности, которые не всегда были ему по душе.

И такого рода занятия, не имеющие прямого отношения к Вере, никогда не переводились. Возвращаясь по вечерам в капеллу и молясь перед распятием, он часто думал, что уделяет делам мирским куда больше времени, чем духовным. Я же все-таки священник, а не чиновник. Однако не думаю, что тем прогневаю Тебя, Отец Всемогущий: я помогаю людям по мере своих сил, а в этом и заключается суть Служения, как бы не насмеялись над этим остальные клирики.

Служитель Господа обязан нести в мир справедливость. И брать на свои плечи ношу тяжелее, чем у других. Наша задача показывать людям Путь, учить их любви и взаимопомощи, избавлять от себялюбия и гордыни. Вести их к Царству Света. Доказывать правильность своих слов собственным примером. Ведь нет ничего хуже лицемера, который сам не верит в то, что проповедует другим.

– Надеюсь, Ты слышишь меня, Отец, – он обратился вслух к Господу. – И надеюсь, что я правильно Тебя понимаю.

В заботах незаметно пролетела ещё одна неделя. Монти быстро набирался сил: он уже самостоятельно поднимался с постели и выходил на воздух, с удовольствием подставляя

израненную щеку ласковым солнечным лучам. Отец Яков не пытался разговорить садовника, дожидаясь, когда тот восстановит душевное равновесие. Лишь однажды утром подошел к нему, потрепал по голове и произнёс:

– Всё самое страшное позади, больше ты туда не вернёшься. Обещаю. Сейчас я отправляюсь в Санберли, а по возвращению, мы обсудим твоё будущее здесь в Олдвидже.

Монти странно взглянул на священника: не мигая и не отводя глаз. Так что тому, стало не по себе. А потом отвернулся в сторону, словно отца Якова не было рядом.

Солнце уже закатилось за горизонт, когда священник, устало бредя, и сжимая в руках крохотную библию in-quarto, подходил к капелле. Издали заметил блуждающий огонёк. Приблизился. Навстречу с фонарем в руке выбежала женщина.

– Что случилось, тётушка Агата?

– Святой отец, простите меня, не уследила. Монти сбежал! – зарыдала она.

– Как сбежал?! Куда сбежал?!

– Откуда мне ж знать, святой отец, – женщина взглянула на него удивленными глазами. – Наверное, вернулся к своему хозяину, непутёвый. Недаром же его Чудаком прозвали. После вашего ухода я накормила его куриным бульоном и уложила спать, а сама пошла домой, хлопотать по хозяйству. Вернулась через пару часов, а его и след простыл. Дверь в

часовне нараспашку, видать, торопился сильно.

– Мдааа... – протянул священник, – и правда, чудак. Но на все Его Воля, и не в наших силах противиться Ей. Ступайте домой тетушка Агата и хорошенько отдохните. Я благодарен вам за помощь и обязательно упомяну ваше имя в своих молитвах.

– Благодарю, святой отец.

Тетушка Агата ещё раз всхлипнула, вытерла подолом слёзы и, несмотря на свою тучную комплекцию, птичкой упорхнула в сторону деревенских домов.

Глядя ей вслед, священник пробормотал:

– Эх, Монти, Монти...

Убрал библию во внутренний карман сутаны, расположенный на уровне сердца и вошел внутрь. Запирая дверь, успел заметить как вдалеке, на самом горизонте блеснула зарница. Нехорошо, подумал он. Раскат грома настиг деревню только через полминуты. И лишь после того как отец Яков умылся и устало опустился на колени для молитвы, первые капли дождя несмело застучали по крыше храма.

Ветер свистел в стропилах, легко проникая внутрь через щели в крыше. Молнии били всё чаще и ближе, каждый раз заставляя вздрагивать жителей деревни. Даже отцу Якову было не по себе. Несмотря на проделанный путь и охватившую его после ужина, состоявшего из кружки молока и пирога с капустой, сладкую истому, он не лёг почивать. На ду-

ше было тревожно: за садовника и мистера Карpentера. Масло наверняка уже кончилось, а такое ненастье – лучшее время для разгула нечисти. Но что я могу сделать? Раскат грома затрещал так сильно и близко, что он невольно дернул головой. Встал и вышел из своей комнаты. Нужно добавить света, решил он. И еще раз поблагодарить Творца за все Его дары.

Зажёг лампы, висящие на стенах и свечи на престоле. В часовне стало светлее и как-то спокойнее, даже ветер, словно бы поутих. Господь способен и не на такие чудеса, подумал отец Яков и приступил к молитве.

Раздался очередной громовой раскат, но коленопреклонённый священник не открыл глаза. Сделал это лишь после того как услышал настойчивый стук в дверь. Подскочил и бегом кинулся к выходу.

– Монти! – воскликнул он, открыв дверь.

Вспышка молнии осветила человека. Нахмуренные брови, эспаньолка с усами, пронзительный взгляд темно-коричневых, почти черных глаз, выглядывающих из-под крохотных очков, съехавших на нос. Цилиндр на голове и массивная трость с набалдашником в виде головы сфинкса дополнили облик гостя. С чёрного плаща на заляпанные кусками грязи сапоги стекали ручьи воды.

– Так и будете смотреть на меня, *amicus meus*, или всё-таки пригласите войти? – несмотря на суровый облик, голос гостя был мягок. В нём чувствовалась сила, обаяние и некий природный магнетизм. – Снаружи настоящий шторм.

Отец Яков, наконец-то вышел из оцепенения и дружелюбным жестом пригласил мужчину внутрь:

– Профессор Тадеуш! Какая радость, что вы откликнулись на мою просьбу. И прибыли в самый подходящий момент, когда я так в вас нуждался. Видимо Господь снизошёл до своего недостойного слуги и ответил на мои молитвы.

– Господь Бог тут не причём, – усмехнулся профессор. – Всего лишь ваше письмо и моя заинтересованность этим делом. Я выехал в тот же день, когда его получил. По счастливой случайности, которую вы, несомненно, спишете на Божий промысел, я как раз вернулся в Лондон и намеревался совершить путешествие в Румынию.

– В Румынию? – отец Яков подозрительно взглянул на гостя. – Неужели...

– Да-да, хотел познакомиться лично с графом Цепешем, – без намека на улыбку, произнес Моравский, – но передумал. Случай, который вы описали, кажется мне крайне интересным. Но об этом чуть позже, мне нужно высушить одежду, погреть старые кости у огня и плотно поужинать: долгая дорога всегда вызывает у меня аппетит, – профессор выжидающе взглянул на священника. Тот смущенно почесал затылок рукою.

– Но... но... граф – это же выдумка, детская сказка – неуверенно произнёс он, пытаясь понять, не разыгрывает ли его профессор.

– Такая же, как и ваш призрак.

– Ну что ж, пойдёмте в мои покои, я что-нибудь придумаю на стол.

– Ведите, друг мой.

– Мдаааа... – скептически протянул гость, оказавшись внутри каморки отца Якова. – Негусто. Друг мой, вы истинный спартанец. И ради этого стоило заканчивать духовную семинарию? Несмотря на некоторую разницу во взглядах, вы всегда мне нравились, отец Яков. Но ради чего вы забрались в эту глушь? Проповедовать дремучим крестьянам о Боге? Так их здесь волнуют куда более насущные дела, касающиеся элементарного выживания. А богословие и теология нужны им здесь как корове седло.

– Я здесь во имя служения Господу нашему. И ради помощи его пастве в лице местных жителей. Других священников в округе не найти. Это мой долг.

– О! Этот ваш пафос и идеализм. Я уже и позабыл о них. Они всегда выделяли вас на фоне той кучки бездарей, что выстраивали свою карьеру и личное благополучие, прикрываясь именем Господа. Но в конечном итоге, они в тепле и сытости в Лондоне, Бирмингеме, Шеффилде, Эдинбурге, а вы – здесь. К слову, о еде, не вижу праздничного стола. К вам ведь явился не абы кто, а сам профессор Тадеуш Моравский, – усмехнулся гость и указал на кусок пирога и недопитый стакан молока, – что это?

– Мой ужин, – смутился отец Яков.

– Мдаааа... – снова протянул профессор. – Вы знаете, мой друг, провинившегося монаха, посаженного в карцер, и то лучше кормят. А вы практически местный кардинал, епископ Западного Хантершира, единственный на всю округу. Неужели Господь настолько не ценит своих слуг?

– Господь любит все свои творения: и самых лучших, и самых недостойных, – начал было священник, но профессор прервал его.

– Даже меня?

– Даже вас, – абсолютно серьезно ответил отец Яков. – Несмотря на вашу позицию и нежелание верить.

– Ну тогда я надежно защищен от того Зла, что вы упомянули в письме, – профессор облегченно выдохнул. И если бы святой отец не понимал, с кем имеет дело, то поверил бы в искренность его слов. Но отец Яков был давно знаком с Моравским. И знал его лучше, чем кто-либо.

– Раньше я не верил вам, Тадеуш, за что приношу свои извинения. Полагаю, вы успели исколесить весь мир и увидеть много странных вещей, пока я находился здесь. Не так ли?

– Когда-нибудь я поведаю вам об этом, друг мой, – он наморщил лоб и утвердительно кивнул головой, – но не сейчас. А к чему вы клоните? Сомневаетесь в моей компетентности в данном вопросе?

– Ни в коем случае. Я имею в виду то, что, даже единожды повстречав создание из иного, потустороннего, дьявольского мира, вы до сих пор не уверовали в Бога?

Профессор Тадеуш уселся на единственный стул в комнате, не дожидаясь приглашения. Грустно взглянул из-под очков на графин с водой, покачал головой и произнёс:

– У вас есть что-нибудь выпить, отец Яков? И я сейчас говорю не о воде. Что-нибудь крепкое?

– Несколько лет назад я был на ярмарке в Денсфорте. Приезжал за свечами, ладаном и прочими вещами, которые кроме как там, нигде не раздобыть. Местный священник отец Йозеф за мой, как он выразился, самоотверженный труд, вручил мне бутылку хорошего бренди. Я не употребляю, поэтому хотел отказаться, но он не принял моего решения, – отец Яков открыл свой шкаф и начал что-то искать в его глубинах. – Я приберег его для особого случая. Думаю сейчас как раз подходящее время, – добавил он и извлек из темноты прозрачную бутылку с темно-коричневой жидкостью внутри.

– Именно, именно, – одобрительно закивал головой профессор. – Я тоже кое-что с собой привёз, вот только все мои вещи остались в карете, а идти за ними в такую грозу мне не хочется. У вас всего лишь один стакан, отец Яков?

– Кроме меня здесь никто не живёт, зачем мне два?

– Значит, будем пить по очереди, – профессор принял бутылку из рук священника и откупорил дубовую пробку. По комнате разлился аромат можжевельника. Не спрашивая хозяина, выплеснул остатки молока из стакана в ведро, протер стакан платком и наполнил на треть алкоголем.

– Ваше здоровье, отец Яков! И во славу Господа, в кото-

рого я не верю.

Осушил одним глотком, внимательно наблюдая за реакцией служителя церкви. Тот отреагировал мгновенно:

– Не богохульствуйте, профессор. Возможно, вы забыли нашу последнюю встречу?

– К сожалению, нет. И повторю вам то же самое, что и в прошлый раз. Не воспринимайте критику Господа так близко к сердцу. Вряд ли для вашего любимого Творца так важно, что о нём думает одно из самых недостойных его творений.

Отец Яков насупился, что не осталось незамеченным для профессора. Он налил себе ещё и примирительным тоном произнёс:

– Я постараюсь не слишком досаждать вам во время моего пребывания здесь. Я всегда был скептиком, вы же знаете.

– Тогда зачем же вы поступили в семинарию?

– Жизнь непредсказуемая штука и порой нити судьбы сплетаются в такой необычайный узор, что и представить сложно. Мы не всегда выбираем свой путь, особенно в юности. Иногда приходится просто плыть по течению вместе с остальными, – поймав на себе недоумевающий взгляд, он подмигнул священнику и хитро улыбнулся, – к тому же мне всегда было интересно узнать, как устроена церковная «кухня» изнутри. Но мы отошли от темы, я ведь так и не ответил на ваш вопрос. Да я много всего повидал, таких странных вещей... Расскажи о них во всеуслышание меня бы заперли в Бетлемскую королевскую больницу. Призраки, демоны и

много кто ещё свободно бродит по грешной земле. И творят такое, что вам и не снилось.

– Если бы Творца не существовало, – резко перебил его отец Яков, – то силы Ада давно бы захватили землю и превратили бы её в подобие преисподней. Страх, огонь и боль – вот что ждало бы нас без Его заступничества.

Тадеуш внимательно взглянул на священника: в его тёмных глазах заплясали искорки – отражение пламени свечей на столе:

– А вы уверены, что всё это еще не произошло?

Наступила тишина, прерываемая лишь каплями дождя, стучащими по крыше, да звуком медленных глотков: профессор поглощал бренди так, словно это была чистая колодезная вода. Опустошив очередную порцию, он прервал молчание.

– Я встречал существ, о которых вы даже и не слышали. Видел такое, во что вы никогда не поверите, пока не увидите своими собственными глазами. Но ни разу, подчеркиваю, ни разу мне не попадался Бог, ангелы и прочие его слуги, которые сражались бы со Злом.

– Но ведь вы сражаетесь, – пылко продолжил отец Яков, – вы и есть орудие Господа, хотя и не желаете этого признавать. Преграда на пути той Тьмы, что расплзается по миру.

– «Преграда», – передразнил его профессор, – что была лишена сана и отлучена от церкви вашим горячо любимым епископом Годескальком за свои прогрессивные взгля-

ды. Так Господь помогает мне в моих битвах?

– Quos diligit, castigat, – отец Яков смиренно опустил глаза к долу, – нам не дано понять Его планов в силу нашей ограниченности. Нужно просто принять крест, каждому свой, и достойно нести его до самого конца.

– Спорить со священником, всё равно, что молотить воду в ступе, – ухмыльнулся профессор. – Чему и учат в семинариях так тому, чтобы опровергнуть любой тезис оппонента и всё вывернуть наизнанку, в выгодном для Церкви свете. Ваше счастье, что основная паства – безграмотные крестьяне и рабочие, не умеющие читать и думать. А всем остальным можно заткнуть рты, пригрозив анафемой или еще чем похуже. Но, кажется, ливень заканчивается. Пойду, прогуляюсь до своей повозки, проведу слугу, принесу еды и вина. Ночка обещает быть долгой и очень интересной.

Тадеуш вернулся не один: за его спиной отец Яков заметил высокую фигуру в плаще с капюшоном и с огромным зонтом в руке. Зонт закрывал его, профессора и, казалось, еще половину улицы. Физиономию незнакомца не было видно. Он передал профессору чемодан и холщовый мешок и скрылся в темноте.

– Это ваш слуга?

– Да, его зовут Мортимер. Исполнительный, покладистый и надёжный как швейцарские часы. Однозначно, он – моё самое лучшее приобретение за долгие годы путешествий.

– Почему он ушел? Пусть разделит с нами кров и пищу.

– Он, как и любой из нас не без изъяна. Нелюдимый. Пребывание в обществе даётся ему очень тяжело. К тому же, Мортимер немой. Так что пусть ваша светлая душа не тревожится попусту: у меня большая карета, ему хватит места вытянуть свои длинные ноги и отдохнуть. Еда у него тоже есть. В отличие от вас, – усмехнулся профессор, – видите, я во всех смыслах ваш спаситель. Даже в гастрономическом.

Тадеуш раскрыл мешок и извлёк из него сыр, колбасу, пару бутылок, не то с вином, не то с коньяком, яблоко и горсть сухофруктов, которые показались священнику странными на вид. Поймав его взгляд, Тадеуш пояснил:

– Экзотика. Пристрастился к ним во время поездок в Египет. Они отлично утоляют голод и дают энергию, попробуйте!

Священник с опаской прожевал кусочек зеленого цвета, отметив про себя его кислый и терпкий вкус.

– Интересно, – проговорил он.

– Путешествия должны быть комфортными, без хорошей провизии тут не обойтись. Иначе теряется вся их прелесть. Но поговорим о вашем случае. Пока я буду ужинать, расскажите свою историю заново. Со всеми подробностями и деталями, о которых вы могли забыть упомянуть в письме. Всё что показалось вам странным, любые мелочи, которым вы не придали значения. Это может мне помочь.

Профессор наполнил стакан до краев, затем вооружив-

шпиль ножом, начал орудовать над колбасой. Как бы между делом, произнёс:

– Приступайте, друг мой.

Священник рассказывал долго: полночь давно минула, когда он закончил. Профессор, который с неподдельной грустью рассматривал почти опустевшую бутылку, и казалось, ничуть не захмелел, внимательно его слушал, кивал головой, а затем приступил к вопросам:

– Перед отъездом я навёл справки. Меня удивил один момент: я никогда не слышал о лорде по фамилии Карпентер. И, кажется, в столице тоже никто не знает о его существовании. Может быть, вы проясните этот момент?

– Полагаю, что Карпентер никакой и не лорд. Так называют его местные, и так горделиво он величает себя сам. Несмотря на то, что я единственный духовник в округе, крестьяне крайне неохотно рассказывают о поместье и его обитателях. А если быть точнее, вообще не рассказывают. Когда я попытался вызвать старосту Дилана на откровенность, он всеми правдами и неправдами отнекивался. В конце концов, он назвал особняк проклятым и посоветовал мне забыть о нём и никогда там не появляться. Старик выглядел испуганным: больше я ничего от него не добился.

– Всё больше странностей в этом деле, отчего в моих глазах оно становится лишь интересней. А далеко ли от деревни находится кладбище, святой отец?

– Милях в 10 от Олдвиджа. А почему вы спрашиваете?

– Далековато, не находите? – вопросом на вопрос ответил Тадеуш.

– Это общее кладбище для всех окрестных деревень. Здесь своеобразно почитают умерших: местный погост, когда я впервые его увидел, меня поразил. Традиция, о которой я раньше не слышал, но и об этом крестьяне не особо распространяются. Впрочем, я уже привык: в каждом краю свои собственные обычаи. И чем дальше от цивилизации, тем удивительнее они становятся.

– Воистину так! – воскликнул профессор. – Едва забрезжит свет, мы совершим туда поездку. Если дорога позволит, конечно.

– Но для чего? Зверь обитает в поместье, а не на кладбище. Мы должны спасти тех несчастных людей, что там живут и изгнать Зла, которое там поселилось.

– Насколько я понял, ваше Зло днём на свет Божий не выходит. А меня всегда интересовали традиции и нравы тех краев, в которых я оказываюсь. А кладбища, к слову, прекрасно их характеризуют. Долго мы там не задержимся и вечером уже будем в поместье. Надеюсь увидеть этого вашего Зверя во всей его красе.

Отец Яков перекрестился и покачал головой:

– А я надеюсь никогда больше не встретиться с этим демоном. Но свою паству в беде не оставлю. Если Господь призывает меня сразиться с Дьяволом, я откликнусь на его зов!

– Весьма похвально! Весьма похвально! Дьяволу остается

только ретироваться, как только он узнаёт, кто у меня в союзниках – не сдержался профессор.

Не дав отреагировать священнику на свои слова, быстро продолжил:

– А теперь нужно немного отдохнуть перед завтрашними делами. Вижу кровать у вас одна, да и кроватью это можно назвать только с большой натяжкой. С вашей стороны было бы неучтиво не предложить её гостю. А со стороны гостя было бы некрасиво принять такое предложение, – Тадеуш замахал рукой, не давая отцу Якову высказаться. – Посему я переночую в повозке, и не отговаривайте меня. К слову, там куда комфортнее, чем в вашей келье. Доброй ночи, отец Яков. Признаться, друг мой, я очень рад нашей встрече.

Глава 5. Арчи

Утро выдалось на редкость промозглым: ливень закончился, однако тучи по-прежнему закрывали небеса. Пелена тумана окутывала мир, облекая его в белые одеяния. Влага с земли испаряясь, сгущала и без того непроглядную молочную дымку.

Отец Яков вытянул руку вперед и растопырил пальцы: конечность «растворилась». Помахал рукой, пытаясь разогнать пелену, но ничего не вышло.

– Не припомню такого густого тумана на своём веку, – тихо проговорил он.

– Настоящая мгла, – раздалось откуда-то сбоку.

Священник вздрогнул, и отступил назад, в дверной проём часовни.

– Кто здесь? – с опаской спросил он.

– Всего лишь я, – из дымки вынырнул Моравский. – Дожидался, когда вы проснетесь, не хотел беспокоить слишком рано. К тому же, спешки нет, – достав часы на цепочке из внутреннего кармана жакета, приблизил их к глазам, – сейчас без одной минуты семь. Думаю, к обеду вернемся, если ничто нас не задержит. Вы готовы, друг мой?

– В такую погоду? Мы собьёмся с пути и заблудимся. Нужно дождаться, когда туман рассеется.

– Для моего кучера это не проблема, – по лицу профес-

сора пробежала легкая усмешка, – у Мортимера особое чутье. Он способен управлять повозкой даже с закрытыми глазами, лишь укажите правильное направление. Прошу вас, – он приветственным жестом указал куда-то в туман.

– Я возьму пару свечей, зажгу на погосте, дабы почтить память ушедших.

– Не стоит беспокоиться святой отец, у меня в фургоне все есть. Заприте храм и отправимся в путь. Позавтракаем в дороге, чем Бог пошлет.

Моравский подмигнул священнику и поманил его за собой. Тот, заперев дверь капеллы, послушно направился за профессором, чей черный плащ был едва различим на расстоянии нескольких шагов. Далеко идти не пришлось: повозка стояла не более чем в ста ярдах от того места, где они разговаривали. Тадеуш открыл дверцу, пропустив спутника вперед. Тот успел кинуть взгляд на едва различимый силуэт возницы, застывшего в неподвижности на козлах, словно каменная горгулья на парапете.

Отец Яков забрался внутрь, огляделся и удивился. Не то, чтобы ему часто приходилось ездить внутри карет высокородных господ, но он и представить не мог, что интерьер внутри транспортного средства может быть таким. Таким роскошным, изящным и строгим одновременно.

Первое что бросалось в глаза, а точнее в ноздри, был запах незнакомых благовоний. Что-то пряное, что-то восточное. Мускатный орех? Кардамон? Священнику оставалось

только догадываться.

Моравский запрыгнул следом и опустился на мягкое сиденье, обтянутое черной кожей. С улыбкой наблюдал за реакцией своего спутника. Тот вертел головой по сторонам: шелковые карминовые занавески на двух смотровых окошках, закрытых решеткой, четыре изящных светильника похожих на лампы джина, по одной в каждом углу. Отец Яков провел рукой по стенке кареты – черное дерево. Присмотрелся внимательнее: дерево имело вставки камня того же цвета, выполненные в виде неизвестного ему орнамента. Протянул руку к лампе-светильнику, но был остановлен голосом Тадеуша:

– Если потереть, появится джин. Будьте осторожны, друг мой.

Отдернув руку, священник бросил недоверчивый взгляд на профессора, который выглянул в смотровое окошко, словно пытаясь убедиться, что снаружи никого нет, задернул занавеску и уселся напротив отца Якова. Потом постучал в стенку фургона. Возница, услышав сигнал, тронулся с места.

– Надеюсь, вы не серьезно. Хотя кто знает, что можно ожидать от такого оригинала как вы, профессор.

Тот добродушно усмехнулся:

– Это обычные масляные лампы. Ну, или почти обычные. Я много путешествую и люблю читать в дороге. Особенно ночами, когда меня мучает бессонница. Поэтому мне требуется много света. Видите ли, у меня редко бывают такие

интересные попутчики как вы отец Яков, поэтому коротать время помогают книги.

– Вижу, путешествуете вы с комфортом, – священник провел пальцем по кожаному сидению. – Такое убранство под стать истинному лорду.

– Намекаете на один из семи смертных грехов, святой отец? Что ж, не буду отрицать: моя карета – моя гордость. Это вам не какая-то крестьянская повозка с деревянной скамьей, на которой затекает зад. Создана по моему личному проекту и усовершенствована Джоном Хаттчетом. Такой каприз обошелся мне в баснословную цену, но оно того стоило. К счастью, в средствах после смерти моего благородного папаша, я не нуждался. Здесь я провожу больше времени чем, в своем доме в Лондоне. Поэтому неудивительно, что я так расстарался. Единственное, чего мне здесь не хватает, это ванной комнаты. Но конструктор Хаттчет, несмотря на все мои настойчивые просьбы, ответил, что это излишне увеличит размеры транспортного средства и скажется на его «дорожных функциях». А жаль, ведь Англия не настолько цивилизованная страна, чтобы на каждом постоялом дворе можно было найти удобства. Ну что ж, – горестно вздохнул он, – не каждой моей прихоти суждено сбыться. Но не будем о несбывшихся желаниях, святой отец: лучше поведайте, куда нам ехать, чтобы добраться до этого вашего кладбища.

Когда фургон подъехал к погосту, распогодилось. Поры-

вистый ветер разогнал хмурые тучи, и приветливое солнышко подсушило землю. От тумана не осталось и следа.

Два часа до полудня, отметил про себя профессор и вышел наружу, подав руку святому отцу. Тот бросил взгляд на карету и удивленно хмыкнул: ему наконец-то удалось, как следует её рассмотреть. И то, что он увидел, сильно отличалось от тех средств передвижения, которые встречались ему прежде. Больше обычных карет, которые колесят по мостовым Лондона, эта имела длину, наверное, в 20-25 футов и была выполнена из черного дерева. Причем, казалось, что она собрана не из отдельных частей, а выточена или вырезана из цельного гигантского бруска. Задняя часть прямоугольной формы занимала столько же места, сколько и места для перевозки пассажиров. Зачем она была нужна, и что в ней находилось, священник не знал

Двойные массивные колеса с широким ободом почти не оставляли следов на дороге, лишь незначительно погружаясь в грязь по которой они ехали.

Тянули карету две пары вороных лошадей: мощных, высоких и мускулистых. Чёрные как смоль без единого пятнышка другого цвета. Когда одна из них повернула голову и фыркнула на отца Якова, тому показалось, что и глаза у нее тоже антрацитовые.

– Ещё одна моя гордость – шайры, – произнес Моравский, заметив, интерес своего спутника. Выносливые и неприхотливые, прям как Мортимер. Купил их у одного обедневшего

дворянина в Лондоне. Ему они были ни к чему. Ну вот, погода вернула себе настроение, – сменил он тему. Посмотрел в сторону кладбища и нечто похожее на изумление скользнуло по его лицу и тут же пропало. – Интересная у вас тут архитектура. Я бы сказал, для забытых в глуши крестьянских деревень, весьма нетипичная. Что это? Неужели там хоронят местных старост?

Указательным пальцем левой руки, на котором священник разглядел перстень с изображением песочных часов, профессор ткнул в сторону каменного сооружения, возвышающегося над кладбищем. Постройка состояла из массивных мегалитов сложенных так, что между ними не оставалось ни малейшей щелки. Некое подобие галереи или коридора длиной в полсотни ярдов тянулось вперед и заканчивалось идеальным кругом. Кругом сложенным из таких же мегалитов.

– Древний склеп или что-то в этом роде, – пояснил священник. – Дилан, говорил, что он стоит здесь с незапамятных времен. Якобы, еще его прадеду об этом рассказывал прежний староста. По его словам, тут покоится давно забытый безымянный герой из стародавних времен.

– Из очень далекого прошлого, – подтвердил профессор. – Такого рода сооружения... Им может быть... может быть около тысячи лет. Неудивительно, что местные хоронят усопших именно здесь. Сейчас подойдем поближе и изучим его внимательно. Мортимер, никуда без нас не уезжай, –

ослабился он, обратившись к кучеру.

– Но я до сих пор не вижу связи, – вздохнул отец Яков, – между событиями в особняке и этим местом. В конце концов, вы же прибыли сюда не с целью изучения древних гробниц. Тем более, что вы о ней ничего и не знали.

– И не увидите, – менторским тоном отозвался Тадеуш. – Потому что вы священник, а я профессор.

Смешливая искорка вновь пробежала по его глазам, но дабы не обидеть своего спутника, продолжил:

– До вечера у нас куча времени, а я никогда не упущу шанса покопаться в прошлом. Археология – одно из моих увлечений. Тех увлечений, что приносят неподдельную радость моей душе.

Он достал из кареты кожаный саквояж, наподобие тех, что используют доктора, и бодрым шагом направился к могилам. Священник, недоуменно покачав головой, направился следом. Подойдя к ближайшей могиле, Тадеуш остановился, поставил саквояж на траву и раскрыл его. Отец Яков, заглянув за плечо, увидел внутри ряд странных приспособлений. Об их назначении, он мог только догадываться. Профессор достал устройство похожее на массивный монокуляр, и с помощью кожаного ремешка закрепил его на левом глазу, став похожим на пирата. Вращая оправу, начал осматривать могилы. Священник заметил, что цвет стекла «монокля» постоянно изменяется.

– Что за странный прибор, профессор?

– Diaboli inventio, вам к нему лучше не прикасаться, дружкой.

Отец Яков с укоризной посмотрел на профессора:

– Столько лет прошло, а вы ни капли не изменились. Неудивительно, что вас исключили из семинарии.

– Вы ошибаетесь, святой отец, все люди подвержены метаморфозам возраста. Но некоторые вещи всегда остаются неизменными, как например, мое превосходное чувство юмора.

Профессор сделал еще один поворот оправы и резко остановился: стекло сменило цвет на ядовито-зеленый.

– Там недавно кого-то похоронили? – указал он в дальний угол погоста.

– Верно. Джона из Ривервуда. Как вы узнали?

– Всего лишь догадка. Свежие следы на земле. Идёмте дальше, нужно здесь всё хорошенько осмотреть.

Послушно последовав за профессором, священник внимательно смотрел под ноги, стараясь разглядеть следы, оставленные похоронной процессией, в которой сам же и принимал участие. Но ничего не увидел: дождь давно их смыл.

Тадеуш как ищейка изучал кладбище: прошёл в один угол, покружил в другом. Задержался над могилой недавно усопшего, внимательно её осмотрел. Затем еще раз обвел всё вокруг взглядом и направил стопы к каменным мегалитам. Оглядев их со всех сторон, снял монокль.

– Вы нашли то, что искали, профессор?

– К счастью нет, – загадочно ответил он. – Но мы всё же не зря сюда прибыли. Единственный момент: где же здесь вход?

– Эта глыба и есть вход, – указал рукой священник на ближайший камень.

– И как же нам попасть внутрь?

– Никак. Вы что всерьез хотите осквернить древнее захоронение, профессор? Мне кажется это слишком даже для вас. Вы переходите границу...

– Ну что вы, друг мой. У меня исключительно научный археологический интерес. К тому же, откуда местной деревенщине знать, что это погребальная постройка. Это вполне может быть культовое сооружение, посвященное одному из богов прежних времён.

– Тем более не стоит врываться внутрь. К прошлому нужно относиться с почтением. Этот камень загораживает вход не просто так. Я думаю те, кто его установил, не хотели, чтобы потомки входили внутрь.

– А может быть, не хотели, чтобы оттуда, что-нибудь вышло на свет, – неслышно пробормотал профессор. – Какое удивительное почтение со стороны христианина по отношению к чужой давно исчезнувшей религии. Жаль, что ваши собратья не испытывают подобных чувств. Ну что ж, я увидел всё, что хотел. Отправляемся в поместье, нужно обследовать и его.

Когда дормез подъехал к кованой ограде, было четыре часа пополудни. Дорога подсохла, от тумана не осталось и следа, и Мортимер не сдерживал лошадей. На воротах как обычно висела цепь с замком. Профессор несколько мгновений сквозь прутья любовался архитектурой поместья, садом и лужайкой, и лишь спустя пару минут дернул цепь. Та отозвалась металлическим звоном.

– Ваш выход, отец Яков. Зовите своего лорда, хотя нас и так несложно было заметить, полагаю.

– Мистер Карпентер! Мистер Карпентер! Откройте ворота!

Со стороны прудика появился человек. Увидав незваных гостей, не поздоровавшись, пулей промчался к дому и исчез за дверью.

– Не тот ли это садовник, на которого напал призрак? Монти, кажется?

– Да, Монти. Слава Господу, он жив.

Дверь особняка отворилась. Оттуда вышел Карпентер и неторопливо побрёл к воротам. Подойдя ближе, он подозрительно взглянул на священника. На незнакомца он бросил не менее выразительный взгляд.

– Отец Яков, рад видеть вас в добром здравии. Кто это с вами?

– Тот, кто вам поможет. Человек, о котором я говорил раньше.

– Меня зовут профессор Моравский, и я прибыл в эти

края, чтобы решить вашу проблему.

– Кажется, решать вам будет нечего, профессор. Но насколько я помню, отец Яков упоминал, что прибудет священник, а не человек науки.

– Я профессор во многих областях, – мимолетная улыбка возникла и скрылась в уголках глаз Тадеуша, – в том числе и теологии. Религия мне очень близка, отец Яков это подтвердит.

Отец Яков промолчал, сделав вид, что не расслышал и тут же увел разговор в другую сторону:

– Мистер Карпентер, меня беспокоит Монти. С ним всё в порядке?

– Это вы должны мне ответить, святой отец. После того, что вы с ним сделали, он не разговаривает. Замкнулся в себе. Выполняет свои обязанности и только. Он и раньше-то был не совсем здоров, а сейчас... Вернулся посреди ночи, вломился в дом, чуть не высадив дверь, что-то прошептал и упал без чувств. Утром, придя в сознание, он не произнёс ни единого слова. До сих пор.

Отец Яков развел руками:

– Я не знаю, что с ним произошло. Он молчал с того самого вечера как постучался в дверь храма. Это все, что мне известно. Возможно, профессор сможет помочь и в этом вопросе. Если вы впустите нас внутрь.

– Ах да, конечно. Простите мне мою неучтивость: заставляю ждать профессора и священника. Ученые гости здесь не

появлялись с тех пор... с тех пор...

Карпентер не закончил фразу, начав возиться с замком. Отворив ворота, приветственным жестом, пригласил путников войти.

– Ваш слуга, – указал он на возничего, – может расположиться в домике Монти. А повозка, пусть останется за оградой. Не хочу, чтобы лошади испортили мне лужайку: конюшня же давно пришла в негодность, обветшала и была разобрана лет так десять назад.

– Нет-нет, – возразил профессор, – я не хочу злоупотреблять вашим гостеприимством. Слуга останется приглядывать за моим имуществом снаружи. Он вас не потревожит.

– Вот и отлично. Пожалуйте в дом.

– С превеликим удовольствием осмотрю ваше чудесное поместье. Особенно винный погребок, отец Яков упоминал, что у вас есть чем удивить.

Карпентер улыбнулся и мотнул головой в знак согласия: настолько естественно и доброжелательно, что брови священника сами поползли наверх.

Сидя в мягком кресле, профессор наслаждался вином и обществом Карпентера. Священник к алкоголю не притронулся: он стоял лицом к портрету прежнего лорда, словно пытаясь разглядеть какие-то новые детали. Это не ускользнуло от внимания Тадеуша.

– А что вы имели в виду, говоря, что проблемы больше

нет? – обратился он к хозяину особняка.

– Сейчас мне это кажется безумством, наваждением. Но... То, что нас беспокоило, больше не появлялось. Теперь я вообще сомневаюсь, было ли оно на самом деле. Я скептик до мозга костей, мне сложно верить в такое.

– Но вы же видели демона своими глазами, – нетерпеливо прервал его отец Яков, не отрывая взгляд от портрета, – и я видел. Как вы после этого можете сомневаться?

– Я не знаю, что я видел, – буркнул в ответ Карпендер. – Тем не менее, я благодарен вам, за оказанную помощь. И за то, что привели к моему порогу интересного собеседника. В этой глуши одна деревенщина, человека такого уровня здесь днём с огнём не отыщешь.

Профессор Моравский благодарно кивнул головой, но никак не прокомментировал сказанное. Вместо этого произнёс:

– И всё же я проделал долгий путь. И если я впустую потратил своё время, на что я очень надеюсь, все же мне хотелось бы услышать вашу версию событий, а также, с вашего позволения, осмотреть эту прекрасную усадьбу.

Профессор успел прикончить бутылку шикарного Chateau Lagrange 1799 года, прежде чем Карпендер закончил свой рассказ. Наклонил над бокалом, ловя последние капли, печально посмотрел в горлышко бутылки и промолвил:

– Отец Яков, я вижу, живопись интересует вас больше нашей беседы, но прошу, оторвитесь от картины и объясните:

когда вы намеревались мне рассказать о случае с псом?

– Я не думал, что смерть животного так важна по сравнению с тем, что здесь происходило. Я забыл изложить это в письме. Собака, по словам мистера Карпентера, была убита злоумышленниками, пытавшимися проникнуть внутрь. О чем вы сейчас сами и услышали. Не думаю, что это имеет отношение к нашему призраку. К слову о живописи, пёс на картине как две капли воды похож на вашего Арчи, мистер Карпентер.

– У лорда Даркфилда тоже был голден-ретривер. Мой Арчи – из его помёта. Преданный зверь, надёжный, не то, что люди, которые в случае беды, всегда готовы оставить тебя одного.

– Позвольте поинтересоваться, кто этот лорд Даркфилд? Для меня до сих пор остается загадкой данный персонаж.

– Лорд Элиот Даркфилд, прежний владелец поместья. Человек глубокого и пытливого ума, ваш брат ученый.

– Интересно. Не сочтите за зазнайство, но я знаком с высшим обществом Лондона и мне не приходилось слышать о лорде с такой фамилией.

– Он редко бывал в столице. Говорил, что не любит всех этих напыщенных франтов, которые бесполезно прожигают свои жизни на доставшееся им от славных предков наследство. Он был настоящим человеком, вызывающим неподдельное уважение.

– И что же с ним случилось?

– Он много путешествовал. И однажды просто не вернулся из очередной поездки.

– И..., – протянул Тадеуш.

– Что «И», господин профессор?

– После этого вы стали владельцем особняка?

– Именно так.

Тадеуш хотел было задать еще один вопрос, но увидев, отчаянно жестикулирующего отца Якова, передумал.

– Что ж, в свете новых подробностей, думаю, у меня есть в меру логическое объяснение вашей проблемы. Я знаю, что такое этот ваш зверь. Но прежде, чем я вам это открою, идёмте в сад, пока не стемнело. Покажите мне могилу вашего пса. И будьте любезны, лорд Карпентер, распорядитесь, чтобы и ваш слуга пришел. Нам понадобится его помощь.

– Итак, значит, здесь вы его похоронили? Хорошее местечко. А этот дуб... ваш слуга глаз от него не отводит.

Лорд пожал плечами, возразить ему было нечего. Отец Яков несколько раз пытался заговорить с Монти, но тот остекленевшими глазами продолжал смотреть на дерево, не обращая внимания на слова священника.

Сзади раздался шорох: все кроме Монти и профессора обернулись. Высокая фигура, облаченная в черный плащ с капюшоном. В одной руке две лопаты, в другой – мешок. Заменя лопату на косу, и не отличишь от Смерти, по крайней мере от того как изображают её художники на своих полот-

нах, невольно подумал святой отец.

– Мортимер как всегда пунктуален, – Тадеуш принял инструмент, мешок и кивнул слуге головой. Возничий медленно побрёл назад.

– Что вы намереваетесь сделать? – Лорд с недоверием взглянул на профессора. – Неужели...

– Вы весьма проникательны, милорд. Я собираюсь вскрыть место погребения.

– Но зачем? – вмешался священник. – Пусть это всего лишь животное, но осквернять могилу...

– Сейчас я вам всё объясню, друг мой. Зло, которое вы так натурально обрисовали в своём рассказе – это баргест. Не самое ужасное порождение Тьмы, поверьте моему опыту, но и не самое приятное. Что-то привлекло его сюда, но причина, по которой он явился, мне неизвестна. А так как, убив пса, он стал являться в облике Зверя, полагаю, они были как-то связаны. Сейчас мы выкопаем останки несчастного Арчи, посыплем особой солью и сожжём в том самом масле, о котором вам уже известно. Если я окажусь прав, дух покинет это место, и ничто больше не будет отвлекать досточтимого Лорда Карпендера от его дел. Если никто не против, приступим, пока не пробил *hora lupus*.

– Монти, дружок, – обратился он к садовнику, протягивая лопату и пытаясь привлечь его внимание, – будь добр, выкопай нам здесь ямку.

Толстая ветвь дуба, что свисала над оградой, внезапно

издала звук, похожий на треск вперемешку с зубным скрежетом, и рухнула вниз. Стоящие под ней люди отпрыгнули в сторону, все без исключения, проявив при этом немалую ловкость. А Монти, лицо, которого ветвь оцарапала, схватившись обеими руками за голову с диким воем помчался в сторону ворот и мгновенно исчез из виду. Лишь Лорд не удивился: остальные были поражены случившимся.

– Я же говорю, что он не в себе после возвращения от вас, отец Яков. Помутился рассудком окончательно, чего уж тут изумляться.

– А вы не боитесь, мистер Карпентер, что на фоне своей болезни Монти причинит вам вред?

– Да, что вы, профессор, он и мухи не обидит.

– Ну что ж, раз Монти исчез, – профессор обвел глазами присутствующих, – значит, мне нужен ассистент. Милорд, – он протянул лопату владельцу особняка.

– А почему бы вам не приказать своему слуге это сделать? – недовольным тоном ответил Карпентер.

– В этом плане он очень похож на Монти: крепкий телом, но слабый духом. До ужаса боится могил, раскопок и подобных этому вещей. К тому же, лучше будет, если я вскрою могилу с вашей помощью: пес ведь принадлежал вам.

Поплевав на ладони как настоящий могильщик, профессор тотчас приступил к работе. Лорд нехотя присоединился. Отец Яков повернулся к ним спиной и начал вполголоса читать молитву, умоляя Господа их простить. Происходящее,

ему не нравилось, но он доверял профессору, полностью полагаясь на знания и компетенцию последнего.

Довольно скоро запах разложения коснулся его ноздрей. Он повернулся и увидел, как Карпентер, морщась и закрывая нос рукой, выбирается из ямы. Профессор, опершись на черенок лопаты, закашлялся. Кашель затянулся на некоторое время, а затем Тадеуш, как ни в чем, ни бывало, продолжил копать. Наконец, закончил и тоже выбрался наружу. Глядя на лица своих «ассистентов», произнёс:

– Не буду заставлять ваше нежное обоняние страдать попусту.

С этими словами достал из мешка бутылку с маслом и, откупорив крышку, вылил ее на останки животного. Затем щедро посыпал разлагающийся труп солью из мешка, вынул кресало и трут.

– Прошу милостивых господ отойти подальше. Гореть будет очень сильно, – промолвил он и, не дожидаясь их реакции, высек огонь и запалил трут. Тот вспыхнул почти мгновенно. Бросив его в яму, профессор отскочил. Смесь с громким треском и шипением вспыхнула и взорвалась: пламя вырвалось из могилы и взметнулось до нижних ветвей дуба. А затем из леса раздался жуткий вой, от которого у всех присутствующих по коже побежали мурашки. Звук был такой протяжный и ужасный, словно стая волков в унисон завывала на луну. Священник и Лорд испуганно закрутили головами, последний машинально потянулся рукой к ружью, и осо-

знал, что оставил его в доме. Профессор вперил взгляд в чащу за оградой, но ничего не увидел.

– Atrium mortis, – еле слышно прошептал он. А затем громко произнес:

– Может быть волки, а если нет – не думаю, что баргест явится перед нами в свете дня. В любом случае, здесь наша работа завершена. Завтра утром, когда огонь погаснет, закопаем яму и дело с концом.

– Вы уверены, профессор? – прежний скептицизм Карпентера куда-то внезапно улетучился.

– Ни в чем нельзя быть уверенным, милорд. Мы же здесь не математикой занимаемся. Никакой точности в таких делах быть не может. Мир духов живёт по непонятным законам, которые человеческой логике не доступны. Да и что мы вообще можем знать о вещах, которые находятся по ту сторону? Никто из нас там не бывал, а те, кто туда уже ушли, назад не торопятся. Солнце катится к закату, и оставаться здесь на ночь, чтобы проверить эффективность нашей работы, я не рискну. Идёмте в дом. Найдите, Монти, милорд: после захода светила никто не должен оставаться снаружи.

– Хорошо. Но откуда вы столько знаете о мире духов? О баргестах, например? – поинтересовался Карпентер.

– Я же профессор, – усмехнулся тот в ответ, – идёмте, – настойчиво повторил он, – не стоит задерживаться.

Глава 6. Монти

Священник, стоял перед входом, и не отрывая глаз, следил за приближающимся Лордом. Тот спешно (солнце давно исчезло за деревьями), двигался к дому. Поравнявшись с отцом Яковом, он бросил:

– Не спрашивайте, святой отец. Он заперся в своей берлоге и не желает выходить.

– Мы не имеем права оставлять его одного!

– Можете сами попробовать, – недовольно буркнул Карпентер, и вошел в дом – в конце концов, он стал таким после возвращения из Олдвиджа. Это всё ваше влияние.

Священник ничего не ответил, только сделал шаг по ступеням вниз, но был остановлен твердой рукой, мягко лёгшей ему на плечо.

– С Монти все будет в порядке. Полагаю, что он и носа не покажет до самого рассвета. Садовник в безопасности. Чего не скажешь о нас, если мы будем бродить по саду в это время.

– Но вы же изгнали духа, профессор, не так ли?

– Может быть. А возможно, я своими действиями только разозлил его. Идемте, друг мой.

– А ваш слуга, – не сдавался тот. – Мортимер или как там его? Он ведь тоже снаружи! За него вы не беспокоитесь?

– Мой слуга привычен к таким делам. Внутри кареты ему ничего не грозит, поверьте мне на слово. Ну же, – Тадеуш

настойчиво потянул священника за плечо и тот со вздохом сдался.

Профессор застал Карпентера на кухне: тот с печальным видом собирал на стол. Выложил на блюдо вареные яйца, нарезал тонкими ломтиками сыр.

– Последний, – буркнул он, – берёг для особого случая. Нужно пополнить запасы провизии. Обычно этим Монти занимается, но сейчас всё пошло наперекосяк.

– Эту проблему решить легче, чем все остальные. Завтра утром я отправлюсь в деревню и куплю необходимое. К полудню буду здесь с фургоном, набитым едой под завязку.

– У меня была мысль, попросить вас об этом, – кивнул Лорд, – что ж, спасибо, профессор.

– Вы оказались гостеприимным хозяином, – польстил ему тот, – это всего лишь дань уважения. Но после всех наших трудов мне хотелось бы умыться.

– Ванная там, – Карпентер указал на соседнюю дверь. – В иное время я бы приказал Монти нагреть воды и наполнить её, но сами понимаете. Однако, чтобы совершить туалет, воды в ней хватит.

– Какая прелесть! – воскликнул профессор, отворив дверь, и прищурился глазами – да я сам, завтра натаскаю воды и приму настоящую ванну! Она роскошна! Как же мне этого не хватало!

– Прежний владелец любил удобства, – ответил Карпен-

тер с самодовольной улыбкой, наблюдавший за восторгами Моравского.

– Ничуть в этом не сомневаюсь.

Тадеуш вошел внутрь. Плитка, которой были выложены пол и стены, отражала разноцветные всполохи огня: голубые, зеленые, лиловые. Огонь горел в трех масляных лампах, расположенных хаотически по всему периметру комнаты. Профессор взглянул на них, умылся и вернулся на кухню.

– Святой отец, – воскликнул он, – ну где же вы? Присоединяйтесь к ужину!

Отец Яков, нехотя оторвался от окна, через которое он взирал на домик садовника и подошел к столу. Профессор кивнул ему на ванную и тот последовал примеру Моравского. Когда вернулся, Лорда на кухне уже не было.

– А где, наш хозяин? – вопросительно взглянул он на профессора.

– Особый случай, – подмигнул ему Тадеуш, – отправился за своим лучшим вином. Ночь будет долгая, так что это не помешает. Составите нам компанию?

– Только за трапезой, но не за бутылкой. Вам не кажется, что сейчас не самое подходящее время для возлияний? Мысли о Монти не дают мне покоя.

– У вас слишком чистая и добрая душа, друг мой. Вы пытаетесь думать сразу обо всех. Возможно, по этой причине вы мне так нравитесь. Противоположности притягиваются, – тихо и совершенно серьезно промолвил профессор. – Я не

буду тешить вас ложными надеждами. Кто знает, сегодняшняя ночь может оказаться последней для нас, а *bonum vinum laetificat cor hominus*. Не вижу причин отказываться от него. А вот и наш хозяин! Так давайте же приступим: отпразднуем скорую победу над злом.

Священник покачал головой, как бы говоря, «а не рано ли вы радуетесь». Карпентер улыбнулся и вонзил штопор в пробку. Часы в гостиной отбили девять ударов.

Попойка была в самом разгаре: профессор и Лорд опустошали уже третью бутылку вина. Священник, не желающий участвовать в пирушке, стоял у окна, и, как и раньше, смотрел на домик садовника. Ни единого огонька, ни единого намека на то, что Монти внутри. «А если он сейчас где-то снаружи, трясётся от страха и не может сдвинуться с места? А если он в лесу и за ним гонятся волки или того хуже Зверь взял его след?» Сердце сжималось от тревоги, и лишь доводы разума, а также запертая на ключ дверь, останавливали отца Якова от того, чтобы пойти искать несчастного.

Часы пробили одиннадцать. Профессор протянул руку к опустевшему бокалу Лорда.

– Позвольте наполнить вашу чашу, дорогой друг. Кхм, кажется, божественный нектар заканчивается. Так прискорбно. Жаль, что я не могу сходить до фургона, у меня там бренди 20-летней выдержки. Бьюсь об заклад, вы такого не пробовали! – захмелевшим голосом проговорил он.

– Ха! Бренди ничто по сравнению с тем, что есть у меня. Сейчас спущусь в погреб, а потом посмотрим, кто кого удивит! Двадцатилетней выдержки, – передразнил он Моравского и поднялся, опираясь на спинку стула. Покачиваясь, побрёл к винному погребку. Когда он скрылся из виду, Тадеуш с невозмутимым видом, нажал на поверхность перстня: одна половинка песочных часов открылась. Профессор высыпал её содержимое в вино. Порошок быстро растворился, не оставив после себя никаких следов. Удовлетворительно хмыкнул и вернул бокал на место.

– Вы собрались отравить его? – прервал тишину голос священника.

– Умеете же вы подкрадываться бесшумно, друг мой. Признаться у меня была мысль и вас угостить этим, но от вина вы отказались. Это сильнодействующее снотворное. Никакого вреда оно не нанесет.

– Но зачем?

– Вы всё увидите сами. Если вам хватит благоразумия не болтать лишнего, – глаза профессора уставились в лицо отца Якова и, как будто, сверкнули. Служитель Господа осознал, что Моравский абсолютно трезв.

– А вот и милорд! – пьяным голосом воскликнул он, поднеся палец к губам. Пошатываясь, поднялся со стула и подошел к Карпентеру, который нес бутылку, нежно прижимая к груди, словно маленького ребенка.

– Это Chateau Gruaud Larose 1757 года, оно стоит на вес

золота. А вы говорите, бренди, – брезгливо фыркнул Карпентер.

– Напиток, которой не стыдно подать на королевском пире, – согласно подхватил профессор. Подвел Лорда и усадил его на место. – Нужно дать ему подышать, давайте я открою его, а пока допьем остатки того нектара, который уже стоит на столе.

Профессор ловко открыл бутылку и оставил её на столе, подав бокал Лорду. Тот с благодарностью принял его, пробурчав «Ваше здоровье, профессор» и выпил залпом. Моравский последовал его примеру. Затем, внимательно глядя в глаза Карпентеру, произнёс:

– Напомните, милорд, какого оно года?

– Тысяча, тыща, ты... – Карпентер уронил голову на грудь и звучно захрапел.

Тадеуш приблизился к нему, пару раз щелкнул пальцами над ухом, но тот никак не отреагировал. Для верности громко позвал:

– Милорд! Достопочтимый лорд Карпентер! Владыка Олдвиджа и всего Западного Хантершира!

Не дождавшись ответа воскликнул:

– Отлично. Святой отец, выглядяйте наружу, не зажегся ли фонарь на моем фургоне?

Отец Яков направился к окну, но привлеченный шорохом оглянулся и увидел, как Тадеуш бесцеремонно шарит по карманам спящего Карпентера.

– Профессор! – возмущенно возопил он, – что вы вытворяете?

– Я же отправил вас проверить, не горит ли свет, – недовольно бросил Моравский. – Ну что ж, сами видите: обыскиваю нашего хозяина. А вот и они!

Тадеуш достал связку ключей из внутреннего кармана жилета Карпентера и переложил в свой собственный.

– А теперь, будьте так добры, отец Яков, найдите подсвечник и осветите мне путь. Я хочу осмотреть дом, в частности, меня интересует библиотека, хотя может быть, наткнемся на что-нибудь ещё.

– Вы переходите все границы, профессор. Нарушаете законы людские и законы Божьи. Вам оказали душевный прием, а зная Карпентера, я могу утверждать, что он проявил просто необыкновенное радушие. А вы? Поступаете как мелкий воришка!

– О, дьявол, какой же вы щепетильный, – Тадеуш положил правую ладонь на лоб и склонил голову, – сама святая невинность. Друг мой, вы хотите избавить своих прихожан от Зла?

Священник утвердительно кивнул головой.

– Тогда доверьтесь мне и просто следуйте моим указаниям. Будет гораздо проще, если вы перестанете перечить мне на каждом шагу.

– Мне нужны объяснения, я не желаю действовать слепо.

Профессор фыркнул и нетерпеливо продолжил:

– Не желаю действовать слепо. Почему вы и ваши собраты не применяете этот же принцип по отношению к своей вере?

Заметив недовольство на лице отца Якова, быстро произнес:

– У нас не так уж много времени, чтобы сидеть здесь и болтать. Я и так его истратил, напоив нашего лорда. Хотите объяснений? У меня их нет! Только догадки. Но одно я знаю точно: баргест просто так не появляется. Всегда есть причина. И она сокрыта где-то здесь. Свечи, друг мой!

Тадеуш, не дав опомниться священнику, закупорил бутылку вина пробкой и поднялся на второй этаж. Остановился на самой последней ступеньке лестницы, дожидаясь пока отец Яков, выполнит его поручение. Тот вышел из гостиной с латунным канделябром в руках и застыл возле окна.

– Святой отец, стекло скоро лопнет от вашего взгляда, – усмехнулся Моравский. – Что вы там все время высматриваете?

– Смотрю, не загорелся ли фонарь на фургоне.

Профессор фыркнул ещё раз и залился беззвучным смехом. Свернул налево и пошел по длинному коридору. Священник осторожно, стараясь не погасить свечи, начал подниматься по лестнице. Прищурившись, взгляделся во тьму и никого там не увидел. Пламя перед глазами заслоняло взор.

– Тадеуш! – позвал он.

– Я здесь, в самом конце, – откликнулся тот. – Изучаю

весьма примечательную дверь.

– Каким образом? Там же темно.

– На ощупь. Здесь ни ручки, ни замочной скважины. Очень интересно. Вы знали о ней, отец Яков?

– Да.

– А почему не рассказали?

– Я забыл упомянуть об этом в письме. Не придавал значения, хотя Карпендер упоминал, что доступ в эту комнату был только у лорда Даркфилда. Это важно?

– Возможно. Но попасть внутрь мы все равно не можем. Покажите, где здесь библиотека, друг мой.

Моравский с комфортом расположился в кожаном кресле и начал перебирать стопку книг, которую приготовил заранее. Придвинул подсвечник ближе, пытаясь разобрать написанное на форзаце.

– Откройте, отец Яков, здесь очень тёмно и душно, – кивнул он в сторону пыльных штор.

Священник выполнил его просьбу, с трудом распахнув окно, издавшее неприятный скрип.

– Карпендер говорил, что лорд Даркфилд не позволял входить сюда с зажжёнными свечами.

– Ну, либо он читал книги только в дневное время, либо был вампиром. У вас есть с собой осиновый кол, отец Яков?

Священник взглянул на лицо профессора, пытаясь понять, шутит тот или говорит серьезно. В полутьме разглядеть

эмоции Тадеуша было невозможно.

– Вампиров не существует, – наконец ответил он.

– Как и баргестов, святой отец, как и баргестов.

Профессор погрузился в чтение, быстро пролистывая поэзию, художественную литературу и внимательно просматривая страницы книг, касающихся медицины, истории и естествознания

– Кем бы ни был этот Даркфилд, вкус у него отменный. Это касается и вина, и книг. *Vanity Fair: A Novel without a Hero*, *The History of Pendennis: His Fortunes and Misfortunes, His Friends and His Greatest Enemy* Теккерея, *The Egoist* Мередита, *The Ambassadors* Генри, *Heather Ale* Стивенсона, *Through the Looking-Glass, and What Alice Found There* Кэролла, *Salomé* Уайльда, *Far from the Madding Crowd* Харди. Весьма интересно: прежний владелец и впрямь был человеком образованным.

Профессор встал с кресла и подошел к другой полке:

– *On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life* Дарвина, *Hereditary genius* Гальтона, *Essays of anaesthesia* Симпсона, *System of Medicine* Рейнольдса, *Experiments upon the Functions of the Cerebral Cortex* Горслея, – хм, образованным и разносторонним был этот лорд, – задумчиво проговорил он, – будь он жив, я бы с удовольствием с ним познакомился бы.

Часы пробили полночь, тучи целиком заслонили луну, да-

ющую слабый свет, и лес вокруг поместья погрузился во мрак. Священник продолжал сверлить его глазами, пытаясь кого-то или что-то отыскать в темноте.

– Хм, – хмыкнул Тадеуш, – а вот это интересно. Наверное, об этом отрывке, вы упоминали?

Священник подошел ближе и осмотрел фрагмент: на одной странице был анатомический атлас человека, причем довольно умело выполненный. На другой – непримечательный текст: такой можно найти в любом пособии или учебнике для хирурга. Внимание привлекали сноски, написанные от руки на незнакомом языке.

– Не об этом, но эта всё та же латынь, что и раньше. Незвестный мне диалект.

– Вы не понимаете, о чём здесь говорится?

– Нет, а вы?

– Признаться тоже, – профессор закашлял, прикрыв рот платком. – Чёртова пыль, забивает глотку. Тут бы не помешал переводчик, так сразу я с этим не справлюсь.

С этими словами он аккуратно вырвал страницу, сложил ее вчетверо и поместил во внутренний карман своего костюма.

– Не нести же в повозку книгу целиком, – ответил он на молчаливый вопрос священника.

– А если Карпенгер заметит, что вы ему скажете?

– Приглядитесь, друг мой. Эти книги давно никто не открывал, переплеты покрыты многолетней пылью. Не думаю,

что Лорд Карпентер большой знаток анатомии и латыни. Наверняка, вы уже заметили, что вино ему ближе, чем книги. А это что тут у нас?

Моравский поднёс к глазам следующую книгу, посвящённую мифологии различных народов. Протёр ладонью запыленную кожаную обложку. Открыл и пролистал несколько страниц.

– Вы только взгляните, друг мой, это же сборник мифов цивилизации шумеров. Смотрите: Энума Элиш, Энки и Нинхурсаг, а здесь, судя по всему, цикл о Гильгамеше и Энкиду. А какие иллюстрации! Такого издания мне видеть не приходилось. Это настоящая драгоценность! Пожалуй, оставлю её себе.

– Не могу не согласиться, что изображения выполнены филигранно, – заметил нависший над ним служитель Господа, – хотя, в целом, это всего лишь сказки и суеверия.

– Неужели? – хмыкнул Моравский и приступил к изучению книги.

Медленно перелистывая, внимательно рассматривая изображения древних богов, полубогов и других мифических существ, заметил очередные сноски на полях страницы. Загнул несколько листов, чтобы позже к ним вернуться. Отец Яков, хоть и не желающий признавать это, увлёкся чтением не меньше профессора.

Оба погрузились в книгу настолько, что не заметили, как в доме садовника загорелся свет. Дверь отворилась, и Монти

со свечой и верёвкой в руках прошествовал через лужайку в сторону старого дуба. Фигура в черном балахоне с капюшоном на голове, стоящая за оградой молчаливо наблюдала за садовником, не выдавая себя ни единым движением. Монти прошёл мимо, не заметив наблюдателя.

Двинулся вдоль пруда, достиг ямы, огонь в которой давно потух, и поставил свечку на её край. Потом долго смотрел на упавшую дубовую ветвь, которую никто так и не удосужился убрать. Затем перевёл взгляд на дуб. А после, словно подчиняясь чьему-то приказу, безвольно шагнул по направлению к ограде и начал на неё взбираться.

– Светает, – с сожалением в голосе, заметил профессор и продолжил – действие снотворного скоро закончится. Пора возвращаться вниз, чтобы хозяин ничего не заподозрил. А я так и не успел осмотреть комнату с диковинами, о которой вы упоминали. А еще нужно успеть сделать одно крохотное дельце.

– Какое? – поинтересовался священник.

– Скоро узнаете, – устало улыбнулся профессор. – А пока, друг мой, верните канделябр на место и продолжайте вести себя так, как будто ничего не случилось. А я прогуляюсь до кареты. Нет, нет, не беспокойтесь, снаружи светло, я уверен, что Зверь не появится.

Священник забрал подсвечник и отправился вниз, не дожидаясь, когда Тадеуш покинет библиотеку. Тот, в свою оче-

редь, собрал ворох вырванных страниц в одну стопку, закрыл окно и, убедившись, что никто не наблюдает, сунул во внутренний карман жакета небольшую книжицу в кожаной обложке. Книгу, больше похожую на личный дневник, который он обнаружил внутри одного непримечательного учебника по медицине.

Затем покинул комнату, заперев её на ключ. Вернулся на кухню, взял в руки бутылку вина, которую они с Карпендером так и не успели распить, и направился к выходу.

– Будьте добры, отец Яков, – обратился он к священнику, вышедшему из гостиной, – отоприте дверь. Я бы сам, но руки заняты.

– Это и есть ваше дельце? – подозрительно глядя на бутылку вина, спросил священник.

– Верно. Не пропадать же такому доброму напитку. Полагаю, у нашего Лорда в закромах есть ещё.

– Что же вам мешает забраться в винный погреб и опустошить его? Повозка у вас большая, полагаю, там найдется место для сотни бутылей. Просто насыпьте ему еще своего порошка и продолжайте обносить особняк.

– Мне мешают это сделать мои моральные принципы, – ощерил зубы Моравский. – Если бы не они, я бы последовал вашему совету. А эта бутылка была мне предложена как гостю, поэтому я имею на неё полное право. К слову, Лорд о ней и не вспомнит. Благодарю, отец Яков. Заприте дверь, я скоро вернусь.

Несмотря на свои заверения, профессор задержался. Священник не следил за временем, но ему показалось, что Тадеуша не было около часа. И он уже знал причину задержки. Наблюдал через окно, как тот на минуту заглянул в фургон, потом проследовал к домику садовника, пробыл там некоторое время, а после направился к месту вчерашнего ритуала. Могилку пса отсюда видно не было, и отец Яков не знал, что там происходит, но Моравский отсутствовал долго. Наконец, он заметил его: Тадеуш медленно брёл от пруда в сторону ворот. Еще раз наведаясь в свой фургон, что-то захватил, и, неся это что-то в руках, направился к особняку.

Священник открыл дверь, впустил профессора внутрь, успев заметить нечто странное в выражении его лица. Какую-то обеспокоенность или озабоченность.

– Идёмте, святой отец, – профессор покрутил коричневой бутылку в руках, – сделаем пробуждение нашего лорда приятным. Насколько это возможно. Ключи, пожалуйста, – протянул он руку, – нужно вернуть их на место.

Когда все приготовления были закончены, Моравский указал священнику на стул:

– Отец Яков, присядьте.

С этими словами профессор наполнил пустой бокал и придвинул его к священнику. Потом повторил эту операцию дважды: для себя и для Карпендера. Молча наблюдающий за этими действиями, отец Яков отреагировал:

– Мне кажется, я уже говорил, что не намерен пить. Мы прибыли сюда не ради попойки, профессор.

– Разве это попойка, – тот разочарованно обвел глазами пустой стол, – тем не менее, друг мой, я хочу, чтобы вы выпили. Не просто хочу, а настаиваю. А теперь пора будить нашего хозяина. Милорд, проснитесь!

Моравский пощелкал пальцами над ухом Карпендера и тот пошевелил головой, с трудом открыл один глаз и что-то пробурчал. Тадеуш разобрал два слова «изгнали» и «ублюдка».

– Милорд, уже рассвело и дела требуют вашего незамедлительного вмешательства!

Карпендер начал понемногу приходить в себя: хотя его осоловелые глаза свидетельствовали о том, что соображает он с большим трудом.

– Что случилось, профессор? Признаться, я еще толком не проснулся и смутно припоминаю события вчерашнего вечера.

– Это поможет вам взбодриться, выпейте.

Лорд даже не стал спрашивать, что в бокале и залпом осушил его. Профессор последовал его примеру и пристально глядя на священника, который не притронулся к алкоголю, произнес:

– Садовник... Монти... повесился.

Отец Яков вздрогнул, опустил голову к столу и маленькими глоточками выпил бренди. Руки у него при этом тряс-

лись. Лорд остекленевшими глазами уставился в одну точку, куда-то за спину профессора, и не произнес ни слова.

– Я решил проверить могилу пса и обнаружил Монти, висющим на дубовой ветви. Понимаю, что вам это нелегко, но прошу следовать за мной. Мне понадобится помощь, чтобы его снять.

Тело слегка раскачивалось из стороны в сторону, когда профессор и его спутники пришли в эту часть сада. Вывалившийся из ротовой полости язык распух и был облеплен мухами. Выпученные глаза безучастно смотрели вдаль.

– Как это могло произойти? – это были первые слова, сказанные Лордом после долгого молчания.

– Сложно делать какие-то выводы, – отозвался Моравский. – Одно могу сказать точно: призраки, известные под именем баргестов, способны убить человека. Вызвав остановку сердца у слабых или разодрав плоть когтями и клыками тех, кто страху не поддается. Но они определенно не вешают людей. Возможно, истощенный душевными муками садовник просто не выдержал всех этих ужасов, и убил себя. А вот и Мортимер, – стоящие не услышали, как фигура в балахоне незаметно к ним приблизилась.

Возница костлявыми руками нёс лестницу. Прислонил её к ограде и также бесшумно исчез. Священник проводил его взглядом, но так и не сумел разглядеть лицо, скрытое под капюшоном.

– Отец Яков, придержите лестницу, чтобы я не упал, – окликнул его Моравский и ловко взобрался по ступенькам. Из одного из своих бесчисленных внутренних карманов извлек перочинный ножик и начал проворно пилить веревку.

Вскоре тело несчастного с глухим звуком упало на землю. Лорд, глядя на это поморщился, но взгляда не отвёл. Подошёл ближе и промолвил:

– Мой бедный Монти. Нужно похоронить его по-человечески. Святой отец, вы не откажете в проведении обряда?

– Откажет, – ответил за него профессор, уже оказавшийся на земле рядом с телом. – Монти – самоубийца. А таким обряд не полагается, не так ли отец Яков?

– К сожалению, профессор прав, – подтвердил священник. – Если не будет доказано иного, Монти не может быть погребен по-христиански. Я не нарушу церковные законы, хотя от этого мне и горестно. Мне нужны доказательства, что он совершил это не своими руками и не по своей воле.

Отец Яков и Карпентер одновременно взглянули на Моравского. Тот, заметив на себе напряженные взоры, отрицательно покачал головой.

– В этом я не уверен. Но ради общей безопасности, настаиваю на том, чтобы тело садовника было сожжено. Таким же образом как мы поступили вчера с останками пса.

– Сначала вы отказываете в христианском погребении, а теперь предлагаете сжечь тело моего бедного слуги, словно язычника? – вспыхнул хозяин.

– Милорд, неужели в вас пробудилась вера? – едко подметил Моравский.

Карпентер смутился и продолжил чуть спокойнее:

– Нет, но то, что вы предлагаете, это как-то... не по-людски.

– И я согласен с мистером Карпентером, – поддержал того священник. – Мы не должны так поступать.

– Милорд, извините нас, мы с отцом Яковом должны переговорить наедине.

Моравский поманил священника рукой и направился к воротам. Служитель Господа молча шел следом. Профессор остановился подле кареты и пригласил отца Якова войти.

– К чему такие предосторожности? – удивился тот.

– Друг мой, мне необходима ваша полная поддержка, а не постоянные споры, – уклонился от ответа на заданный вопрос, Моравский. – У меня сейчас нет времени на перевод тех страниц, что я забрал. Но есть предположения, что этот ваш загадочный лорд Даркфилд, изучал не только естественные науки, и не коллекционированием бабочек здесь занимался.

Профессор помахал рукой, останавливая слова, готовые сорваться с губ священника и продолжил:

– Я уже высказал свои намерения. Изначально я думал, судя по вашим словам, что здесь поселился баргест, принявший вид собаки, которую он убил. Сейчас я в этом сильно сомневаюсь. Помогите мне убедить Лорда в необходимости

выполнения моих рекомендаций, а после возвращайтесь в Олдвидж. Вы нужны своей пастве.

– Вы прогоняете меня, профессор?

– Нет, всего лишь забочусь о вашем благополучии.

– Вы правильно подметили, я нужен своей пастве. И моя паства и здесь тоже. Пока мы не справимся с этим Злом, я вас не покину.

– Быть посему, – Тадеуш согласно кивнул головой. – А теперь вернемся к Карпентеру. Поговорите с ним, а я пока осмотрю сад. Это нужно было сделать уже давно.

С этими словами Моравский достал из саквояжа свой «монокль» и, вооружившись устройством, покинул повозку. Отец Яков пошел в сторону пруда, а Моравский – в сторону домика садовника. Внимательно осматривая окрестности и вращая оправу, он что-то напевал себе под нос.

Прошло еще около получаса, прежде чем, стоящие возле дуба священник и Лорд заметили, неспешно идущего к ним Моравского.

Тот подошел к пруду, покрутил монокль, внезапно вскрикнул, сделал шаг назад, остутился и упал. Священник подскочил, помог профессору подняться и задал вопрос:

– Что случилось?

– Овод. Забрался под монокль. Чуть не ужалил прямо в глаз. Ничего страшного. Вы уговорили нашего Лорда?

– Не без труда. Он был очень удивлен тем, что я изменил своё мнение. Задавал вопросы.

– Это как раз и не удивительно. Я уже распорядился: Мортимер собирает дрова в лесу. Когда все будет готово, сложим погребальный костер. А пока продолжу любоваться садом.

Профессор подошел к телу, внимательно его осмотрел. Потом оглядел округу, остановив взгляд на дубе, покосился на ветвь, на которой обнаружили повешенного. Ничего не сказал и направился в другой конец сада, где находились лабиринт и фруктовые деревья.

– Что это у него на глазу? – поинтересовался Карпентер.

– Не знаю, какое-то «дьявольское приспособление», как он сам когда-то выразился. Даже не хочу в это вникать, – ответил отец Яков. – Мы сложим погребальный костер после полудня и завершим это скорбное дело.

– Нужно расширить могилку, – произнес Моравский, флегматично наблюдая за тем как Мортимер носит топливо для костра.

– Вы хотите сказать... – начал было Лорд, но профессор тут же его прервал.

– Споры окончены, милорд. Там, – он указал на яму, – уже есть остатки той соли, которую я потратил вчера. И такую соль в деревенской лавке не купишь. Прах садовника будет лежать в ней. Или вы желаете, чтобы Монти заявился на порог через пару-тройку дней и пожелал вам спокойной ночи?

Карпентер вздрогнул, и перестал спорить. Взял в руки лопату и приступил к расширению ямы. В этот раз помочь

ему решил священник. Профессор же умелыми движениями складывал из валежника прямоугольное сооружение, которое уже достигало высоты в половину человеческого роста.

– Достаточно, Мортимер, достаточно, – сказал он слуге, который принес очередную охапку толстых веток и пару бревнышек. – В конце концов, мы здесь не конунга хороним.

Последние лепестки затухающего пламени тянулись к ветви, на которой закончил жизнь несчастный. Профессор плеснул остатки священного масла в огонь и, потянув воздух ноздрями, подумал о том, что неплохо было бы отобедать. Время близилось к ужину, а он еще не завтракал. Посмотрев на печальные лица своих спутников, воздержался от каких-либо комментариев. Произнёс только следующее:

– Милорд, святой отец, полагаю, сегодняшние события вымотали вас. Ступайте в дом и отдохните. Я закончу сам. Я справлюсь, отец Яков, – добавил он, заметив колебания последнего. – Идите.

Карпентер устало побрел по направлению к особняку, священник последовал его примеру. Выждав несколько минут, профессор пошел по их следам, чтобы убедиться, что они в точности выполнили его инструкции. Притаившись за кустом сирени, дождался, пока отец Яков захлопнул за собой дверь, а затем вернулся к костру. Поднял, лежащую здесь лестницу, привстал на цыпочки и перекинул ее на другую сторону.

– Выходи, – негромко позвал он.

Из зарослей появился Мортимер. Глядя на его высокую фигуру, сложно было понять, как он сумел там прятаться и оставаться незамеченным всё это время.

– Принёс ларец?

Возница что-то промычал, достал из складок своего балахона шкатулку и швырнул через ограду. Профессор с трудом поймал её и выругался:

– Дуболом! Теперь тащи сюда свои старые кости и приступай к работе. Да шустрее!

Мортимер беспрекословно подчинился. Пока он преодолевал ограду, Моравский спустился в выкопанную могилу и проделал там какие-то манипуляции со шкатулкой. И едва успел выскочить, прежде чем его слуга лопатой начал сталкивать горящие угли, пепел и прах садовника в яму.

Тадеуш вздохнул, хотел что-то сказать, но передумал. Вместо этого, стоя у могилы, периодически подбрасывал туда горсточку соли: лопата Мортимера перемешивала их с останками Монти.

– Уммм, – промычал возница.

– Что-что? – переспросил Моравский загнипнотизированный видом, тлеющих угольков и искр, разлетающихся в разные стороны, – ты что-то сказал?

– Мммм, – еще раз протянул возница и костлявой рукой показал куда-то за спину профессора.

– Значит, ваш слуга боится кладбищ и могил? – раздался

голос позади.

Моравский машинальным движением развернулся на пятках и швырнул горсть соли в говорящего. И лишь потом понял, что перед ним отец Яков. Слуга Господа, закашлялся и завертелся на месте, отчаянно сплевывая: крупинки соли попали ему даже в рот.

– Вы что следите за мной, друг мой? – сердито возопил Моравский. – Ваше любопытство, отец Яков ничуть не уступает вашему благочестию. Зачем вы подкрадываетесь? А если бы у меня в руках была не соль, а лопата? Не забывайте: мы здесь пытаемся решить проблему демонической природы. И это заставляет меня быть настороже.

Священник, наконец-то прочистивший очи и уста, парировал:

– Приму это как извинение. Что ни в коем случае не снимает моего вопроса.

– Я и не собирался извиняться или объясняться. Если хотите, присоединяйтесь к Мортимеру и помогите нам закончить дело. Мне чертовски сильно хочется покинуть это место и спокойно отдохнуть, кушая сыр и запивая его вином в хорошей компании.

Однако помощь священника не понадобилась. Молчаливый гигант в мгновение ока забросал яму землей, и с лопатой в одной руке, и лестницей под мышкой – в другой, зашагал к выходу. Профессор завязал мешочек с солью и жестом пригласил священника следовать за собой.

– Мы все сделали правильно, отец Яков, – промолвил он, – не сомневайтесь в этом.

Умывшись из бочки с краном, стоящей в задней части фургона, и прихватив мешок со снедью, Моравский со священником направились к поместью. На террасе их встретил Лорд, сидящий в кресле качалке и потягивающий бренди. Рядом стояло заряженное ружье.

– Хочу посидеть здесь пока совсем не стемнело, – пояснил он. – Раньше я ночами напролет любовался звёздами, садом, игрой мотыльков, привлеченных светом фонарей. А сейчас вынужден прятаться в своем доме как загнанная лиса в норе. Вы же специалист по потусторонним делам, профессор. Так избавьте меня уже от этой пакости, что здесь завелась!

– Сначала нужно понять, что это такое, а потом я изгоню духа из ваших владений, – мягко ответил Моравский. – А для этого мне нужна информация. Точная и достоверная!

– Я и так рассказал вам, всё что знал, – Карпентер приложился к бутылке. – Чего вы еще от меня хотите?

– Хочу услышать предысторию этого поместья в мельчайших деталях и подробностях. А также хочу осмотреть комнату с диковинами, про которую мне писал отец Яков. Кто знает, что скрывается среди вещиц, привезенных прежним лордом из его странствий. Лорд Даркфилд, его прошлое, особенности его научных изысканий, я хочу знать об этом всё, что вам известно.

Карпентер лениво пожал плечами, но всё же ответил.

– Он никого не посвящал в свои дела. И меня в том числе.

К тому же простые люди не понимают наук, поэтому они и распустили слухи, что Лорд Элиот занимается черной магией в поместье, не так ли святой отец?

Священник утвердительно кивнул головой и задал встречный вопрос:

– Значит, вы тоже слышали о них?

– Я может быть и стар, но не глух. Если бы люди не боялись этого места, Монти не приходилось бы ходить в деревню за едой самому. Так вы на это намекаете профессор? Хотите узнать, не приносил ли лорд Элиот в жертву Бафомету младенцев? – Карпентер прищурил глаза.

– Я здесь ни ради намеков, а ради фактов. Так вы знали, чем занимался прежний владелец поместья? Как давно оно было построено? Кем вы приходились Даркфилду? Повторюсь: важны любые детали, даже те, которым вы сами не придаёте значения.

– Лорду Даркфилду, – поправил его Карпентер. – Я не делаю из этого тайны. Особняк был построен отцом лорда Элиота, лордом Лоуренсом как летняя резиденция около полу-сотни лет назад или чуть больше: точного времени я не знаю. Человек был чудаковатый, со своими странностями. Не переносил высшее общество, предпочитал вести уединенную жизнь. Когда он умер, Лорд Элиот вступил в права наследования. Но его все эти клумбы, живые изгороди и прочая эс-

тетика не привлекали. Чаще всего он был в разъездах. Привозил артефакты, как он сам их называл, из разных стран, описывал, изучал их. Я мало в этом понимал и не вмешивался в его дела. Впрочем, лорд о моей помощи никогда и не просил.

– Так чем же вы здесь занимались?

– Я был другом лорда Элиота, его поверенным. На мне лежали обязанности по управлению резиденцией.

– Значит, вы никогда не покидали особняк, – то ли спросил, то ли подытожил Тадеуш.

– Не покидал. Он всегда путешествовал в одиночку, – подтвердил Карпендер. – Допрос закончен, профессор? – мужчина сделал долгий глоток из бутылки.

– Почти. Как давно вы здесь? Случались ли в поместье неприятные инциденты, чья-то смерть, что-то из ряда вон выходящее? Мне нужна какая-нибудь зацепка.

Карпендер ответил не сразу. Допил остатки, небрежно поставил бутылку на каменный пол, пару раз качнулся в кресле.

– Если мне не изменяет память, лорд Лоуренс почил в 1798 году, значит, мы здесь находимся уже больше четверти века.

– «Мы»?

– Я и Монти. А теперь только я, – вздохнул Карпендер.

– Как умер лорд Лоуренс?

– Доктор, который прибыл из Денсфорта, сказал, что сердце не выдержало. Лорду было 78 лет, это естественная

смерть, как мне кажется. Правда, меня в ту пору здесь ещё не было, поэтому не могу ничего утверждать.

– А где находится его могила? Можно её увидеть?

– Можно. В Корнваллисе, откуда семья Даркфилдов ведет происхождение. Лорд Элиот увез тело отца на родину и похоронил в семейном склепе, насколько мне известно.

– Темнеет, профессор – заметил отец Яков, – солнце скрылось за горизонтом, кажется, будет дождь.

– Сейчас, друг мой, мы все вернёмся в дом. Еще несколько вопросов, милорд. Вы с садовником всегда жили здесь вдвоём?

Карпентер покачал головой.

– Раньше здесь было много прислуги. две горничных, псарь, конюх, повара с поварятами. А за садом ухаживал еще один человек помимо Монти.

– И куда же они подевались?

– Сбежали, – процедил сквозь зубы Карпентер и со злобой плюнул за перила лестницы. – Предатели. После того как лорд Даркфилд исчез, они покинули поместье. Никто не хотел ждать его возвращения в этой глуши. Понятие чести и верности для простолюдинов ничто!

Моравский поправил съехавшие на нос очки и задал последний вопрос:

– За всё время, что вы здесь живете, вы раньше замечали какие-то странности, знаки, ощущение неких потусторонних сил?

– Ничего такого, за исключением небылиц Монти, касающихся его призрачной «супруги». На этом всё, профессор, не хочу больше ворошить прошлое, нам пора побеспокоиться о собственной безопасности.

Глава 7. Анна

В хаосе коробок, сундуков, ящиков и мешков Моравский чувствовал себя как дома. Он умело лавировал в узких коридорах, созданных нагромождениями вещей, выхватывая из темноты то один предмет, то другой и поднося их затем к масляной лампе.

– Слишком темно. Милорд, откройте окно.

– Снаружи ничуть не лучше, – проворчал тот в ответ.

– Хотя бы свежий воздух впустим, – отозвался профессор и закашлялся, – здесь ужасно сильно пахнет нафталином. Видимо лорд Даркфилд защищал некоторые свои находки от моли.

Карпентер отодвинул пыльные шторы в сторону и начал открывать окна, стёкла которых помутнели от времени и отсутствия должного ухода. Те упрямо не желали поддаваться, но наконец, с жутким скрипом отворились. Хозяин поместья оказался прав: небо закрытое тучами не пропускало ни единого лучика света – ни лунного, ни звездного.

Профессор вдохнул полной грудью и промолвил:

– Так-то лучше. А теперь нужно зажечь лампы, что я заметил на стенах. А я пока приступлю к изучению того, что здесь есть. Отец Яков, принесите стул, – Тадеуш распорядился так, словно он был владельцем всего этого. – Что тут у нас? Канделябр. Бронзовый. Времен Римской Империи,

примерно III век нашей эры, точнее сказать не могу, но, кажется не подделка. Так, статуэтка из слоновой кости в виде слона с позолоченными бивнями. Хм, какая ирония по отношению к этим благородным животным. Я видел нечто подобное в Ливии. Лорд Элиот бывал в Африке?

– Да. Он посещал разные континенты.

– Охотно верю. Вы знаете что это? – профессор достал из открытого сундука какого-то божка, вырезанного из нефрита. Фигура изображала толстого смеющегося человека, держащего мешок в руке. На огромном выпуклом животе иероглифами была начертана надпись.

– Нет, я в отличие от лорда Даркфилда таким не интересовался.

– «Там у меня мир», – почти беззвучно произнёс профессор. – Прежнему хозяину можно только позавидовать. Судя по всему, он много где успел побывать.

Тадеуш бросил взгляд на Карпендера, и ему показалось, что тот скривил лицо. Хотя возможно это была всего лишь игра света и тени.

– А вот и отец Яков. Что ж, расположимся удобнее, ночь будет долгая.

С этими словами Моравский опустился на стул, любезно предоставленный ему священником. Тот сел на стоящий рядом сундук: его тоже интересовали вещицы, которые профессор извлекал из коробок и ящиков. После того как Тадеуш заканчивал осмотр, слуга Господа брал их в руки, вертел,

приближал к глазам, любовался.

– Наука, в частности, археология и история, куда интереснее, чем изучение Писания, – подмигнул ему Моравский. – И гораздо полезнее. Позволяет понять, как раньше жили люди, как развивались цивилизации и как они угасали. Мудрый человек может использовать их опытом во благо и не повторить ошибок предыдущих поколений. Не так ли?

Отец Яков не стал спорить: он держал в руках многоступенчатую пирамидку, выполненную из какого-то шероховатого камня. На вершине пирамиды находилось солнце, лучи которого расходились во все стороны.

Наблюдающий за этим Карпенгер откровенно скучал: поглядывал на профессора, потом в окно, демонстративно зевал и начинал всё сначала. Тадеуш не обращал на это внимания: он был увлечён своей работой.

Часы в гостиной пробили 11 ударов. Лорд поднялся с сундука, на котором сидел и направился к выходу.

– Куда вы, милорд?

– Древности мне неинтересны. Я устал и хочу поспать. Надеюсь, вы найдёте среди этого хлама что-нибудь стоящее.

– Боюсь, вам придется остаться, милорд.

– С чего бы это?

– Вы сами видели, что случилось прошлой ночью. Мне будет спокойнее, если мы все останемся в одной комнате на виду друг у друга. Здесь! Потому что на переноску всего этого добра в вашу опочивальню ресурса у нас нет. Сходите со свя-

тым отцом за пледом, матрасом и любыми другими вещами, которые могут вам понадобиться. И скорее возвращайтесь.

– А где лорд? – поинтересовался профессор, увидев отца Якова в дверном проеме с ворохом одеял в руках.

– Идёт следом. Решил наведаться в винный погреб. Сказал, что не сможет уснуть, если еще не выпьет. Неудивительно, что вы с ним так быстро сошлись, профессор.

– Что я слышу, друг мой? Неужели в вас просыпается чувство юмора?

– Он всю дорогу ворчал. Говорил, что до того как вы прибыли, здесь было относительно спокойно и никто не умирал. Говорил, что вы разозлили призрака.

– Ну, если демон, принявший облик пса, и желающий убивать людей, это относительно спокойствие, то тогда я папа римский. Хотя, возможно, он прав, – задумчиво произнес Моравский, – но это был всего лишь вопрос времени. Существо накопит силы и так или иначе себя проявит. Проверьте как он там, сейчас поодиночке лучше не ходить.

Священник не успел выполнить просьбу профессора: со стороны лестницы донеслось ворчание. Тадеуш улыбнулся одними глазами:

– Кажется, все в порядке.

Когда часы пробили двенадцать, профессор отложил кусок ткани с замысловатой клинописью и облокотился на

спинку стула. Сделал это непринужденно, но отец Яков почувствовал напряжение, которое, словно туман, сгущалось в воздухе.

Карпентер, застелив один из сундуков одеялами, прислонил голову к стопке коробок и похрапывал. Иногда он всхлипывал, просыпался, делал глоток и снова засыпал.

Затянувшееся молчание прервал Моравский:

– Тишина, – произнес он. – Зверь являлся в полночь, а сейчас тишина. Это хороший знак. С кое-чем мы справились.

– С кое-чем?

– Нужно продолжать работу, – Тадеуш оставил вопрос отца Якова без внимания, – здесь много всего, хотя по большей части это просто безделушки, которые годятся для музея и не более. Тем не менее, нам необходимо осмотреть абсолютно всё.

– А как вы поймете, что перед вами нужный предмет, а не просто очередная статуэтка? Изящная, красивая, но не несущая в себе следов другого мира.

– Я это почувствую, – загадочно ответил профессор, потянулся, сидя на стуле, и начал разбирать следующую коробку.

Карпентер, сладко спал, повернувшись лицом к окну. Одеяло сползло, но он этого и не почувствовал. Пламя в масляных лампах горело ровно и ярко. В окно, привлеченный светом, влетел мотылек и закружился возле одной из них.

– А вот этот сундук напрямиком из Египта, – прокомментировал профессор.

– Сундук как сундук, – зевнул священник, – ничем от других и не отличается.

– Я имел в виду его содержимое. Вы только посмотрите, какая изумительная вещь! Антропоморфная статуя Анубиса, вырезанная из обсидиана. Страж весов, проводник мертвых.

– Она могла стать причиной происходящего здесь?

– Нет, это всего лишь прекрасная фигурка достойная того, чтобы пополнить мою собственную коллекцию.

Профессор кинул быстрый взгляд на спящего Карпентера и положил статуэтку в карман. Священник покачал головой и выразительно посмотрел ему в глаза.

– Это преступление заставлять пылиться в коробках такие ценности. Кое-чем я пополню свою коллекцию. Если вас беспокоит совесть, отец Яков, считайте это платой за мои труды. Платой весьма скромной, учитывая, что я подвергаю свою жизнь опасности – тихо произнёс он. – Хм, кажется, стало холоднее, вы заметили?

Часы пробили три удара. Священник не ответил, а только поёжился, подтверждая слова Моравского. Взял с ящика лампу и направился к мирно посапывающему хозяину поместья, чтобы укрыть того одеялом. Склонился над ним, а когда распрямылся и посмотрел в окно, прошептал:

– Профессор, скорее сюда.

Тадеуш молниеносно оказался у окна и замер, раскрыв рот: по лужайке брёл, а точнее плыл силуэт, женщина в белом одеянии. А следом за ней тянулся туман так, словно это подол её призрачного платья разрастался все шире и шире. Призрак, плавно раскачиваясь из стороны в сторону, подплывал все ближе к ступеням входной лестницы. Моравский, наконец-то, опомнился и прошипел:

– Погасите свет, уберите лампу, черт вас поберит!

Но было уже поздно: призрак поднял голову к окну, остановился, а потом издал такой душераздирающий вопль, что его наверняка было слышно во всех окрестных деревнях. Затем дух растворился в воздухе, оставив после себя только слабую дымку.

Лорд, разбуженный этим криком, подскочил и с шумом упал на пол. Протёр глаза и не своим голосом произнес:

– Анна!?

Очередной леденящий кровь вопль, раздавшийся позади, застав врасплох всех, кроме Моравского. Он моментально среагировал. Запустив руку в карман, он резко развернулся и швырнул пригоршню соли. Призрак, стоящий в дверях, бросился вперед, но наткнувшись на белые крупинки, вскрикнул и исчез. Священник, потрясенный увиденным, сполз по стене, и оказался рядом с Карпендером. Профессор же мгновенно затворил окно, дверь, насыпал дорожку соли по подоконнику и порогу и лишь после этого обернулся к ним.

– До рассвета никто не переступит порога этой комнаты и

не нарушит полосу из соли, или я не ручаюсь за последствия!

– Что это было, профессор? – прошептал священник.

– Призрак, дух, исчадие ада, отголосок потустороннего мира, как вы сами могли заметить. Вы видели его прежде, милорд? – обратился он к Карпентеру, который до сих пор сидел на полу и не мог прийти в себя.

– Нет.

– Мне показалось, что вы узнали её? Даже произнесли имя. Анна, если я не ошибаюсь?

– Мало ли что я мог сказать после такого пробуждения, – буркнул в ответ Карпентер.

– Мы, кажется, это уже обсуждали, милорд! – взорвался профессор. – Мне нужны любые детали, любые крупинки местной истории! Если желаете продолжать играть в молчанку, ваше право! С рассветом вместе с отцом Яковом мы покинем это место. И следующую ночь вы встретите в одиночестве! Ах, простите, ошибся: в компании вашей призрачной подружки.

Карпентер вздрогнул и примирительным тоном ответил:

– Я искренен с вами, профессор. На секунду мне показалось, что я узнал в духе одну из девок, прислугу, горничную по имени Анна.

– Что с ней случилось? Она погибла здесь?

– Нет, она сбежала вместе с остальными, когда стало ясно, что лорд Даркфилд пропал и больше не вернётся.

– Вы лично это видели?

– Как я мог это видеть, профессор? Побег обычно осуществляют тайком. На то он и побег. Однажды утром я проснулся, позвал служанку, но никто не откликнулся. Выяснилось, что остался только Монти. С тех пор здесь больше никого не было.

– А кто именно сбежал?

– Горничная Анна, кухарка Ребекка и конюх Джон, а также псарь Билл, хотя собак у нас к тому времени уже почти не осталось.

– Они на что-то жаловались? Вы пытались их остановить?

– Это же прислуга, она вечно чем-то недовольна, – презрительно хмыкнул Карпентер, – боюсь, остановить их мне было не по силам. Я не знал об их намерениях.

– А Монти?

– Что Монти?

– Почему он решил остаться?

– Потому что в отличие от них у него есть, то есть было, понятие о верности.

– Пожалуй, на этом всё. Я пока продолжу изучать содержимое сундуков, а вы можете отдохнуть, милорд. Это и к вам относится, святой отец. Поспите, если сможете. И не выглядывайте в окно.

С этими словами Моравский задернул шторы, вернулся на свое место и как ни в чём ни бывало, продолжил свою работу.

До утра никто не сомкнул глаз. Но Моравский и не ожидал, что после случившегося Карпентер и отец Яков будут сладко спать. Лорд, нахохлившись как мокрая ворона, восседал на сундуке, прикрыв ноги одеялом. Священник занял прежнее место на сундуке подле Моравского. Он по-прежнему принимал от Тадеуша артефакты и внимательно их рассматривал. Но руки его при этом дрожали.

Как только первые лучи солнца коснулись мутного оконного стекла и, внутри стало чуть светлее, Тадеуш, поднялся со стула, поморщившись от боли в затёкших конечностях, и промолвил:

– Опасность миновала. Призрак не покажется при дневном свете.

– Вы в этом уверены? – недоверчиво спросил Карпентер.

– Иначе он сделал бы это задолго до моего приезда, – парировал Моравский. – А сейчас я вынужден вас покинуть, мне нужно съездить в деревню, пополнить кое-какие запасы и привезти вам провизию. Отец Яков, присмотрите за милордом. Милорд, присмотрите за отцом Яковом. Здесь соль, – он извлек холщовый мешочек из внутреннего кармана, – она поможет отпугнуть существо, если вопреки моему опыту, оно все же осмелится появиться днём. Кроме того, в ванной комнате я видел лампы со священным маслом. Если вдруг по какой-то причине я не вернусь дотемна, зажгите их в гостиной, насыпьте дорожку соли перед входом и закройте дверь. И не покидайте комнату до рассвета.

Глава 8. Ночная охота

– Это не настоящие розы, если быть точным. Эта живая изгородь из шиповника зловонного. Необыкновенный желтый цвет, не так ли святой отец? А чувствуете аромат? Забавно, но первооткрывателю этого чудного цветка он показался дурно пахнущим. А лорду Элиоту он наоборот очень понравился. Как-то раз он сказал, что люди по глупости своей любят навешивать ярлыки, которые затем пристают к человеку, словно, вторая кожа. И чтобы ты не делал, как ни старался, от этого зловония никак не отмыться, хотя оно и не в тебе, а лишь в восприятии других... Без Монти сад придет в запустение, – сменил он тему, – я не в силах поддерживать здесь порядок в одиночку. С тех пор как прислуга сбежала, на мне был дом, а на нём – всё что снаружи. Вот уж не ожидал, что на закате жизни своими собственными глазами буду наблюдать упадок этого места. – Карпентер опустил голову вниз. – Столько трудов, столько сил потрачено и все пойдет прахом...

– У лорда Даркфилда не осталось родственников? Внебрачные дети? Хоть кто-нибудь, кому можно было бы передать поместье?

– Никого, насколько мне известно. Иначе права на усадьбу уже кто-нибудь бы предъявил. Если кто-то и остался, то только там в Корнваллисе. Но, видимо, особняк здесь им не

нужен. Сам же лорд не желал заводить детей, считая это глупой тратой времени и средств. Научные поиски для него были куда важнее.

– А вы?

Карпендер нахмурился и продолжил:

– Я бы не отказался от семьи, но как видите, не сложилось. Ни одна достойная леди не захотела бы поехать со мной в такую глухомань, где нет ничего кроме полей, лесов и комаров, – Карпендер ударил себя по щеке, убив кровососущее насекомое. – Но сейчас уже поздно сожалеть о не сбывшихся надеждах. А вам, святой отец, не хотелось бы прожить обыкновенную жизнь? Любить женщину, с улыбкой наблюдать за тем, как ваши дети бегают среди цветов и хохочут? Играть с ними и передавать им свои знания?

– Вы удивляете меня, мистер Карпендер. Мне бы и в голову не пришло, что вы размышляете о таких вещах. Я посвятил свою жизнь служению Господу. И вся моя любовь принадлежит Ему и Его пастве. Так что я люблю всех детей, мужчин и женщин, что находятся под моей опекой. Этого вполне достаточно для меня.

– Мне этого никогда не понять. Кто бы что ни говорил, но родная кровь всегда ближе, чем все остальные.

– Не понять, вы же не духовник.

– К моему величайшему счастью.

Священник и хозяин поместья некоторое время шли молча, наслаждаясь запахом роз, цветущих здесь в неприлич-

ном количестве. Под аккомпанемент жужжащих пчел, выполнявших свой нелегкий, но полезный труд, они приблизились к домику садовника, Карпендер дернул за дверную ручку: дверь со скрипом отворилась.

– С прошлой ночи не заперта, – вздохнул он, – впрочем, сейчас уже ничего страшного в этом нет.

Осмотрел внимательно комнату, поднял небольшой коврик, упавший с крышки сундука, стоящего в углу. Положил его сверху.

– Всё внутри останется как есть, а дверь заперём – пояснил он, – не хочу, чтобы сюда кто-нибудь проник. Если уж мы сожгли его кости, не оставив ни креста, ни надгробия, пусть домик останется памятником моему верному слуге.

– Полагаю, профессору это не понравится, – задумчиво произнес священник, – возможно, стоит осмотреть вещи садовника, вдруг среди них найдется то, что имеет отношение к призраку.

– А мне плевать! Чёрт бы побрал вашего профессора! – выругался Карпендер, – он всё только усугубил. С момента его приезда дела пошли ещё хуже.

– Но он избавил вас от Зверя.

– Вместо него натравив на особняк эту призрачную бабищу, – резонно заметил Карпендер. – По правде говоря, я не виню его: вся эта дьявольщина началось задолго до его приезда. Но смерть Монти... Профессор не оправдал моих ожиданий. Как вы думаете, зачем он отправился в Олдвидж? Ка-

кая у него настоящая цель? Сомневаюсь, что дело в одних припасах.

– Он не поставил меня в известность. В скрытности ему не откажешь, – пожал плечами отец Яков, – узнаем, когда он вернется.

– Если он вернется, – протянул Карпендер. – Сдается мне, Моравский поехал не в деревню, а напрямик в Лондон. Любой на его месте поступил бы также. И я даже не осуждаю такое решение.

– Вы не знаете Тадеуша так хорошо, как знаю его я. Он не сбежит, поверьте моему слову. Призраки, демоны, потусторонние силы – всё это его стихия. Она влечёт профессора, как изможденного путника в пустыне влечёт оазис с чистой прохладной водой. Он найдет решение нашей проблемы, я уверен.

– Пора, мистер Карпендер, начинается темнота.

– А ваш друг так и не явился, – проворчал Лорд, поднимаясь с кресла-качалки и беря ружье в руки. – Как я и предполагал. Ну что ж, пойдёмте, запряжёмся в гостиной, осыплем друг друга солью с ног до головы и будем надеяться, что это поможет.

– Ваш скептицизм неуместен, мистер Карпендер. Вы же сами видели, как призрак отреагировал на соль.

– Видел, чего уж там говорить, видел.

Карпентер покачивался в кресле и нервно перебирал пальцами по цевью ружья. Ему хотелось выпить, но он забыл захватить вино. А переступить порог гостиной ему не хотелось. Поэтому он сидел и мученически терпел. Всего один глоток, думал он, иначе мне не успокоиться.

Священник не обращал на его муки внимания и расхаживал по комнате. Изучал интерьер, любовался резными деталями стоящих здесь кресел, поднимал голову к люстре, наминавшей королевскую корону, с которой свисали тысячи хрустальных шаров. Несколько раз остановился напротив камина. Бросил взгляд на портрет лорда. Хмыкнул.

– Что такое, святой отец? – Карпентер отложил двустволку и начал барабанить пальцами по подлокотнику.

– Странно, что здесь всего лишь одна картина. А где все остальные благородные предки лорда Элиота?

– Прежде здесь висело изображение лорда Лоуренса. После его смерти, наследник распорядился написать свой собственный портрет. Насколько мне известно, к своим пращурам оба лорда, и отец и сын, особого почтения не испытывали.

– Почему? – священник перевел взгляд на Карпентера.

– Не знаю. Кажется, у них у всех были разногласия по поводу взглядов на жизнь.

Священник вновь взглянул на картину и отступил назад: ему показалось, что глаза человека глядящего с неё, изменили положение и стали темнее, чем прежде. Игра света и мой

собственный усталый разум, решил он.

– А в чём именно они заключались?

– По долгу службы я не должен об этом распространяться, но так как они оба мертвы, не думаю, что мои слова навредят. Лорд Лоуренс считал, что богатство делает фамилию великой. Поэтому, несмотря на своё затворничество, он пытался его преумножить. Сдавал свой особняк в Лондоне, инвестировал в облигации различных компаний и экономил на всём что мог. На себе, на слугах, тряся за каждый пенни. Лорд Элиот, который нуждался в деньгах для своих путешествий, был этим недоволен. Величие семьи заключается в её достижениях, которые оставят свой след в истории, говорил он. А не в скопидомничестве, которым ты тут занимаешься. Мои исследования сделают наше имя бессмертным. Твоё сумасбродство сделает тебя нищим, отвечал ему лорд Лоуренс. Они постоянно сорились, в те редкие моменты, когда сын посещал поместье. Неудивительно, что он приказал убрать портрет отца сразу после его смерти. Не хотел, чтобы что-нибудь здесь о нём напоминало.

– Могу я увидеть эту картину.

– Она где-то среди коробок в комнате на втором этаже. Я уже и не помню, где именно. Сейчас пробьёт полночь, – прервал свой рассказ Карпенстер. – Самое время зажечь масло, святой отец, и сесть ближе к этой лампе. Пока оно горело в фонарях на улице, снаружи всегда было спокойно.

– Я думал, оно давно закончилось.

– Приберег малость на непредвиденный случай. Надеюсь, профессор, если он, конечно, вернется, привезет еще немного.

Огонь в лампе переливался разными цветами, заливая комнату радужными отблесками, отражаясь в зрачках глаз сидящих здесь людей. Священник как замороженный протянул руки к лампе, словно желая согреть их. Часы провозгласили о наступлении полуночи. И когда раздался последний удар, отец Яков и Лорд услышали стук в дверь. Негромкий, но настойчивый. Оба вздрогнули, но священник поднялся и подошёл к двери.

– Не нарушайте дорожку из соли, – прошептал хозяин особняка. – А еще лучше останьтесь здесь, возле огня.

– Спокойно, мистер Карпентер, это Моравский. Призрак, наверняка, заявил бы о себе по-другому.

Карпентер встал с кресла, и, прижав к груди светильник со священным маслом, пошел следом, выдерживая небольшую дистанцию с отцом Яковом. Стук повторился, а следом раздался кашель. Карпентер облегченно вздохнул, слуга Господа неслышно сделал тоже самое.

– Вы что там уснули? – раздался голос Тадеуша, – битый час пытаюсь до вас достучаться.

Отец Яков распахнул дверь и увидел профессора с моноклем на глазу и тремя лампами в руках. Разноцветное поблескивание красноречиво свидетельствовало, о том, что горело внутри. Тадеуш окинул их критическим взором и произнёс:

– Мне нужна ваша помощь. Нам предстоит небольшая ночная прогулка. Возьмите каждый по лампе, хотя у милорда она уже есть, – профессор погасил огонь в одном из светильников и поставил его около входа, – и ни в коем случае не гасите их.

– Я возьму ружье.

– Оно не поможет, милорд. Разве, что вы заранее набили патроны солью?

Лорд отрицательно покачал головой.

– Тогда не нужно. Лишняя обуза, которая займет ваши руки. Пока лампы горят, ничего страшного не случится. Идёмте.

– Профессор, объясните нам с мистером Карпентером, к чему подвергать себя такой опасности, зная, что где-то там снаружи бродит злой дух?

Моравский поднял глаза к потолку, словно ища ответа у неба, сдержался, чтобы не отпустить очередную колкость, и пояснил:

– Это мне и нужно. Узнать, где сейчас это существо. Найти то, к чему оно привязано. Ночью это сделать проще, хотя и опаснее, не буду вам врать. Свет лампы и соль, которой вы набьёте свои карманы, защитят нас. Просто следуйте за мной и беспрекословно выполняйте мои указания. Увидите призрака, дайте мне знать. Тихо, без криков и лишней суеты. И швыряйте в него соль, если он приблизится на расстояние вытянутой руки. Раньше не нужно: испортите мне охо-

ту. Вперед! – приказал Тадеуш. Карпентер и отец Яков послушно подчинились приказу.

Лорд не стал запираить особняк, а просто прикрыл дверь и троица медленно начала спускаться по парадной лестнице на лужайку перед домом.

– Откуда начнем, профессор? – обратился к нему священник.

– Пруд, лабиринт и фруктовый сад. Милорд, если вы вдруг вспомнили что-нибудь, какие-нибудь новые детали, о которых забыли рассказать ранее, сейчас самое время.

– О чем это вы, Моравский?

– Просто, мысли вслух. Кстати, зачем вы взяли ружье, я же сказал, что оно бесполезно?!

– Привычка. К тому же Зверя оно отгоняло, может и на неё подействует.

Профессор пожал плечами, но ничего не ответил. Дальше шли молча, гуськом друг за другом. Моравский лишь изредка отпускал замечания.

– Старайтесь держать лампы над головой, – напутствовал он, – чтобы свет разливался во все стороны, и не оставалось темных зон. Особенно позади вас.

Карпентер испуганно оглянулся за спину, ничего не увидел, но прибавил шаг. Отец Яков, держа лампу как факел в левой руке, правой сжал нагрудный крест и почти беззвучно читал молитву. Профессор же время от времени подавал спутникам знак рукой остановиться, вращал свой монокль,

осматривался и продолжал путь.

Вскоре сияние, исходившее от огня, озарило черную гладь пруда. По поверхности пробежала мелкая рябь и тут же исчезла.

– Не подходите близко к воде, – предупредил Моравский.

– Там что-то есть, профессор?

– Возможно, – неопределенно ответил он, а затем перевел взгляд на ветку дуба, и могилку, в которой был погребен прах садовника и ретривера. – Слишком свежие следы, – пробормотал он себе под нос. – Сложно что-то разобрать. Господа, двигайтесь в сторону лабиринта, я задержусь на минутку.

– Но профессор... – начал было отец Яков, но тут же умолк, поймав взгляд Моравского.

Тот дождался, когда его спутники прошли вперёд, еще раз огляделся, и последовал за ними. Время от времени, бросая взгляды назад.

– Теперь можете объяснить? – отец Яков, остановившись, ждал Тадеуша.

– Терпение, друг мой. Я поделюсь своими соображениями, когда мы достигнем сердца лабиринта. Я там видел скамью, сделаем передышку.

Но намерениям профессора не суждено было сбыться. Когда тройца вступила внутрь лабиринта, Моравский занял место ведущего. Высоко подняв лампу и разгоняя тьму перед собой, он бодро шагал вперед, прекрасно ориентируясь в

хитросплетениях тропинок, словно был у себя дома. За ним шел отец Яков, а в арьергарде находился Карпендер. Который и допустил оплошность, замешкавшись и отстав на очередном повороте от священника на несколько шагов. Затёкшая рука, устав держать фонарь над головой опустилась вниз и за его спиной образовалась темнота.

«Уильяммммм», услышал он шепот за спиной и почувствовал холод, а затем прикосновение ледяных рук. Карпендер не успел даже открыть рта: призрак сжал его шею и потащил прямо через кустарник. Раздался выстрел, Лорд выронил ружье.

Профессор, который поучительным тоном что-то объяснял, идущему позади него священнику, молниеносно развернулся, и чуть не сбив отца Якова с ног, ринулся назад.

– Не мешкайте, друг мой – отрывисто бросил он, – мы нашли, что искали!

Продираясь сквозь дыры, сделанные призраком в стенах лабиринта, Тадеуш исцарапал руки и до крови располрол щеку каким-то особо острым сучком. Но внимания на это не обратил, продолжив нестись вперед. Выскочил наружу и в свете луны увидел страшную картину. Женщина в белом невероятно быстро волокла несчастного хозяина поместья по земле в сторону пруда. Тот держался за горло, и лишь нечленораздельно мычал, даже не пытаясь сопротивляться.

Тадеуш бросился вдогонку, но призрак был куда быстрее, и профессор отстал. Закашлялся и остановился, понимая,

что не успеет, до того как призрак достигнет водоёма. Как только существо из потустороннего мира вместе со своей жертвой достигло кромки воды, из глубины появилась пара черных рук, которые сдавили туловище Карпентера и потащили на дно.

Это конец, промелькнула мысль в голове у профессора, и он решился на то, чего делать не желал. Размахнулся лампой и швырнул ее в сторону пруда. Затем выхватил револьвер и выстрелил в нее в тот момент, когда она пролетала над водной пучиной. Лампа взорвалась, озарив своим необычным сиянием округу, и дождь из стекла и горящих капель пролился на воду. Масло продолжало гореть на поверхности пруда, придавая тому сюрреалистичный вид. Почти в тот же миг показался и Карпентер, судорожно хватая воздух ртом, отплёвываясь и что-то бормоча.

– Скорее, милорд, – крикнул ему Тадеуш, – нужно убраться отсюда до тех пор, пока горит огонь. Отец Яков, помогите ему выбраться из воды и поспешим в дом.

Профессор оглянулся и понял, что говорит с пустотой. Святого отца нигде не было. Что за чёрт, подумал он, а вслух произнес:

– Милорд, бегите в поместье, зажгите лампу, что я оставил, и не выходите наружу. Я отыщу отца Якова.

Карпентеру дополнительных приглашений не требовалось. Поглаживая сдавленное горло, пошатываясь как пьяный, он рысцой ринулся к особняку.

Профессор проделал обратный путь, сжимая в одной руке горсть соли, а в другой револьвер. Впрочем, не особо надеясь на последний: серебряные пули против призраков бесильны. Тем не менее, оружие придавало хоть немного уверенности.

– Отец Яков, – громко позвал он, – где вы?

В ответ услышал лишь слабый стон. Бросился на звук, в лабиринте из зелени увидел отсвет огня от лампы, а рядом с ней священника. Тот сидел на земле и прижимал левую руку к правому боку. Мокрое пятно на сутане расплзлось до невероятных размеров.

Дело дрянь, нужно скорее остановить кровотечение, иначе не дотянет до рассвета, если уже не поздно, подумал профессор.

– Как вы себя чувствуете, друг мой?

– Силы покидают меня, – еле слышно произнёс отец Яков. – Наконец-то я смогу предстать перед Творцом. Надеюсь, я его не подвёл.

– Создатель может подождать, а я нет. Сейчас я вас подлатаю, и через недельку вы будете на ногах. Дайте взгляну.

«Множество мелких проникающих ран... Дробь... Я же сказал этому идиоту не брать с собой ружье... Из каждой ранки сочится кровь, потерял слишком много».

– Ну что там? – донесся до него тихий шепот.

– В целом, неплохо, – Тадеуш неуклюже улыбнулся. –

Нужно только забинтовать.

Профессор начал шарить по бесчисленным внутренним карманам своего одеяния и вскоре извлек туго скрученный бинт. А после – небольшую фляжку.

– Придется немного потерпеть, – и с этими словами выплеснул её содержимое на рану. Священник никак не отреагировал. Моравский покачал головой и приступил к работе. Отец Яков почти полностью сполз на землю, и Тадеушу пришлось приподнимать его, чтобы перебинтовать рану. Когда дело было закончено, профессор поднес к побледневшему лицу священника пузырек с нашатырем:

– Сможете идти, друг мой?

– Постараюсь, – тихо ответил он. Сделал попытку приподняться, но у него ничего не вышло. Тадеуш обнял его за талию и подставил плечо ему плечо. С усилием начал поднимать друга, но тот застонал и болезненно скривил лицо. Профессор понял, что станет только хуже.

– Что ж, дождёмся рассвета. Лампа у нас одна и если кто-то останется в темноте, призраки не преминут этим воспользоваться. Полагаю, мы их жутко разозлили. А утром вместе с моим слугой мы отнесем вас на носилках в дом, и я займусь раной основательно.

– Спасибо, – шёпотом ответил священник и закрыл глаза. – Что с Карпентером? Надеюсь, он жив?

– С ним всё в порядке. Беспокойтесь лучше о себе, друг мой.

Профессор опустился на землю рядом с Отцом Яковом, поставил лампу так, чтобы она освещала их обоих, и сжал его ладонь в своей руке.

Когда первые лучи солнца тронули верхушки деревьев, окружающих поместье, профессор закрыл глаза священника и с тяжелым вздохом поднялся с земли. Неспешно побрёл по зеленому коридору, склонив голову вниз. И за следующим поворотом лоб в лоб столкнулся с Лордом, осторожно ступающим и держащим в одной руке оружие, в другой зажжённую лампу. Профессор налетел на дуло, резким движением вырвал его из рук Карпентера и со злостью отшвырнул в сторону:

– Да бросьте же вы это чертово ружье! Уже рассвело, оно вам не понадобится. Вы и так уже натворили дел!

– Не понимаю о чём это вы? – раздраженным тоном ответил хозяин особняка, недовольный таким обращением с собой. – Я думал, эта тварь до вас добралась, дождался рассвета и вышел проверить. Так что же случилось, где отец Яков?

– Там, – Тадеуш сделал неопределенный жест рукой. – Идите, полюбуйтесь результатом ваших охотничьих навыков.

Не обращая внимания на дальнейшие вопросы Карпентера, проследовал к пруду. Долго стоял, вглядываясь в глубины тёмных вод. Внезапно выхватил револьвер и всадил туда шесть пуль. Потрясенный выстрелами из лабиринта вы-

скочил Карпентер и довольно резво добежал до пруда, остановившись, однако на довольно приличном расстоянии от него.

– И что теперь делать, профессор?

Тот пожал плечами в ответ:

– Я собираюсь убраться из этого проклятого места. Вернусь в Лондон. Остальное меня уже не заботит. Это ваши проблемы.

– А как же я? А тело отца Якова? У нас были с ним разногласия, это правда, но я уважительно к нему относился. Его нужно похоронить по христианскому обычаю. Или вы предложите повторить ваш языческий обряд?

– Предлагаю вам заняться этим. Заодно и объясните жителям Олдвиджа обстоятельства его гибели. Расскажите им о призраке, что убивает дробью. Я бы сам это сделал, но я чужой в этих краях, а отца Якова здесь очень любили. Боюсь, меня с моим слугой поднимут на вилы. Вы же давно здесь живете, считай местный, вам будет проще растолковать им, что тут произошло.

Лорд скривил лицо, но промолчал. Озвученные перспективы явно пришлись ему не по вкусу. Моравский ещё немного постоял и направился к воротам. Лорд догнал его возле самого выхода и преградил дорогу.

– Вы обещали отцу Якову помочь мне. Помочь изгнать Зло. Он говорил, что вы ничего не боитесь и не остановитесь, пока не доведёте дело до конца.

– Это и есть конец. Я давал обещание своему другу, а не вам.

– А как же люди, что живут в Олдвидже? Что если призрак покинет усадьбу и начнет убивать за её пределами?

– Никогда не подозревал в вас такой альтруизм и заботу о ближних, особенно по отношению к местной деревенщине, – осклабился профессор. – Я же отвечу вам предельно честно: благополучие местных крестьян беспокоит меня не больше, чем прошлогодний снег. Дам вам совет напоследок: если хотите остаться в живых, покиньте это место как можно скорее.

Профессор решительным жестом отодвинул Лорда в сторону и проследовал к карете. Тот замешкался на секунду и промолвил:

– Что я должен сделать, чтобы вы передумали?

– Рассказать правду, – бросил через плечо Тадеуш.

– Какую правду?

– Которую вы так тщательно скрываете. Очевидно, что в этом месте обитает несколько злобных духов. И они как-то связаны с вашим милым водоёмом, где днем плавают золотые рыбки, а ночью просыпается нечто ужасное. Призрак женщины вы, несомненно, узнали, не пытайтесь меня обмануть. И ещё некто, чьё размытое отражение я видел в воде. Так что, милорд, у вас есть что рассказать? Будучи управляющим, вы не могли не знать, чем занимался лорд Даркфилд. Ведь для экспериментов ему наверняка требовалась

помощь. Та комната... Думаю это не алхимическая лаборатория. Ну же?

Карпендер, не моргая смотрел Тадеушу в глаза, и последний видел внутреннюю борьбу, которая отражается на его лице. Профессор решил помочь ему:

– Прощайте, милорд. Передавайте мое почтение Анне. Полагаю, с заходом солнца она вас навестит. Удачи.

– Стойте, – хозяин поместья, ухватил Моравского за рукав, – я все вам расскажу. Но вы не должны судить меня строго.

– Я здесь не ради суда. Мне нет никакого дела до того, что вы натворили. А чтобы разобраться, с нечистью, которая отравила на тот свет вашего садовника и моего друга. И остановить её. Хотя, признаюсь, после гибели отца Якова, мне уже почти плевать на всё, что здесь произошло и произойдет в будущем.

– Идемте в дом, мне нужно выпить. Так будет легче вспоминать.

Глава 9. Лорд Даркфилд

Лорд прикончил полбутыли вина, прежде чем начал. Сидя в кресле-качалке на крыльце дома и стараясь не смотреть на Тадеуша, начал свой рассказ.

– Будучи обеспеченным сыном и наследником благородного имени лорд Даркфилд увлекался разными вещами. Как впрочем, и все остальные отпрыски знатных родов. Балы, шумные собрания, выпивка и, конечно же, женщины. Однако в отличие от большинства бездарей, в компании которых он вращался, лорд обладал любознательным умом. Который и привел его к выводу, что бесполезное прожигание жизни не для него. Он начал путешествовать. Объездил всю Европу, мы с ним побывали даже в России, в Москве. Ох, и дремучая страна, я вам скажу. Улицы занесены сугробами по шею, холод стоит адский, а люди с горок катаются, водку пьют и веселятся. Странный народец. Но именно там, в Москве, нам и повстречался человек, вызвавший живой интерес у милорда.

Широкий как медведь, высокий, с длинной чёрной бородой, волосы до плеч и пронзительный взгляд чёрных глаз. Внешне он был похож на крестьянина, но его манера поведения была не совсем крестьянской. Лорд не посвящал меня в детали своих бесед с ним. Полагаю, это был член ордена масонов, но достоверно мне об этом неизвестно.

– Как звали того человека?

– Не знаю. Он не представился при встрече. Но я тогда этими вопросами и не задавался. Да и совать свой нос в дела господина не собирался. Мы пробыли там, около месяца и милорд, собиравшийся назад в Лондон, внезапно изменил планы. Мы отправились в Италию, в Рим. Там в библиотеке Лауренциана лорд Элиот встречался еще с кем-то, а затем мы почти сразу же сели на корабль и отплыли в Египет.

– В Египет? – переспросил профессор.

– Да. Лорд изучал там пирамиды, захоронения, древние свитки и артефакты. Говорю же вам, тогда мне это было абсолютно безынтересно, я лишь следил за тем, чтобы у господина были комфортные условия работы. Лорд провел на раскопках близ Каира около месяца, а потом подхватил малярию. Он чуть не умер: из молодого полнокровного мужчины превратился в скелет, обтянутый кожей. Его спас странник-целитель, который по счастливой случайности оказался в Каире в нужное время. После выздоровления мы вернулись домой в Лондон. Как раз в это время почил его отец, и все состояние досталось лорду Элиоту.

После этого мы из столицы перебрались сюда. Зачем? Я понял позднее. Он здесь кое-что перестроил, я говорю про его лабораторию. Лорд лично руководил работой, даже меня не посвящал в это. Но я заметил, что рабочие были какие-то странные, непохожие на простых строителей. Но я вопросов не задавал, учитывая то, что работы велись чаще всего по

ночам. В конце концов, я был всего лишь управляющий.

Затем лорд продолжил путешествовать, а меня оставил здесь. Он месяцами пропадал в разъездах. По возвращению привозил различные безделушки и книги – вы их сами видели, профессор. Изучал их какое-то время, а потом снова исчезал. После Каира он очень сильно переменялся: стал таким же нелюдимым, как и покойный лорд Лоуренс. Почти не разговаривал ни с кем. В своей страсти к древностям он стал похож на одержимого. Я пытался выяснить, что с ним происходит: как-никак платил лорд хорошо, да и кажется, считал меня другом. Но это было раньше. После Египта я натолкнулся на такую стену льда, что бросил все попытки достучаться до него и просто выполнял свои обязанности.

А странностей становилось всё больше, профессор. Я закрывал на всё это глаза, ведь лордом был он, а не я. Однажды ночью, страдая от бессонницы, я, как и сейчас сидел в кресле и наслаждался вином. Из псарни вышел лорд Элиот, ведя за собой гончую. Молча прошел мимо, будто бы меня и в помине не было, и завёл её в дом. Больше гончую я не видел. Так исчезли и остальные собаки. Господин приказал мне выдать двойное жалование псарю и отпустить его на все четыре стороны, что я и сделал.

Все эти необъяснимые вещи перемежались с его поездками, которые, однако, стали короче по времени. Возвращаясь, он все больше и больше замыкался в себе, пропадая в своей лаборатории: бывало, не выходил оттуда сутками, забывая

даже поесть.

А дела наши шли всё хуже и хуже: лорд проматывал доставшееся ему наследство на свои путешествия и покупку всего того хлама, что хранится в комнате на втором этаже. И не прилагал никаких усилий к тому, чтобы сохранить и преумножить своё состояние. В конечном итоге, чтобы покрыть свои расходы, он заложил дом в Лондоне. Потом разогнал оставшихся слуг: после псаря пришлось распрощаться с конюхом, горничными, кухарками. Он буквально выставлял их за ворота особняка, даже не заботясь о том, как они доберутся до Денсфорта. И в скором времени здесь остался только я, Монти и... Анна. Монти всегда был блаженным, жалованья он никогда не просил. Анна помогала ему следить за садом, а позже, когда прислуги не осталось, занималась готовкой и уборкой. Я настоял, чтобы она осталась, приведя разумный довод, что совсем без прислуги нам нельзя. Тем более, что расходы на неё были невелики. Жила она в доме садовника, была очень привязана к нему, заботилась о Монти. Полагаю, по этой причине ему, чудилось, что она его жена.

И вот, вернувшись из очередной поездки, чёрный как туча, лорд заперся в лаборатории, приказав себя не беспокоить. Я распорядился, чтобы Анна приносила ему еду и оставляла поднос в конце коридора. Лорд не выходил несколько дней, еда оставалась нетронутой. А потом, – Карпентер отхлебнул вина, молча посмотрел вдаль и продолжил, – потом Анна бесследно пропала. Несчастный Монти с ног сбился,

разыскивая свою «жену» в лесу. Но её и след простыл. В деревне о ней ничего не слышали. Полагаю, что ей осточертело здесь настолько, что она ночью сбежала в город.

– То есть вы были уверены в этом? – перебил его Моравский.

– До недавних событий, да! – Карпентер сделал еще один глоток. – На следующий день лорд Даркфилд завершил своё затворничество. Он появился на кухне в тот момент, когда я готовил завтрак. Приказал наполнить ванну и, освежившись, вышел в одном халате наружу. Похлопал меня по плечу, сказав, что все трудности остались позади. Я уже много лет не видел его в таком прекрасном расположении духа и был весьма удивлен. Скоро всё наладится, повторил он, моё имя будет жить в веках. На следующий день он нарядился в охотничий костюм, взял ружьё и ускакал, не сказав ни слова. И больше я его не видел. Замечу, профессор, что лорд Элиот никогда не слыл заядлым охотником. С тех пор мы с Монти жили здесь в одиночестве и спокойствии. До недавнего времени. Остальное вам уже известно.

– И что, по-вашему, случилось с Анной?

– У меня были сомнения, но после увиденного, я почти уверен: лорд Даркфилд настиг и убил её.

– Вы видели призрак ранее? Или может быть слышали что-то необычное?

– Нет, все началось с баргеста, или как там вы его назвали.

– Отец Яков упоминал, что Монти боялся какого-то при-

зрака. Значит, он встретился с ней раньше вас.

– Возможно.

– Думаю, лорд утопил ее в пруду, туда она вас и тащила, чтобы вы разделили её участь. Только вот зачем это было нужно лорду Элиоту?

– Мотивы моего господина мне неведомы.

– Бывшего господина, вы хотели сказать?

– Разумеется.

– Вы знали, что он практиковал оккультизм?

Карпентер сделал долгий глоток, допив остатки вина. Осторожно поставил бутылку на каменные ступени, пару раз качнулся в кресле и лишь, потом, посмотрев прямо в глаза профессору, ответил:

– Подозревал. Как я вам уже говорил, я не вникал в это, а просто управлял имением. Но некоторые факты игнорировать просто не мог.

– Например?

Владелец поместья, покачиваясь, поднялся с кресла, Моравский заботливо подхватил его под руку.

– Следуйте за мной, я покажу.

Вместе со своим спутником прошествовал в гостиную и, остановился перед портретом. Ткнул в него пальцем и произнес:

– Арчи.

– Что?

– Арчи, это его я похоронил недавно.

– Не понимаю, что вы имеете в виду?

– Этот пёс раньше принадлежал отцу лорда Даркфилда.

Профессор удивился, но постарался не выказать эмоции слишком явно:

– Значит... значит, ему было около четверти века?

– Больше 30 лет, если быть точным. И за последние десятилетия он ничуть не постарел, так словно, время для него остановилось.

– И что вы об этом думали?

– Удивлялся, как и вы сейчас. Но рационального объяснения этому найти не сумел. Однажды, я услышал, как лорд Элиот разговаривал сам с собой. В этой гостиной, как раз на том самом месте, где мы сейчас стоим. На стене тогда еще висел портрет его отца. Стоя перед ним, он рассуждал о вечной жизни, о том, как можно обмануть смерть. Тогда я не придал значения этим словам, а теперь... Итак, я рассказал вам все что знал. Вы поможете мне, профессор?

– Я расскажу в деревне, что святой отец пал в борьбе с демоном, что здесь обитает. Похороним его в закрытом гробу, чтобы никто ничего не заподозрил. Таким образом, вам не будет грозить преследование за то, что вы совершили.

– Разве эти деревенщины поверят вам? Вы совсем недавно утверждали, что вы пришлый для них.

– Так и есть, – согласился профессор. – Но они знают об этом месте, и знают, что здесь творится неладное. И они суеверны, так что я сумею их убедить. Тем более, что случив-

шеся здесь, трагическая случайность. И к выстрелу привели действия этой твари.

– Я признателен вам, профессор. Но как нам избавиться от призрака?

– Никак. Мой совет прежний: соберите всё ценное, что здесь есть и покиньте особняк, пока не поздно. Если кости несчастной покоятся на дне пруда, мы не сможем до них добраться и уничтожить. А без этого я бессилён что-либо сделать.

– Я отвечу вам тоже, что сказал когда-то отцу Якову: это мой дом, и я его не брошу. Мне некуда идти.

– Поезжайте в Лондон. Или в любой другой город. Думаю, ваших сбережений, хватит, чтобы прожить остаток жизни, ни в чем не нуждаясь. Только не берите отсюда никаких вещей кроме личных, призрак может быть привязан не только к своим останкам. Если не прислушаетесь ко мне, она до вас доберется.

– Может быть масло... – неуверенно начал Карпентер.

– Его не просто раздобыть, и мои запасы не бесконечны. Понадобится целый резервуар, чтобы вы могли жечь его до конца жизни. Это не решение. Сегодня вечером мы ненадолго покинем усадьбу: помогите мне подготовить тело отца Якова к погребению. Одному будет сложно управиться, а помощь жителей Олдвиджа нам не нужна. Выпейте воды, освежитесь, протрезвейте и приступим к этому печальному делу.

– Я не покидал поместье больше четверти века , – наконец-то прервал молчание Карпендер.

– Вас никогда не тянуло путешествовать? – поинтересовался Моравский, поправив очки на лице.

– Нет. Всегда считал это пустой тратой времени. К тому же у меня и не было такой возможности, я должен был управлять усадьбой.

Профессор никак не отреагировал на ответ, лишь почесал переносицу, бросив быстрый взгляд на собеседника.

– Странная карета, – продолжил Карпендер, – настоящая крепость. А отделка, – он провел ладонью по черному бархату, – видимо за изгнание духов неплохо платят, не так ли, профессор?

– Неплохо, – согласился тот, – и причину вы знаете. Между жизнью и смертью, люди всегда выбирают первое. И не скупятся на расходы, чтобы отогнать от себя тех, кто бродит по ту сторону.

– Вам уже доводилось встречаться с призраками? С демонами? Вампирами? Волколаками? Может, скрасите нашу дорогу одним из таких рассказов? И зачем вам гроб? – замороженно глядя на лампу в углу напротив, продолжил расспрашивать Карпендер – и что за странные символы на нём?

– Профессиональная тайна. Не подлежит разглашению. Не думал, что после всего, что вы увидели, мои инструменты вас удивят. Хорошо, что он есть, иначе тело моего покойного

друга пришлось бы вести неподобающим образом.

– Необычная у вас работа, конечно. Как и ваш слуга, – Карпентер кивнул в сторону возницы, – от его взгляда из-под капюшона мурашки бегут по коже. Странное ощущение, словно, словно...

– Продолжайте, милорд.

– Словно сама смерть смотрит на тебя. Точно такое же чувство у меня было в комнате с реликвиями, когда дух Анны бросился на нас.

Профессор хмыкнул и улыбнулся:

– Поверьте, Мортимер и мухи не обидит. Глупый как ребенок, выносливый как мул, но безобидный. Без крайней нужды силу он не применяет.

– Как вы наняли такого на службу?

– Долгая история. Он немой, но исполнительный. Для моего рода занятий это большое преимущество. От болтовни, знаете ли, бывает много вреда.

С этими словами профессор откинулся на спинку сидения и закрыл глаза. Карпентер намек понял, замолчал и продолжил осматривать внутреннее убранство повозки. Ему здесь было не по себе.

Моравский открыл глаза, когда ветер донёс до них отзвуки далёкой грозы. А когда первые капли дождя монотонно застучали по крыше кареты, произнес:

– Природа оплакивает отца Якова...

– Грозы летом в этих местах не редкость, – возразил ему Карпенгер.

– Когда мы прибудем, поможете мне занести его внутрь. Омоем тело, переоденем в чистую одежду, унесем гроб назад в фургон. Затем я пойду к старосте и сообщу о случившемся. Объясню ему, почему гроб будет закрыт. Вы же, милорд, после всех этих приготовлений должны вернуться сюда. В деревне к вам теплых чувств не питают. Ради своей же безопасности не выходите наружу. Еда у меня есть: вяленое мясо и сухофрукты. А это, – Моравский неуловимым движением вынул из какого-то потайного кармана в сиденье небольшую бутылку, – бренди, если станет совсем скучно. Когда захотите выйти по нужде, трижды постучите в стенку: Мортимер поймет, что нужно отвести фургон подальше от людских глаз. Когда все будет закончено, я сообщу, и вы покинете мою маленькую крепость.

Рассуждения старосты были прерваны рыданиями тетушки Агаты, которая то и дело прикладывала платок к глазам. Впрочем, это мало помогало делу: слезы ручьями стекали по ее пухлым щекам, зависали на мгновение на подбородке и крупными каплями падали на пол.

Жители, заходили в храм, подходили к гробу с телом отца Якова и печально склоняли голову: не все они были благочестивыми христианами, но все любили человека, который никогда и никому не отказывал в помощи.

– Я говорил, что не нужно ходить в это проклятое место, – неполголоса бубнил староста Дилан, седовласый согбенный старичок, – но разве он меня слушал? Учёные господа, никогда не обращают внимания на слова таких людей как мы. Но простая житейская мудрость, господин Моравский, иногда бывает полезнее любых церковных догм, уж не сочтите за ересь мои слова.

– Нет, нет, что вы! Я полностью с вами согласен. Послушай он вас, был бы сейчас жив, – профессор взял крестьянина под руку, отвел в сторону и прошептал ему на ухо, – Нам не удалось справиться с тем, что там обитает. После похорон сообщите своим: пусть не приближаются к особняку лорда Даркфилда! Забудьте это место, перекопайте дорогу, завалите ее бревнами, делайте, что хотите, но не ходите туда!

– А как же этот чудак Монти? Как он будет доставлять провизию своему чванливому хозяину?

– Теперь уже не будет.

Староста пристально взглянул в глаза Тадеушу и всё понял.

– Что ж, – вздохнул он, – ему я тоже говорил.

Дилан вернулся к гробу с телом и произнес:

– Не будем затягивать. Завтра на рассвете проводим святого отца в последний путь и продолжим наш собственный. Вы скажете пару слов над его могилой, господин Моравский?

Хотя дождь, едва начавшись, сразу же прекратился, Тадеуш зонт не убрал. Он выглядел очень странно и чужеродно, в окружении селян, которые отродясь не то что не пользовались, но даже и не знали про такое удивительное приспособление, защищающее от ливня.

– Отец Яков погиб, сражаясь со Злом, – звонко начал профессор. – Он приложил все усилия и пожертвовал своей жизнью, чтобы защитить вас и ваших детей. Я давно знал этого благородного и отзывчивого человека, который свято верил в то, чему вас учил. Он творил добрые дела, но не ради самого себя, а потому что это было частью его природы, частью его самого. Во имя блага ближнего он готов был отдать последнее. Все вы должны чтить его память, ибо такого человека на земле больше не отыскать. Помните его наставления и следуйте им! *Sit tibi terra levis*, друг мой.

С этими словами Моравский бросил горсть земли на гроб. Одновременно с этим небо взорвалось громким трещащим рокотом, и молния ударила в каменное сооружение в центре кладбища. Крестьяне пали ниц и заголосили. Профессор сложил зонт, с любопытством взглянул на местный «стоунхедж». Затем развернулся и пошел к карете, стоящей перед въездом на погост.

Пытаясь защитить недостойных, ты отдал самое ценное, что у тебя было, подумал он. Покачал головой и закашлялся, приложив платок к губам. Глупо и благородно, друг мой, глупо и благородно.

Глава 10. Лаборатория

Мортимер остановился перед самыми воротами: еще чуть-чуть и, казалось, квартет вороных сметёт их с дороги. Профессор выпрыгнул из кареты, щелкнул пальцами и кучер спустился на землю.

– Возьми инструмент, – приказал ему Тадеуш. – А вы милорд соберите свои вещи и всё ценное, что сможете увезти. Но никаких безделушек из комнаты с реликвиями! И любых других вещей, которых могла касаться Анна.

– Что вы задумали, профессор?

– Хочу заглянуть в лабораторию лорда Элиота.

– Но как?

– Найду способ. Если понадобится, я взорву дверь, но думаю, до этого не дойдет. Мой слуга справится и так.

Карпентер оглянулся и скривил лицо: из задней части фургона Мортимер достал специфические предметы – огромную кувалду и лом. Судя по их размерам, управиться с ними мог только он один.

– Не одобряете? – спросил профессор, заметив его реакцию.

– Это мой дом, Моравский. Мне кажется, я живу здесь всю свою жизнь и стараюсь, старался, по крайней мере, поддерживать здесь порядок. Сложно представить, что кто-то будет ломать, то о чем я заботился двадцать пять лет. Но если это

необходимо, – вздохнул он, – быть посемену.

– Необходимо, это вы правильно заметили. Возможно за той дверью мы найдем не только ответы, но и средство от того бедствия, что захватило это место. И возможно, я ни в коем случае не собираюсь дарить вам ложную надежду, вам не придется уезжать.

Карпендер согласно кивнул и поспешил к особняку, стараясь опередить Мортимера. Фигура в балахоне так решительно шагала вперед, что у него возникли опасения: еще входную дверь разнесет, чертов истукан.

Звон разлетался далеко по всей округе. Звук отдаленно напоминал колокольный. Гигант наносил такие удары, что бей он в землю, пробил бы ее до самого ядра. На черном же металле двери не оставалось даже царапины.

– Из чего же, черт побери, она сделана, – вполголоса рассуждал Моравский. – Вот бы покрыть фургон листами этого металла. Тогда нам не страшно было бы даже прямое попадание из кулеврины. Мортимер, довольно, это бесполезно, ломай стены.

Карпендер, который вместо того, чтобы готовиться к отбытию с благоговейным ужасом наблюдал за происходящим. На его лице образовалась гримаса боли и отчаяния, когда молчаливый слуга чудовищным ударом разнес угол коридора, осыпав стоящих за его спиной людей кусками штукатурки. Мортимер молотил так сильно, словно от этого зависела

его жизнь. Прошло несколько минут, и обнажились плоды его усердной работы: штыри, держащие дверь. Из такого же темного металла.

– Ломай, – приказал Моравский, и исполин нанес несколько ударов, которые вполне бы справились замковой стеной. Но штыри не поддались.

– Круши до тех пор, пока мы не найдем, где они заканчиваются.

Еще несколько минут, и часть стены была просто снесена. Немой что-то промышчал и поставил кувалду на пол. Профессор закашлялся, дождался, пока белая пыль немного осядет, и подобрался ближе.

– Теперь бери лом и вырви эту чертову дверь. Милорд, посторонитесь, Мортимер в работе – страшная сила, может ненароком искалечить. Было бы неплохо выпить чаю и отобедать, но мне не терпится заглянуть внутрь, сразу, как только он закончит.

Гигант не заставил долго ждать: огромный лом вонзился в кирпичи, поддев штыри. Слуга надавил на них, сгибаться они даже не думали – просто выпали вместе с дверной коробкой.

Вместе со столбом пыли, изнутри вырвался и запах. Карпентер, почуяв его, согнулся в три погибели, и содержимое его желудка оказалось прямо на полу. Профессор, много к чему привыкший в своих странствиях, тоже не выдержал и, вынув носовой платок, надушенный лавандой, поднес к

ноздрям:

– Бог мой, я уже знаю, что там внутри. На воздух, милорд, на воздух!

Отдышавшись на крыльце дома и немного придя в себя, профессор произнёс:

– Вернёмся, когда смрад рассеется. Иначе отравимся.

– Чем именно?

– Трупным ядом. Вы же сами ощутили его действие на себе. Мой слуга расчистит вход и уберет дверь, а спустя пару часов туда можно будет войти.

– Как он только терпит это зловоние?

– Он особенный. Богатырское здоровье, сами видели.

Карпентер согласно кивнул.

– Догадываетесь, что там внутри?

– По-моему, это очевидно. Результаты экспериментов лорда Даркфилда.

– Именно. Полагаю, нас ожидают находки страшней, чем пара борзых порезанных на части.

Карпентер бросил странный взгляд на профессора, но ничего не сказал.

В дверях показался Мортимер с молотом и ломом в руках. Он неспешно прошествовал мимо, даже не посмотрев в их сторону. Профессор взглянул сначала на солнце, которое давно покинуло зенит, потом на свои часы.

– Все-таки я ошибся в своих расчётах, – произнёс он. – Нужно войти туда дотемна, пока к нам не заявила Анна

или кто-нибудь ещё, – Тадеуш вперил взгляд в Карпентера, но тот никак не отреагировал. Сейчас принесу всё необходимое. Вы же займитесь своими собственными делами.

– Это мой дом и я войду в лабораторию вместе с вами.

Карпентер сказал это таким тоном, что Моравский решил не спорить.

Профессор направился к повозке и вскоре вернулся, неся в руках две странные маски, похожие на те, что носили доктора во время чумы. Однако вместо длинного птичьего клюва у них было какое-то странное круглое приспособление.

– Моя собственная разработка, – похвастался он. – Позволяет дышать даже в загазованных шахтах. Правда, недолго, но лучше чем ничего. Надевайте и идём. А вот лампы, которые обеспечат нам защиту от непрошенных гостей. Только будьте осторожны, милорд: неизвестно, что там внутри и какие субстанции использовал Элиот Даркфилд в своих экспериментах. Не разбейте светильник, мало ли что там может детонировать.

Профессор осторожно переступил через импровизированный порог: обломки кирпича образовали настоящую преграду. Мортимер не слишком то и старался, подумал он. Выставив руку с лампой вперед, он сделал еще несколько шагов и услышал хруст под ногами. Смотреть вниз он не стал: и так знал, что там хрустело. Сделал несколько шагов вперёд и замер: его внимание привлекли останки, лежащие на длинном

хирургическом столе. Черепа людей, тазовые кости, кисть чьей-то руки.

– Будьте осторожны, милорд, – голос под маской искажался и звучал так, словно говорили из бочки, – тут всюду кости, не пораньтесь ими.

Профессор проследовал дальше и с интересом начал разглядывать стеллажи, на полках которых покоились многочисленные колбы с мутноватой жидкостью желто-зеленого оттенка. Гораздо интереснее было их содержимое: внутренние органы – сердца, мозги, печень. И не только животных, отметил про себя Моравский.

– Лорд Даркфилд работал не покладая рук, – заметил он, когда Карпентер подошел вплотную. – Странно, что вас преследовал только один дух. Здесь их должно быть, по крайней мере, 5 или 6, судя по останкам.

Карпентер сквозь стекла маски, наконец, разглядел, что внутри колб: отшатнулся назад и споткнулся. Падая, ухватился за какой-то кусок ткани, свисающей с потолка, оборвал ее и обнажил еще одну колбу. Емкость высотой в человеческий рост была заполнена тем же раствором, что и остальные.

– Не поранились? – встревоженно спросил Тадеуш, помогая Карпентеру подняться. – Я же предупредил, осторожнее. Разве нельзя просто четко следовать моим инструкциям? Один порез и без нужных медикаментов вы очень скоро присоединитесь к местным привидениям.

Нынешний владелец особняка не ответил, лишь нахмурил брови. Затем бросил взгляд на емкость: там, в мутной жиже наблюдалось что-то более плотное, какой-то сгусток. И это что-то, кажется, шевелилось.

– Профессор... – прошептал Карпентер.

– Вижу, – едва слышно ответил тот. – Ни звука.

Тадеуш медленно поднес лампу к стеклу, сгусток отплыл куда-то к задней стенке и пропал в мутной пелене. Вопреки совету профессора, Карпентер пошевелился и приблизился к колбе. То, что было внутри, словно ожидало этого. Существо внезапно бросилось вперёд и ударило в стекло с такой силой, что сосуд пошатнулся. Моравский с завидной ловкостью отскочил назад, чуть не выронив лампу из рук, Карпентер в очередной раз упал. Грязно выругавшись, он молниеносно поднялся и, перепрыгнув ворох кирпичей, выскок из лаборатории. Профессор не преминул последовать его примеру. Но сумел догнать его только на пороге особняка. Там, Карпентер, упершись руками в колени, пытался отдышаться.

– Вы видели, профессор? Нет, ну вы видели это?

– Видел. И ошеломлён находкой не меньше вашего. Но нам нужно вернуться и уничтожить, всё, что находится внутри, хотя...

– Что хотя?

– Мысли вслух. Идёмте, поможете мне принести зажигательную смесь, в той комнате не должно остаться ничего кро-

ме пепла.

Профессор с Карпентером несли широкую деревянную бадью, держась за длинные ручки. В бадье поблескивали бутылки. Со стороны, казалось, что два джентльмена, вооружившись корзинкой со снедью, собираются устроить пикник. Однако корзина была столь тяжела, что профессор то и дело, вытирал пот со лба. Владелец особняка делал тоже самое, но вместо платка использовал ладонь.

– За что вы платите жалование этому увальню, если постоянно всё делаете сами? – прохрипел он, когда лестница, наконец-то была преодолена, и они остановились перевести дыхание.

– Самый надежный способ выполнить работу – сделать её самому, – заметил Тадеуш и закашлялся. – Зажигательная смесь в этих бутылках самовоспламеняющаяся, а мой слуга порой бывает таким неуклюжим. К тому же, я ему не плачу, он отработывает нечто вроде долга, – усмешка тронула уголки губ профессора.

Карпентер с опаской взглянул на бутылки, и когда вступил в дом, начал переставлять ноги куда осторожнее. Добравшись до конца коридора, профессор опустил свой груз и поднял оставленную здесь лампу, осветив тёмный проём.

– После вас, милорд, – пошутил он, сделав широкий жест рукой.

Карпентер вздрогнул и тихо, почти шепотом, ответил:

– Я туда не войду, уж простите, Моравский.

Тот понимающе кивнул и начал доставать бутылки с зажигательной смесью. Когда дело было завершено, он промолвил:

– Милорд, отнесите корзину назад в карету и ожидайте меня там же. Я быстро здесь закончу.

Карпентер поспешил к лестнице, ведущей вниз, но перед самым спуском остановился и окликнул Моравского. Тот задумчиво стоял перед входом в лабораторию, словно бы сомневаясь, входить туда или нет.

– Тадеуш!

– Слушаю, милорд?

– Выжгите все Зло, что там скрывается, но заклинаю вас, не спалите весь особняк. Это мой дом, – умоляющим тоном протянул он.

– Как пожелаете, милорд. Но вы сами знаете, что Зло давно расползлось и покинуло пределы этой комнаты.

Тадеуш потратил около получаса, разбирая кирпичи и прочий мусор, перегородивший дорогу. Мысль о том, чтобы перепрыгивать завал с зажигательной смесью в руках, ему претила. Он вспомнил тот случай, когда Вильгельм сгорел живьем: крики боли, вопли ужаса и незабываемый танец живого факела. Это длилось недолго, но Тадеушу тогда показалось, что время остановилось. Профессор замер, погрузившись в воспоминания. Очнувшись, с удвоенной скоростью

продолжил расчищать вход.

Оказавшись внутри, поставил лампу на уже знакомый столик. Разноцветное пламя переливалось и мерцало, отражаясь в пустых глазницах черепов, придавая им поистине дьявольский облик. Такие фокусы профессору были не в новинку. Он ещё раз осмотрел помещение: его внимание привлекло странное кресло с крайне высокими подлокотниками и кандалами на них. Кресло и пол под ним были покрыты давно засохшей кровью. На самом кресле лежали щипцы: Моравский точно знал для чего они предназначены. Исследовав комнату и не обнаружив больше ничего стоящего, Тадеуш вернулся к столику с черепами, взял в руки лампу и приблизился к колбе.

– Значит самое интересное, что здесь есть, это ты? – обратился он к существу, которое скрывалось где-то в глубинах мутной жижи. – Ты понимаешь человеческую речь?

Тишина послужила ему ответом.

– Значит, не хочешь разговаривать или не обладаешь такой способностью. Что же ты такое, – задумчиво протянул он. – Хотелось бы тебя изучить, да думается мне, твой сосуд не поместится в моей повозке. Да и неизвестно как ты отнесешься к долгой поездке. И как тебя оттуда извлечь, не убив, тоже вопрос... Подытожим: сейчас я сожгу всё, что есть в этой комнате. Вместе с твоим обиталищем. Но перед этим я хочу полюбоваться тобой, поэтому, – профессор достал револьвер из внутреннего кармана и взвел курок, – я разобью

вдребезги твою колбу и увижу, что скрывается внутри. Итак, три, два, один...

Моравский не успел закончить счет: жидкость забурлила, и из её глубин к стеклу приникло существо. Оно напоминало собой двухгодовалого ребенка, чье тело было покрыто опухолями и метастазами. Черные зрачки кроваво-красных глаз были недетскими: они внимательно следили за движениями профессорами и выражали... Просьбу? Сожаление? Страх?

– Что ты такое?

Существо застыло, словно, пытаясь лучше понять, что ему говорят. Тадеуш сделал жест рукой, черные зрачки сменили положение и только.

– Что ж, к твоему несчастью, я должен выполнить обещание, данное моему другу. Наслаждайся последними мгновениями своего существования.

Тадеуш вышел, но вскоре вернулся с бутылками в руках. Методично расставил их во всех углах лаборатории. Последнюю поднес к колбе, показав ее существу.

– Знаешь что это?

Существо безмолвно наблюдало.

– Это конец. Мне кажется, ты всё понимаешь. Может быть, напоследок все-таки назовешь свое имя? Кто или что ты?

– Я твоя смерть, – раздался тихий шепот, идущий из ниоткуда и попадающий прямоком в слуховое отверстие. Моравский вздрогнул и чуть не выронил бутылку себе под ноги.

Затем резко развернулся, поднял лампу над головой и осветил комнату – никого. А потом вздрогнул еще раз. В коридоре, рядом с лестницей парил белый силуэт, профессор узнал его.

– О черт, – выругался он, – кажется, я забыл о времени. Или это твоих рук дело, бесенок?

Аккуратно поставил бутылку у основания колбы и двинулся к выходу. Призрак завис под потолком, паря в ожидании. Но стоило Моравскому, только переступить порог, как дух издал яростный вопль, и бросился вперед. Тадеуш выкинул руку с лампой вперед и как только лучи света попали на призрак, тот завизжал и растворился в воздухе. Добравшись до лестницы, поставил лампу на пол так, чтобы она освещала все вокруг, вынул револьвер, прищурился, прицелился и выстрелил. Бутылка рядом с колбой взорвалась, вызвав цепную реакцию: мощный взрыв потряс лабораторию и река пламени, вырвавшись наружу, понеслась на профессора. Он был к этому готов: схватив лампу, молниеносно рванул вниз по лестнице, увернувшись от огненного потока. Кинулся к двери и услышал скрежет, а потом щелчок дверного замка. Толкнул дверь, она не поддалась.

– Карпентер, что вы творите, черт вас побери! – заорал он и затарабанил кулаком в дверь, – откройте немедленно.

С другой стороны никто не ответил, но среди шума пламени, бушующего на втором этаже, профессор услышал шорох, доносящийся из гостиной. С револьвером в руке Таде-

уш ворвался внутрь и... никого не увидел. Затем на мгновение, ему показалось, что лицо человека на картине исказила зловещая гримаса. Но лишь на мгновение. А затем, нечто черное и бесформенное, лишь отдаленно напоминающее человеческое существо, попыталось вырваться из картины, издавая смесь дьявольского воя и криков новорожденного ребенка. Профессор не выдержал и, размахнувшись, бросил в портрет лампу. Та разбилась, забрызгав все каплями горящего масла: картину охватил огонь, и призрак или демон, Тадеуш не был уверен, в том, что это, исчез в языках пламени.

Выскочив из гостиной, заметил, как посередине лестницы материализуется дух Анны. Не став дожидаться завершения этого действия, он натянул на голову свой жакет и бросился наружу через окно. Ударился о каменный пол террасы и зашипел от боли. Осколки болезненно врезались в руку, плечо и бок саднили, но сейчас у Моравского не было времени обращать на это внимания. Поднявшись, прихрамывая, поспешил к воротам особняка. За ними стоял Карпентер, держа лампу в руках и с ужасом, взирая на клубы дыма, которые валили из его дома. Мортимер, сидя на козлах, как всегда безучастно взирал на происходящее.

Задыхаясь от напряжения, сраженный очередным приступом кашля, профессор почти добрался до цели. Но тут случилось непредвиденное: ворота со скрипом двинулись навстречу друг другу и захлопнулись. Лежащая на земле цепь, ожила и словно змея обвила их, завязавшись невообразимым

узлом.

– Дьявол! – Моравский вцепился в прутья и потряс их. – Ну что сидишь, обалдуй, – обратился он к Мортимеру, тащи лестницу и живее.

– Профессор, – прервал гневную тираду Карпендер и указал дрожащей рукой куда-то за его спину.

Дверь особняка распахнулась, и вместе с дымом и пламенем оттуда вырвался разъярённый дух Анны. Вытянув руки вперед и завывая, она неслась к Тадеушу. И её намерения не вызывали сомнений.

– Лампу, Карпендер, передайте мне лампу!

Тот послушно протянул ее Моравскому. Профессор поставил ее рядом, а сам вынул из кармана горсть соли и насыпал небольшой полукруг перед собой. Призрак как будто передумал: он остановился и, держась на безопасном расстоянии от света, парил, потрясая воздух дикими воплями.

– Лестницу, Мортимер, чего ты там мешкаешь, – нетерпеливо бросил профессор. – Ждешь, пока эта тварь доберется до меня? Вздумал избавиться от своего хозяина?

Слуга наконец-то снял с крыши повозки лестницу и с легкостью перекинул ее через ограду, чуть не задев Тадеуша. Тот выругался, упомянув недалекие умственные способности возницы и приладив лестницу к воротам, начал взбираться наверх. Дух, увидев, что жертва ускользает, взвыл еще громче, бросился вперед и в очередной раз растворился в свете священного огня.

Тадеуш повис на ограде с другой стороны, держась за прутья. Зажмурился и спрыгнул. Прыжок отозвался болью в ушибленных частях тела. Однако жаловаться было некогда, да и некому. Добрел до кареты, достал оттуда свою трость. С её помощью подцепил из-за ограды лампу, махнул рукой в сторону лестницы и побрел назад. Мортимер уже занял место кучера.

– Профессор?

– Что, милорд? – ответил тот, зажигая фонари кареты. Карпентер не сомневался, что в них всё то же масло.

– Вы обещали не уничтожить мой дом, – он указал на особняк, левое крыло которого было охвачено пламенем. Раздался звон – это разбились окна в библиотеке. Изнутри вырвался сноп огня, щедро напоенный страницами книг.

Моравский повернулся к Карпентеру, пристально взглянул ему в глаза и резко бросил:

– Можете приступать к тушению. Если желаете, милорд, я прикажу Мортимеру перебросить вас на ту сторону.

С этими словами Тадеуш скрылся внутри кареты. Карпентеру ничего больше не оставалось, как забраться следом.

Назад ехали в полном молчании. Одну остановку сделали в селении. Карпентер понял это по лаю собак, но ничего спрашивать не стал. Профессор покинул карету и отсутствовал около получаса. Карпентер задремал, утомленный пережитыми событиями и потрясенный гибелью места, в кото-

ром он прожил половину своей жизни. И проснулся только тогда, когда услышал голос Моравского, отдающего распоряжения своему слуге.

Профессор уселся напротив, сосредоточенно посмотрел на спутника, немного подумал и произнес:

– Едем до Денсфорта, через две луны будем на месте. Там мы и расстанемся, милорд. Перед этим будет пара остановок: мне нужно кое-что сделать. Прошу вас оставаться внутри и не покидать карету, пока мы не уберёмся их этих мест. Ради вашей же безопасности.

Тот молча развёл руками, давая понять, что ничего другого ему и не остается:

– У меня больше ничего, профессор. Что мне теперь делать? Куда мне идти?

Моравский пожал плечами:

– Глупо было с вашей стороны, управляя таким имением, не позаботиться о своей старости. Я дам вам немного серебра на первое время, но это всё, что я могу для вас сделать.

Тот склонил голову вниз, обхватив ее руками, и ничего не ответил. Профессор откинулся на спинку сидения и закрыл глаза. А когда открыл их, Карпентер мирно посапывал, позабыв о своих невзгодах. Тадеуш притушил свет ламп и погрузился в свои мысли. Его бдение продолжалось до тех пор, пока фургон не остановился. Моравский взглянул на часы: почти полночь. Что-то мы быстро доехали, подумал он, и покинул карету.

– Бери инструмент, Мортимер и иди за мной. Не шуми и много не болтай, – ухмыльнулся Тадеуш, – а то разбудишь нашего гостя.

Кучер что-то промычал в ответ и беспрекословно подчинился. Взяв лом и лопату, он шел следом за профессором. Ночь стояла безоблачная, и полная луна ярко освещала древние могилы. Идущая между надгробий парочка в свете её лучей выглядела поистине жутковато.

Тадеуш остановился перед свежей могилой, земля на которой еще не осела. Деревянный крест, стоящий на ней, был самым высоким на погосте.

– Покойся с миром, друг мой. Я сделал для деревни и ее людей, всё, что было в моих силах. И я уберег от гибели недостойное творение твоего Господа, хотя и не стоило этого делать. Но ты бы со мной не согласился. Я говорил тебе и не раз, что не верю в Творца и это чистая правда. Но если, вдруг ты встретишь его, похлопочи и о моей душе тоже.

Приступ кашля сотряс тело Моравского: тот не стал дожидаться его окончания, а просто махнув платком в сторону, побрел дальше. Слуга не отставал от него.

Профессор остановился в самом центре древнего могильника возле того каменного сооружения, которое привлекло его внимание при первом посещении. Подойдя к входу с глыбой, он зачем-то постучал по ней кулаком, а потом произнес:

– Делай что хочешь, Мортимер, но открой мне доступ внутрь. Разбей, выкопай, вырви – но к утру, я должен уви-

деть, что скрывает это место. А я пока осмотрю округу, может быть, найду еще что-нибудь интересное.

Моравский бродил по кладбищу около часа, лишь изредка останавливаясь у захоронений, каменные надгробия которых свидетельствовали о том, что их владельцы лежат здесь уже не один век. Наконец, осмотрев всё вдоль и поперёк, вернулся к своему слуге. Тот работал молча, усердно, ни выказывая усталости, хотя другой на его месте уже давно бы выбился из сил. Мортимер выкопал яму в свой рост и продолжал копать глубже: глыба, загораживающая вход, словно бы росла из земли, уходя каменными корнями в самые её недра.

– Достаточно, – прервал его Тадеуш. – Вернись в фургон и принеси молот, и клин не забудь. Нужно попробовать расшатать её и опрокинуть. Или хотя бы наклонить настолько, чтобы я смог заложить в щель взрывчатку.

Пока Мортимер ходил за инструментом, профессор внимательно осматривал глыбу, перегораживающую вход. Поднёс к ней лампу, пытаясь увидеть, что наверху. Но так и не смог ничего разглядеть.

Когда слуга вернулся, Моравский кивнул ему, и тот приступил к исполнению озвученного плана. Попытался вбить клин меж камней, но у него ничего не вышло. Монолиты стояли так плотно, что, даже комару не удалось бы просунуть свой нос между ними.

Понаблюдав некоторое время за бесплодными попытками слуги, профессор произнес:

– Попробуем по-другому. С взрывом пока повременим. Подгони фургон и приготовь лестницу, хочу забраться наверх и прогуляться по «крыше» этого мемориала. Может быть, найдётся что-то, за что можно зацепиться и дёрнуть лошадьми. Правда, местные дорожки не предназначены для нашей кареты, но думаю костям, лежащим здесь уже все равно. Ступай!

Моравский, решив не ждать, пошел следом за своим слугой. Добравшись до кареты, профессор осторожно постучал в дверцу, не желая, чтобы гость пробудился в тот момент, когда лошади будут тянуть глыбу.

– Милорд, просыпайтесь. Простите за беспокойство, но обстоятельства вынуждают.

Подождал пару секунд и постучал настойчивее:

– Милорд, выйдите наружу.

Тишина. Потеряв терпение, Моравский открыл дверь, запрыгнул внутрь и опешил... Карpentера там не было.

– Что за чертовщина, – вполголоса проговорил он. – Куда же ты подевался?

Вышел наружу, обошёл фургон, но никаких следов мужчины не обнаружил.

– Милорд! – еще раз позвал он, но никто так и не откликнулся. Постоял пару минут, прислушиваясь, но ничего не услышал. Щелкнул пальцами, и Мортимер залез на козлы, хлестнул коней и направил их прямо к центру погоста, давя колесами всё, что попадалось по дороге.

Эпилог

– Может быть, все-таки бросим это дело, – жалобно протянул Джимми, – вспомни, что говорили крестьяне в деревне. Это место проклято.

– Идиот, – грубо прервал его Джонни, – они специально это говорили, чтобы отвадить других... Небось, сами уже всё столовое серебро растащили. И пожар устроили, чтобы скрыть следы. Думаешь, я не знаю всех этих приемчиков? А эта толстая старуха, как там ее? Тетушка Агата, кажется? Помнишь, как театрально слезы лила? «Не ходите туда, дьявол вас погубит». Свели в могилу местного святошу, видать, достойный человек был, запрещал этой деревенщине заниматься грабежами. Так они его и уokoшили, черти немытые. Ну, ничего, посмотри какой особняк, думаю там, нам тоже чего-нибудь перепадет.

– Смотри, Джонни, кто-то оставил лестницу, – произнес Джимми, указав пальцем на брошенный инструмент.

– А я о чем тебе толкую? Не мы одни собираемся здесь пошукать. Держи ухо востро, как бы за добычу драться не пришлось. Но не бойся, – Джонни повертел в руках огромный тесак, – я знаю, как договариваться с незваными гостями.

– Ты что их убьёшь? – огромные голубые глаза Джимми выражали неподдельный ужас.

– Нет, только пощекочу, – с многозначительным видом,

подмигнул тот. – Лезь наверх, ты у нас самый ловкий. Потом перекинь лестницу, и я перемахну на ту сторону.

Джимми как кошка взобрался по металлическим прутьям, но на самом верху что-то сделал не так: зацепился поясом и повис, раскачиваясь из стороны в сторону как флюгер на ветру. Старенькая ременная кожа не выдержала и разорвалась, освободив Джимми из плена. Тот с громким криком плюхнулся наземь. Джонни не выдержал и расхохотался.

– Поднимайся, акробат, и давай сюда лестницу, – произнёс он, утерев слезы смеха. – И больше не выкидывай ничего подобного. Мало ли кто мог услышать.

Джимми, которому всё это не казалось таким смешным, морщась от боли и потирая ушибленные бока, поднял лестницу, прислонил к воротам, собираясь её перекинуть. Цепь, державшаяся на честном слове, просто слетела с них. Ворота распахнулись, и Джонни, вновь залившись смехом, вошел внутрь.

Осмотрелся по сторонам и направился напрямиком к входу в особняк. Джимми, негромко ворча, поплелся следом.

– Окна разбиты, кажется, оттуда уже все выгребли, – заметил он.

– Не каркай, стервятник, – прошипел его подельник, – не порть настроение.

– А если и не выгребли, то всё сгорело. Посмотри сам: здесь бушевало адское пламя. Пойдем отсюда. Давай лучше уведём коня из деревни. Да пару индюшек стащим.

– Ааа, – протянул Джонни, – поджилки трясутся. Тебе бы пекарем быть или сапожником, зачем ты поддался в наше ремесло, будучи таким трусом? Индюшка... Пффф, это всё на что ты способен!

– Я не боюсь людей, – серьёзно ответил его напарник, – но... то, что рассказывали в селении.

– Байки суеверных крестьян. Ты же не настолько дремучая деревенщина, чтобы верить в призраков, демонов и прочую чепуху. Идём, посмотрим, что там внутри.

Сказав это, Джонни смело шагнул через разбитое окно. Джимми последовал за ним. Ему не хотелось оставаться снаружи одному, тем более, что уже стемнело и по лужайке расползался туман.

– Темно как под землёй, – пробормотал Джонни. Несмотря на свою прежнюю браваду, эти слова он произнёс почти шепотом. Обстановка повлияла и на него. – Зажги свечу, да поищем лампу: здесь должно быть что-нибудь такое.

Напарник послушно высек искру, запалил трут, а от него свечку, которую извлек из кармана. Осмотрелся по сторонам: повсюду виднелись следы бесновавшегося здесь пожара – копоть, пепел на полу, металл подсвечников, стекший и застывший на стенах.

– Дай и мне, – скомандовал Джонни, – и, получив ещё одну свечу, поднес её к лицу товарища. Хмыкнул, увидев испуганные глаза.

– Последний раз работаем вместе. Подыщу кого-нибудь

надежнее. Того, кто не испугается собственной тени. И какого-то заброшенного особняка... с призраками, – зловещим голосом добавил он.

Джимми поёжился, его глаза превратились в два белых блюдца.

– Начнем с хозяйских комнат на втором этаже: поищем драгоценности, а потом обшарим кухню – продолжил он, держа свечу как факел. Сделал шаг вперед, его взгляд скользнул наверх по обгоревшей лестнице и ещё выше. Едва, сдержав крик ужаса, отступил назад и уткнулся спиной прямоком в своего товарища.

– Что случилось? – еле слышно спросил тот.

– Ничего, не смотри вверх, – сдавленным голосом проговорил он в ответ и тут же пожалел о сказанном. Джимми поднял глаза. Под потолком, повешенный на люстре, висел человек в каких-то лохмотьях. Воришка присмотрелся, а затем попятился назад: то, что изначально показалось ему одеждой, было клочьями содранной кожи свисающей с рук, ног, спины и живота.

– Это место проклято, – дрожащим голосом пробормотал он и ринулся наружу.

– Беги, Джимми, беги! – крикнул ему вдогонку поделник. – Чертов трус! Я с тобой еще разберусь, по-свойски! И вся добыча достанется мне!

Последнему плевать было и на угрозы, и даже на всё золото мира, находишь оно в особняке. Он улепетывал так, что

Джонни мог поклясться, что видел в сгущающейся темноте его сверкающие пятки.

– Трус, – еще раз бросил он вслед убегающему, и задумался над первоначальным планом. Желание подниматься по лестнице на второй этаж резко пропало. Спустишь в винный погреб, может, найду что-то, что поможет успокоить нервы. Провёл свечой вокруг себя и обнаружил стоящую на полу масляную лампу. Какое удачное стечение обстоятельств. Интересно, кто её тут оставил. Поглядев по сторонам и, стараясь не смотреть на висящее тело, направился в сторону кухни. Там где-то должен быть спуск вниз: он знал это по собственному опыту. Джонни не раз проникал в особняки благородных господ. Правда, обычно начинал с обшаривания их спален: именно там эти снобы всегда хранят свои фамильные драгоценности. Но сейчас можно было сделать исключение: такое мрачное поместье ему довелось посетить впервые. Нужно выпить для храбрости, решил он.

Кухню огонь затронул не так сильно: на обугленном столе в беспорядке валялись столовые приборы. Джонни схватил деформированную вилку и поднёс к глазам:

Олово, – прошипел он. – Да, господа нынче пошли не те, ничуть не лучше крестьян. Никакого уважения ни к себе, ни к традициям.

Заглянул в маленькую комнатку по соседству и осмотрел её. Здесь располагалась ванна, которая в свете лампы показалась ему сделанной из чистого золота. Джонни произволь-

но издал радостный крик. Однако, подойдя ближе и, пнув её ногой, понял, что ошибся. Медь или бронза, но точно не золото. Гневно нахмурил брови и плюнул в затхлую воду. Всё здесь подделка, возможно, Джимми был не так уж и неправ.

А вот и спуск в погребок. Но если и там вместо вина будет дешёвое пойло или ещё чего похуже, клянусь, я еще раз подпалю это место. Ступая по отсыревшим каменным ступеням, спустился вниз. В погребке стояли огромные бочки, Тони постучал по ним и услышал глухой звук: пустые. Проследовал в конец погреба и увидел стеллажи, забитые пыльными бутылками. Наконец-то, обрадовался он, схватил первую попавшую: разгрыз сургуч, вырвал зубами пробку, вылил содержимое себе в глотку.

– Хорошее вино, – крикнул он, – сразу видно не из тех, что подают в трактирах простолюдинам. Дурак Джимми, упустил свой шанс. Ему никогда не попробовать такого.

Отхлебнув ещё раз, уселся на холодный пол, прислонившись спиной к одной из бочек. Немного передохну, а потом продолжу. Вся ночь впереди. Сделал глоток и услышал странный неприятный звук. Словно, кто-то провел вилкой по фарфоровой тарелке. Вскочил, вынул тесак из-за пояса и, крадучись, с ножом в одной руке и бутылкой в другой, начал подниматься по ступенькам. Увидел свет, льющийся с кухни. Бесшумно скользнул наверх, выглянул наружу и обомлел.

В комнате за длинным столом, накрытым белой кружевной скатертью, на высоком деревянном стуле сидел человек,

и элегантными движениями резал мясо на маленькие кусочки. Оправлял их в рот, запивая вином из серебряного кубка. Роскошные золотые канделябры с множеством свечей озаряли всё вокруг мягким желтым светом. По правую руку от человека неподвижно стоял другой, в черном сюртуке, судя по облику – слуга.

Первый поднес вилку с очередным кусочком мяса ко рту и застыл, заметив чужака:

– Кажется, у нас новые гости, Карпендер. Обеспечь достойный приём. Обоим. Найди им применение на конюшне или в саду. Но первым делом, этот – он ткнул вилкой в Джонни, – пусть вычистит мою ванну своим грязным языком!

Человек в гневе ударил кулаком по столу: свечи погасли и видение исчезло. Раздался громкий звон. Это вор вырвал из рук бутылку с вином. Когда алые капли коснулись его ног, он пришел в себя и рванул прочь из этого проклятого места. Выскочив в окно, побежал в сторону ворот. Дернул раз, два, но они не поддались: железная цепь прочно держала их. Озираясь по сторонам, заметил лестницу. Та лежала с противоположной стороны. Вцепился в прутья и затряс их, истошно вопя:

– Джимми, чертов ублюдок, я убью тебя!!!

Недолго думая, в поисках выхода, рванул по дорожке, ведущей к пруду. Полная луна ярко светила, заблудиться было невозможно. Судорожно ища спасение, заметил гигантский дуб, одна из ветвей которого свисала над оградой.

Дотянусь, подумал он, если выдержит и не сломается, переберусь по ней на другую сторону. И уж тогда догоню этого паршивца и прикончу.

Джонни несколько раз пытался вскарабкаться по ограде, чтобы зацепиться за ветку и с третьей попытки у него удалось. Ветвь жалобно скрипела, когда он по ней полз и молил всех богов, о которых когда-либо слышал, чтобы она выдержала. И боги вняли его молитвам. Спустившись на землю с другой стороны, размахивая тесаком и продираясь через кусты, побежал в сторону дороги ведущей к особняку.

– Ну, погоди, Джимми! Сейчас я до тебя доберусь! Будешь знать, как запирать ворота!

Джимми улепётывал как испуганный олень. Дорога от селения до особняка заняла у них около двух часов. Сейчас же он добрался до лесной опушки вдвое быстрее. Перед глазами уже маячили огоньки деревни. Он остановился перевести дыхание, оглянулся назад и услышал чей-то плач. Ему показалось, что плакала женщина.

– Кто здесь? – испуганно воскликнул он.

Из кустов со стороны деревни показался белый силуэт. Женщина, прижимающая к груди ребенка и судорожно всхлипывающая.

– Что ты здесь делаешь ночью одна? Если у тебя есть хоть крупица здравого смысла, возвращайся домой в Олдвидж. Там в лесу – Зло.

Женщина, казалось, не обратила внимания на его слова, только ещё крепче прижала пеленку с ребенком к груди. И вновь разрыдалась.

– Успокойся, пожалуйста, – примирительно сказал ей Джимми. – Да что с тобой случилось, ответь ради бога?

Женщина приблизилась к нему и протянула дитя. Не зная как на это реагировать, мужчина сначала сделал шаг назад, но она настойчиво протягивала ему кроху, продолжая всхлипывать. Незадачливый вор вытянул руку, взял свёрток. Младенец молчал, его лицо было закрыто простынкой. Мужчина не умел обращаться с детьми и, стараясь сделать так, чтобы его голос звучал как можно мягче, произнес:

– Так кто тут у нас?

Приоткрыл пеленку, чтобы увидеть лицо младенца и, завопив от ужаса, выронил его. Призрак, издав ужасающий вопль, бросился на мужчину и вцепился в горло своими когтями. Задыхаясь, цепenea от ужаса, Джимми глядел в беледые глаза своей смерти. А голова его подельника, высвободившись из истлевшей тряпки, неспешно покатилаь по проселочной дороге.